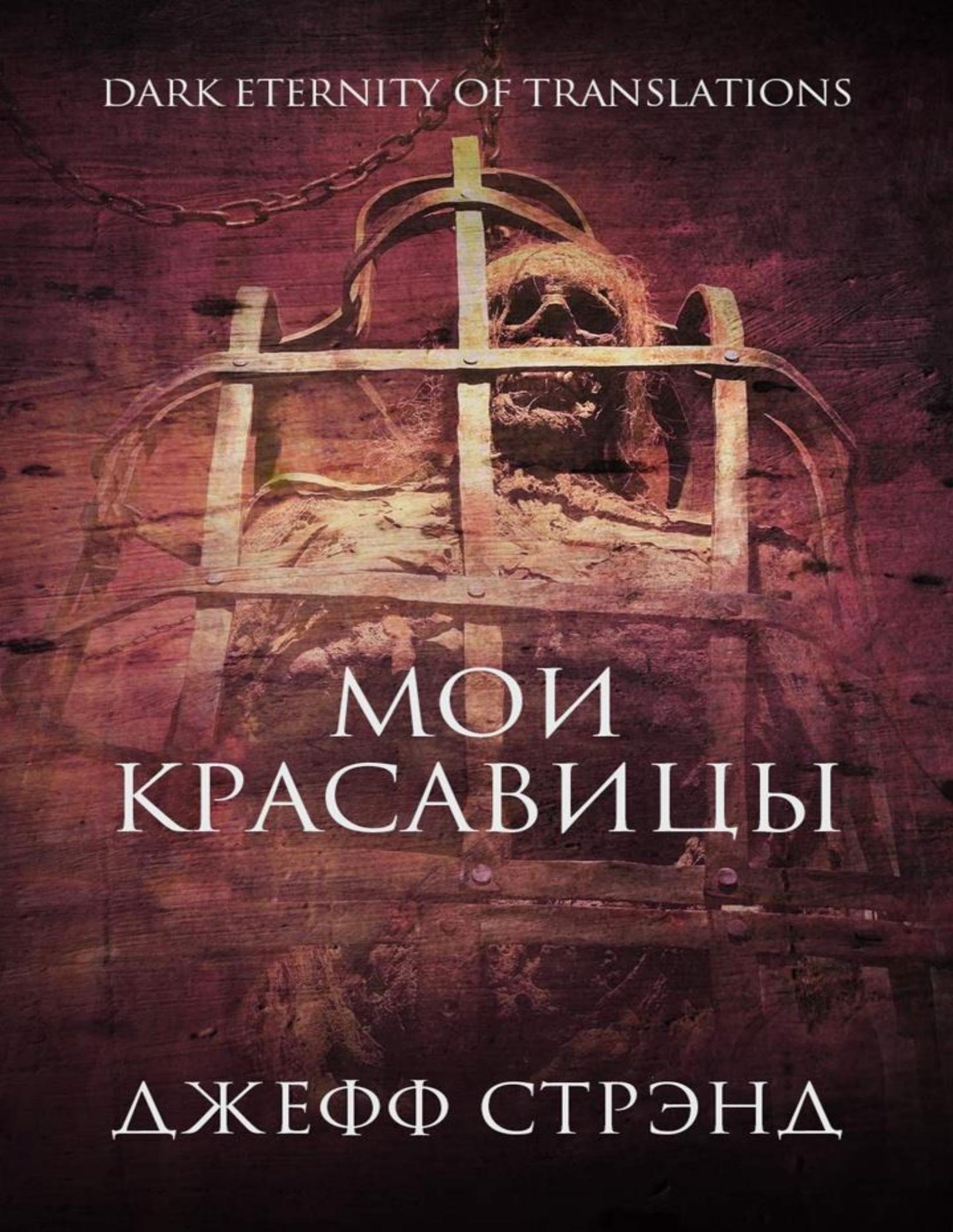

DARK ETERNITY OF TRANSLATIONS

МОИ
КРАСАВИЦЫ

ДЖЕФФ СТРЭНД

В городе завелся маньяк, который похищает девушек и запирает их в клетки в подвале. Каждую ночь он с вожделием наблюдает, как его красавицы медленно угасают от голода.

Герти, двоюродная сестра одной из жертв, вооружившись электрошокером, вечерами выходит на улицы, в надежде выманить ублюдка и отомстить, в чем ей с неохотой помогает подруга Шарлин. Но, к сожалению, девушки оказываются в ареоле нежелательной славы и теперь сами находятся в поле зрения очень опасного человека.

Джефф Стрэнд
«Мои красавицы»
Серия: Вне серий

Жанр: сплаттерпанк, ужасы, 18+

Переводчик: Олег Казакевич

Редактор: Маргарита Волкова

За обложку благодарим Риту Волкову

Глава 1

Оливия не сказала зрителям, что сегодня будет ее последнее выступление. Людей собралось немного, большинство из них пришло не для того, чтобы увидеть ее, и им было бы все равно. Она просто постарается выложиться по максимуму и выступить самым лучшим образом за всю свою музыкальную деятельность, постарается вложить всю свою любовь и страсть в эти последние шесть песен, а затем покинет сцену навсегда и сосредоточится на других аспектах своей жизни.

Было время, когда она не могла представить, что откажется от своей мечты. Это было до десяти последних лет выступлений в крошечных, часто дерьмовых, грязных клубах за мизерный гонорар или вообще бесплатно с более-менее отзывчивой публикой. Ей удалось продержаться десять лет без того, чтобы кто-нибудь не швырнул ей в голову пустую пивную бутылку, — но как правило люди на ее выступлениях были вялые. В основном она помогала скоротать время до выхода хедлайнера.

Оливия любила музыку больше всего на свете. Но сейчас она, наконец, начала признавать, что, возможно, у нее она не очень хорошо получалась.

Она не была бездарностью. Люди не убегали с ее выступлений, зажимая уши ладонями. Но они также и не спешили к ее столу с мерчем, чтобы купить наклейки или компакт-диски. Иногда люди говорили ей, что им нравятся ее песни, но большой фан базы у нее не было. Редко кто приходил на концерт специально на нее. У нее не было группиз (прим.: поклонники, сопровождающие своих кумиров во время гастролей), и она определенно была бы счастлива жуткой сталкерше.

Осознание того, что в лучшем случае она может быть лишь середнячком, пришло к ней после того, как вопреки здравому смыслу она устроилась на повседневную работу, которую как она рассчитывала не возненавидит через какое-то время. И она оказалась права в своем решении. Это была достойно оплачиваемая, приносящая моральное удовлетворение работа с дружелюбным коллективом — худшее, что могло быть для ее артистической души. Она все еще хотела быть успешным музыкантом, но больше не жаждала этого так как раньше. Хотя Оливия и мечтала об обожании со стороны аудитории, теперь ей также нравилась медицинская страховка, которую она получила вместе с новой работой.

Она обдумывала некоторое время решение бросить музыку и все решила для себя, когда она не рассказала никому на работе о сегодняшнем выступлении, потому что побоялась, что ее коллегам, возможно, придется немного солгать, когда они будут хвалить ее после концерта.

Теперь она здесь.

Менеджер подал ей сигнал, и она вышла на сцену со своей акустической гитарой и сыграла от всего сердца.

Девушка думала, что расплачется, когда ее выступление заканчивалось, что создало бы неловкую ситуацию для зрителей, так как они не знали, что это конец ее эпохи, но она чувствовала себя странно спокойной, будто это было не по-настоящему. Она ощущала себя почти счастливой. Освобожденной.

Оливия ушла со сцены под редкие аплодисменты. Взяла пиво и прислонилась к задней стенке, собираясь с мыслями.

К ней подошел мужчина. Он выглядел на несколько лет старше ее, может быть, на

тридцать пять. На его лице были черные солнцезащитные очки и одна из тех модных хипстерских бород. На шее у него был небольшой пластырь.

— Отличное выступление, — сказал он.

— Спасибо.

Он переложил свою бутылку пива из правой руки в левую, прежде чем подать ей руку.

— Грег.

Она пожала его руку в ответ.

— Оливия.

— Мне очень понравились твои песни.

— Спасибо. И знаешь, не хочу выглядеть стервой, но мне нужно немного расслабиться, так что стоит меня сейчас трогать.

Грег поднял левую руку и постучал по своему обручальному кольцу.

— Вообще-то подкатывать к тебе не входило в мои планы.

— Можно подумать, то, что ты женат, остановило бы тебя?

— Клянусь, я не хочу ничего плохого. Все, что мне нужно, — это минута твоего времени. И кстати, где твой менеджер?

— У меня его нет.

— Ты серьезно?

— Серьезно.

— Тогда я рад, что подошел поговорить с тобой. Я не знаю, в каком направлении ты хочешь двигаться со своей карьерой, но, держу пари, у тебя более высокие цели, чем выступать в подобных местах.

Оливия пожала плечами. Хотя Грег казался достаточно милым, но он опоздал на одно выступление.

Он полез в задний карман, достал бумажник и вытащил визитную карточку. В ней говорилось, что Грегори Коффер был музыкальным агентом, также прилагались номер телефона и веб-сайт. В правом верхнем углу была пара музыкальных нот. Он сунул бумажник обратно в карман, пока Оливия смотрела на визитку.

— Ты работаешь с музыкантами? — поинтересовалась она.

— Да.

Она вернула визитку ему обратно.

— Спасибо. Но я уже проходила через это раньше. Без обид, но у меня уже были менеджеры, которые обещали весь мир у моих ног.

— Так я и не обещаю весь мир у твоих ног. Даж не пытаюсь впарить тебе, что организую аншлаги в Мэдисон-сквер-гарден. Я только хочу сказать, что могу устроить тебе гораздо лучшие концерты, чем этот. Ты ведь сама пишешь свои песни, верно?

Оливия кивнула.

— Я хочу сказать, что есть определенная энергетика, когда певица исполняет свой собственный материал, песни, которые она создала, которыми увлечена. У тебя слишком много таланта, чтобы играть перед дюжиной человек, которые слишком заняты ковыряниями в своих телефонах, чтобы испытать те эмоции, которые ты им даришь. Ты должна открываться для больших выступлений на лучших площадках. И тогда другие люди смогут открыться для тебя. Это будет сделано маленькими шажками, и это будет очень тяжелая работа, но в тебе есть что-то особенное. Я бы хотел помочь тебе.

Оливия рассмеялась. Она ничего не могла с собой поделать.

Грег приподнял бровь.

— Я сказал что-то смешное.

— Я ухожу, — сказала она. — Сегодня вечером было мое прощальное выступление. Так что я покончила с этим делом.

— О, как. Что ж, это разбивает мне сердце. Для меня большая честь, что я смог присутствовать при этом. Жаль, что я не встретил тебя раньше. Я чувствую, что мог бы все изменить.

— Может быть.

— Могу я, по крайней мере, купить у тебя диск с автографом?

— Сегодня я без мерча.

— Ну, черт. Я провожу каждую ночь, шастая вокруг, пытаюсь найти нераскрытые таланты, подобные тебе, и на этот раз я опоздал, зараза. Ну что же, надеюсь мне повезет, и через год или около того я увижу, как ты где-нибудь играешь, и узнаю, что ты передумала. — Он протянул руку. — Удачи тебе, Оливия.

Она вздохнула. Затем сделала большой глоток пива, прикончив бутылку.

— Мне нужно еще выпить, — сказала она. — Как насчет того, чтобы ты угостил меня, и тогда поговорим?

— Я был бы счастлив.

— Я почти определенно скажу «нет». Но выслушаю то, что ты хочешь сказать.

— Супер. — Он указал на бутылку. — Тебя взять такое же?

— Да.

— Сейчас вернусь.

Оливия внимательно наблюдала за Грегом, пока он шел к бару. Он казался по-настоящему хорошим парнем, но это не означало, что он не попытается подсыпать что-нибудь в ее напиток.

Она не могла поверить, что это происходит с ней. Девушка провела долгие бессонные ночи, обдумывая это решение. Плакала в уборной на работе из-за этого. И теперь, когда она смирилась с этим, когда почувствовала себя лучше, Грег свалился как снег на голову, чтобы, возможно, сделать предложение, которое могло бы заставить Оливию до конца ее дней задаваться вопросом, что могло бы быть, если бы она не отказалась от него.

Но она должна отказаться. Она должна абсолютно, решительно, без вопросов отказаться от этого. Зачем ей снова проходить через все эти разочарования?

Бармен открыл бутылки, и Грег принес их к столику. Он поставил бутылку перед Оливией, затем поднял свою.

— Твое здоровье.

— И твое.

Они чокнулись бутылками.

— Так позволь мне быть предельно откровенным, — сказал Грег. — Если ты испытываешь какие-то трудности на сцене, то они у тебя из-за отсутствия не музыкального таланта, а сценического мастерства.

Оливия усмехнулась.

— Ты хочешь сказать, что я скучная?

— Вовсе нет. Ты просто слишком сильно сосредотачиваешь все свое внимание на песнях, а не на публике. Между каждой песней должно быть взаимодействие с аудиторией. Шутки. Анекдоты. Забавные истории. Нужно будет подготовить разговорный материал,

чтобы зрители чувствовали себя твоими друзьями.

— Я уже это пробовала и у меня не получилось.

— Могу поработать с тобой над этим. Клянусь, Оливия, я могу вывести тебя совершенно на новый уровень. Я не говорю, что могу отвести тебя сюда, — сказал он, подняв руку высоко в воздух, — но я обещаю, что с могу отвести тебя сюда, — указал на грудь.

— Ну, и где же я сейчас по-твоему?

Грег опустил руку на дюйм. Затем усмехнулся.

— Извини, я не хочу себя недооценивать, но не желаю опускать руку слишком низко и оскорблять тебя. Для меня это было беспроигрышное движение руки. Все, что я хочу сказать, — это то, что я могу помочь.

— Я все еще не уверена.

— Мне нравится слышать это сомнение в твоём голосе. Вот мы уже чего-то добились.

Пьяная женщина ввалилась в их кабинку, чуть не опрокинув их выпивку. Она посмотрела прямо на Оливию расфокусированным взглядом.

— Эт. Было. Потрсающе.

— Прошу прощения?

Женщина указала на пустую сцену.

— Ну это. Когда ты был там, наверху. Пела свои гребаные песни. Разве ты не видела, как я ласкаю себя?

— При таком освещении трудно разглядеть публику, но я ценю это. Спасибо тебе.

— Не надо меня благодарить милая. В любом случае, я не хотела мешать вам. Пока.

Она отшатнулась и ушла.

— Похоже, я не единственный, у кого прекрасный музыкальный вкус, — сказал Грег.

— Блин, это было странно. Со мной обычно такого не бывает. Если бы подобное происходило почаще я бы и не думала завязывать.

Конечно, эта женщина, скорее всего, упадет в обморок в туалете через три минуты, но Оливия не возражала, когда похвалы исходили от людей, настолько пьяных, чтобы понимать, что они говорят.

— Я никогда не был на твоих концертах раньше, но, возможно, мысль о том, что это твое последнее выступление, позволило тебе расслабиться на сцене.

— Я бы не сказала, что была расслаблена.

— Может быть, ты все-таки была более расслабленная, чем обычно?

— Да нифига. Я нервничала еще больше. Но знаешь я правда хотела дать свой лучший концерт. Не знаю, а что если я сдерживалась все это время?

Грег сделал глоток своего пива.

— Возможно.

— Ну, или это просто может быть совпадение, — сказала Оливия. — Судьба пытается пошутить так надо мной. Жизнь сука вбрасывает целую кучу «А что если» в мою жизнь как раз тогда, когда я думала, что все решила для себя.

— Ну, смотри, а чем ты рискуешь? Я же не прошу от тебя денег взамен. Я работаю за комиссионные. Все, чего я хочу от тебя, — это немного твоего времени. Чтобы подтянуть твое актерское мастерство, чтобы организовать хорошие концерты. Я прошу тебя дать мне месяц. Всего один месяц. Один месяц, чтобы ты сказала: «О, моя карьера идет немного лучше, чем месяц назад». Смотри мы даже контракт заключать не будем. Уйдешь, когда захочешь, в любой момент.

Оливия начала было говорить ему «нет». Но вместо этого сделала большой глоток пива.

— Мне нужно подумать. Взвесить все за и против.

— Справедливо. Я здесь не для того, чтобы давить на тебя. Все, о чем я прошу, — это чтобы ты не выбрасывала мою визитку. Ты можешь пойти домой и решить, что тебе это ни капельки не интересно, и это нормально, но через год, два, если ты передумаешь, позвони мне пожалуйста. Я не вру, когда говорю, что почти никогда не встречаю таких талантливых людей, как ты. Я бы не стал тратить свое время на бездарность. И черт возьми, ты стоила мне слишком дорогого пива.

Оливия рассмеялась и сделала еще один глоток.

— Знаешь сегодня была очень странная ночь.

Она допила пиво и начала терять нить разговора. Грег предложил проводить ее до машины, и она подумала, что это может быть хорошей идеей, так как он был очень мил. Оливия позволила ему вывести себя из клуба. Она не могла вспомнить, положила ли уже свою гитару обратно в машину, но предположила, что это не имело значения, потому что сомневалась, что когда-нибудь снова сыграет на ней. Ей бы конечно следовало продать ее, а не оставлять в этом баре, но девушка ведь уже могла положить ее в машину раньше.

У нее не было никакого способа узнать наверняка, и Грег на самом деле вел ее не в направлении машины, что сначала казалось плохим решением, но не сильно, когда девушка решила, что ей все равно не стоит садиться за руль в таком состоянии, ибо это было бы безрассудно и безответственно с ее стороны. Тем более Грегу было очень приятно ухаживать за ней. Оливии было плохо от того, что она больше не хотела снова играть музыку, а он был так мил с ней, что пристегнул девушку ремнем безопасности за нее, будто она была его дочерью. Оливия хотела, чтобы у нее была дочь, но только одна — не стоило увлекаться с этим. О, вот что еще было забавно: она не могла заставить себя смеяться. Единственное, чего она хотела, так это закрыть глаза и больше не открывать их, но черт, наверное, это было бы грубо по отношению к Грегу. К сожалению, уже было слишком поздно, она все-таки прикрыла глаза и не смогла открыть их, да ей и не хотелось, ведь с ней был Грег, а он был очень добр к ней.

***

Оливия открыла глаза.

Ее раскачивало в разные стороны.

Не от того, что ее накачали наркотиками. А от того, что она находилась в металлической клетке, подвешенной в нескольких метрах над цементным полом, ее ноги свободно болтались в воздухе. Внутри клетки почти не было места для движения — при ее самом большом весе несколько лет назад она, вероятно, не поместилась бы здесь. Верхняя часть клетки прижалась к ее макушке. Ее плечи касались прутьев по бокам.

Она могла повернуть голову. Когда она это сделала, то увидела, что в комнате без окон находилась дюжина таких же клеток, четыре ряда по три, подвешенных на толстых цепях к потолку. Больше половины клеток были заняты.

Деревянный стул и стремянка стояли в дальнем углу рядом с дверью.

Женщина в соседней клетке была бледной. Истощенной. Ее глаза были открыты, и она

смотрела на Оливию, но было непонятно, видела ли та ее на самом деле.

Другие женщины — а все пленницы были женщинами — казались мертвыми. Трое из них были мертвы без всяких сомнений. Две других, возможно, были без сознания, но, скорее всего, нет. Все они были кошмарно худыми. Почти скелеты. А одна буквально была костями обтянутыми высушенной кожей.

Запах гнили был настолько сильным, что у Оливии случился приступ удушливого кашля, который длился почти минуту.

Когда она перестала кашлять, то закричала.

Затем она заставила себя заткнуться и оценить ситуацию. Грега в комнате не было. Она могла сбежать. Ее разум все еще был затуманен, но должен же был быть какой-то выход из этой ситуации. Тот который все остальные обреченные женщины проглядели.

— Пожалуйста не делай так больше, — сказала женщина в клетке рядом с ней. Ее голос был слабым и хриплым.

— Не делать что?

Женщина с усилием дважды моргнула, как будто пыталась сосредоточиться.

— Кричать. У меня раскалывается голова от громких звуков.

— Где мы вообще?

— Разве это имеет значение? Тебе нужно просто переждать первичный шок. На самом деле, здесь не так плохо, когда перестаешь что-либо чувствовать.

Оливия начала болтать ногами. Клетка закачалась вместе с ней.

— Мы уже пробовали раскачивать их. Каждая пробовала. Мы перепробовали все что могли.

— Ну, я не собираюсь просто так сидеть здесь.

— Тебе придется. Это все, что тебе осталось. Просто сидеть. Он потом даст тебе воды. Но без еды. Никогда никакой еды. Скоро мы станем такими же, как все здесь.

— Они что, все умерли от голода?

— Я думаю, что он разозлился на первую. По крайней мере, я так слышала. Меня еще здесь не было, когда она умерла. А остальные, да, умерли от голода.

— Нам надо попробовать сбежать, — настаивала Оливия. — Если мы будем работать вместе, мы сможем выбраться из этого. Должен же быть какой-то способ.

Женщина улыбнулась.

— А ты милая.

— Я так просто не сдамся.

— О, ты сделаешь это.

— Когда он вернется?

— Какая тебе разница?

— Когда?

— Я не знаю.

Клетка Оливии раскачивалась взад-вперед на несколько сантиметров, не доставая до клетки женщины. Скорее всего, они специально были подвешены так, чтобы пленницы не могли достать друг до друга. Оливия не могла поверить в то, что крепеж был настолько прочным, что она не смогла бы выдернуть клетку из потолка, раскачивая ее, но девушка должна была что-то предпринять. Она не могла просто сидеть здесь и медленно умирать.

Клетка так и не оторвалась от потолка.

Через некоторое время она перестала раскачиваться.

Затем она снова начала кричать.

Конечно, комната была звукоизолированной. Другим женщинам тоже бы пришлось в голову звать на помощь. Она зря тратила силы.

Ее ноги свободно болтались в воздухе. Когда Грег вернется, она сможет заманить его поближе к себе, а затем ударить ногой в лицо. Сломать ему нос.

Хотя да кроме морального удовлетворения это явно не принесет никакой пользы. Она же все равно останется запертой в клетке.

Она могла бы поговорить с ним. Образумить его. Убедить, что она никогда никому ничего не расскажет, ни одной живой душе. Она не знала, что говорили ему другие женщины. Может быть, она могла бы сказать что-то другое. Что-то, что заставило бы его передумать на ее счет.

Оливия снова закричала на этот раз еще громче.

— Ты делаешь мне больно, — сказала другая пленница, когда Оливия наконец остановилась.

— Но отсюда же должен быть какой-то выход.

— Скоро ты перестанешь в это верить. Когда он вернется, сядет в кресло и будет наблюдать за нами. Просто смотреть на нас. Спокойно следить за тем, как мы умираем с голоду.

«Твою ж мать», — подумала Шарлин, войдя в комнату для персонала и увидев плачущую новенькую, прислонившуюся к стене. Неужели ей придется спрашивать ее, что случилось? Пытаться утешать ее? Может, ей стоило тихо выйти из комнаты прикрыть за собой дверь и надеяться, что та ее не заметит?

Но нет, новенькая увидела Шарлин и быстро промокнула глаза от слез.

— Извини. Мне жаль, что ты застала меня такой.

Шарлин была почти уверена, что та говорила ей, что ее звали Герти. Представившись, она сказала: «Да, как Дрю Бэрримор в "Инопланетянина"», так что, если Дрю сыграла кого-то по имени Герти в этом фильме, это было имя новой девушки. Шарлин никогда не видела инопланетянина и не подумала бы сделать отсылку к нему. Но тем не менее невероятно неуместный инопланетный комментарий всплыл у нее в голове, но Шарлин, во-первых, была на работе и, во-вторых, только что наткнулась на плачущую Герти в подсобке, поэтому она сдержалась от сарказма и оставила уморительно грубый комментарий при себе.

Так что да, сейчас она гордилась собой так как обычно ее высказывания проскакивали мимо фильтра и обижали людей.

Герти была привлекательной девушкой, хотя и не во вкусе Шарлин. Она сомневалась, что у Герти была хотя бы одна татуировка. Шарлин нравилось быть развращенной, а не развращающей (хотя сейчас, в возрасте двадцати шести лет, было бы трудно найти сценарий, в котором она могла бы сказать: «Боже милостивый, я никогда не делала этого раньше!»). Герти выглядела вполне хорошенькой. Не девственницей, конечно, но и не из тех, кто позволил бы любовнику душить ее. Среднего роста, очень худенькая — не в смысле как анорексичка, но все равно тощая как щепка. Вероятно, она только что закончила колледж, и ее слезы были вызваны осознанием того, что четыре последних года потраченных на образование позволил ей устроиться на работу официанткой в итальянский ресторан.

— С тобой все в порядке? — спросила Шарлин. — Я имею в виду, очевидно, что нет, извини за глупый вопрос. Я имела в виду, могу ли чем-нибудь помочь тебе?

— Нет. Мне просто была нужна минутка наедине с собой, а в туалете уже было занято.

— Ты уверена?

Шарлин не знала, почему она спросила. Ей сделали намек, на то чтобы вежливо уйти — почему она им не воспользовалась?

Герти кивнула.

— Клиентка нахамила мне. Наверное, в этом нет ничего особенного. Мне просто нужно привыкнуть к такому отношению.

— За каким она столиком?

— За восьмым.

— Баба в голубом платье?

— Да.

— Она выглядит как мега-сука. Она знает, что ты новенькая? Ты же уже прошла стажировку у Джейсона, верно?

Шарлин была выходная во вторник и среду. Весь вторник она провела в пижаме за просмотром телевизионных шоу, а день в среду помогала родителям красить дом.

— Да. Но в том то и дело, что я не сделала ничего плохого. Она просто одна из тех

людей, которым нравится быть злыми по отношению к людям, что ничего не могут с этим поделать. Но, опять же, в этом нет ничего особенного. В последнее время я была немного сбита с толку, не была готов к такому хамству сразу после того, как начала свою первую смену. Это буквально первый стол, который я обслужила самостоятельно.

— Хочешь, я разберусь с ней? — спросила Шарлин.

— Нет, все хорошо. Плюс у тебя и у самой хватает столиков.

— Черт, я не это имела в виду.

— А что ты тогда имела в виду?

— Месть.

Герти посмотрела на нее взглядом «Ты, должно быть, издеваешься надо мной», а затем, похоже, быстро поняла, что Шарлин говорит серьезно.

— О, нет, нет, нет, в этом нет никакой необходимости. Она была не так уж и груба.

— А это ничего, что она тебя до слез довела?

— Да уж. Она реальная сволочь. Она настоящее исчадие ада. Но пожалуйста ничего не делай ей.

Шарлин подошла к ней.

— Я буду честна с тобой. Эта работа дерьмо, и мне все равно, уволят меня или нет. Так что я буду более чем счастлива избавиться от твоей проблемы.

— Не хочу, чтобы у тебя были неприятности из-за меня.

— Я только что сказала, что мне все равно, если меня уволят. И я же не собираюсь вонзать ей вилку в голову. Плюс это поднимет тебе настроение, я обещаю.

— Нет. Пожалуйста не делай этого.

— Прости. Поезд уже в движении. Если ты хочешь остановить меня, тебе придется связать меня.

Шарлин повернулась и вышла из задней комнаты. Она подошла к столу шеф-повара и взяла поднос, предназначенный для четырнадцатого столика, затем прошла в зал. Она подошла к восьмому столику, где сидела женщина средних лет, выглядевшая так, словно она развлекалась с парой дельфинов всю ночь, она же в свою очередь сидела напротив гораздо более пожилого мужчины, который выглядел так, будто это он купил ей этих чертовых дельфинов.

— У вашего официанта возникли семейные проблемы, и ей пришлось уйти, — сообщила им Шарлин.

Женщина выглядела раздраженной этим. Мужчина пожал плечами и неопределенно хмыкнул.

— Так, а кто из вас заказывал лазанью?

— Мы не заказывали никакую лазанью, — сказала женщина.

Честно говоря, лазанья не была их заказом, но то, как она это сказала, ясно дало понять, что Герти не преувеличивала, когда говорила, что эта женщина сволочь.

— То есть, как это не заказывали? — спросила Шарлин. — Вы точно в этом уверены?

— Мы не старперы какие-то. И да, черт бы тебя побрал, мы точно помним, что заказывали.

Шарлин оглянулась в сторону кухни. Герти стояла в дверях, внимательно наблюдая за ней, девушка выглядела очень взволнованной тем, что может сделать Шарлин. Вид у нее был такой словно она уже пожалела, что не связала ее. Ну что ж.

— Хм. Но мне сказали, что это вы заказали лазанью. Может быть, я ослышалась. Иногда

я бываю такой легкомысленной. Вечно мне все говорят, чтобы я быстрее соображала, но разве я прислушиваюсь? Нет. Голова-то набекрень. Видите?

Она наклонила голову вбок и вывалила тарелку с лазаньей прямо на платье женщины.

— Ойушки! — воскликнула Шарлин, когда все в ресторане повернулись, чтобы посмотреть на то что у них стряслось. — О боже, я не хотела!

— Чертова раззява! — взвизгнула женщина и встала. Томатный соус, сыр и паста соскользнули по ее платью.

— Мне так жаль! Я такая растяпа!

Шарлин снова посмотрела на Герти. Она в шоке смотрела на происходящие, прикрыв рот рукой. Шарлин не могла сказать, довольна ли она была или нет. Это не имело значения — она сама была довольна.

Она поставила поднос, затем взяла салфетку со стола и принялась промокать платье женщины.

— По крайней мере, это были не спагетти. Они сволочи очень скользкие. Позвольте мне вам помочь.

Женщина отмахнулась от ее руки.

— Не прикасайся ко мнедрянь.

— Я правда очень сильно перед вами виновата, и, уверяю вас, мы не возьмем с вас деньги за лазанью.

— Да мы, бл*ть, не заказывали эту еб*ную лазанью!

— Богу становится грустно, когда люди так выражаются.

Женщина посмотрела на нее с чистой, неприкрытой ненавистью.

Теперь Шарлин предстояло принять чрезвычайно важное решение. На подносе все еще стоял большой стакан кока-колы. Не зайдет ли это слишком далеко? Или это будет означать, что вы получаете то что заслужили? Может быть, эта женщина была бы признательна ей, если бы теплую пасту заменили ледяным безалкогольным напитком. Это могло бы придать дерзкий вид ее соскам. Всем же нравятся вид женских сосков под мокрой тканью.

Она взяла поднос, еще не определившись с планом дальнейших действий. Кока-кола может остаться в вертикальном положении. А может, и нет. Все зависело от того, перестанет ли женщина хмуриться в ближайшие пару секунд.

Женщина не перестала.

Шарлин, чокнутая недотепа, которой она была, неслучайно наклонила поднос, в результате чего кола опрокинулась и расплескалась по всей женщине. Поскольку та стояла, содовая попала ниже, чем лазанья; в противном случае это могло бы помочь смыть часть томатного соуса. Женщина издала великолепный вопль.

— Не могу поверить, что сделала это снова! Я будто забыла, как держать равновесие. Мне так, так, так, так, так, так, так, так жаль, мэм.

— Ты тупая идиотина!

— Тупая идиотина? Я понимаю, что ты расстроена, но не надо меня оскорблять.

— Я хочу поговорить с менеджером.

— Он скоро подойдет. Я уверена, он слышал, как ты тут визжишь.

Шарлин сидела в кабинете менеджера. Трэвис, менеджер «Итальянского ресторанчика», в котором не было и следа от Италии, сидел напротив нее с суровым видом. Он потер глаза, провел рукой по седеющим волосам, почесал макушку, снова потер глаза, вздохнул, а затем заговорил.

— Ты же знаешь, что я собираюсь тебе сказать, верно?

— Я уволена?

— Конечно, ты не уволена. У нас и так не хватает людей. Я не собираюсь отрезать себе нос назло своему лицу.

— Никогда не понимала, что это значит.

Трэвис выглядел удивленным.

— Это значит, что если ты злишься на свое лицо, то не отрежешь себе нос, потому что это больно.

— Подожди, я знаю, что это значит. Это поговорка. Как про кусок торта или сиденье на двух стульях.

— Если ты съешь свой торт, у тебя его больше не будет. У тебя либо есть кусок торта, либо ты уже ешь его, но не можешь делать и то, и другое с одним куском.

— Понятно, — сказала Шарлин. — Если ты не собирался говорить, что я уволена, тогда что ты хотел мне сказать?

— Я заплатил за ее химчистку из твоей зарплаты.

— Бля.

— Согласись, справедливое же решение.

— Я никогда не сдавала одежду в химчистку, — сказала Шарлин. — Так что я понятия не имею, сколько это стоит.

— Ой, не переживай не так уж и много.

— Ладно, хорошо.

— Она сказала, что ты сделала это специально.

— Это не похоже на меня.

— Я слышу сарказм в твоём голосе, но это действительно не похоже на тебя, — сказал Трэвис. — Вот почему я притворяюсь, что даю тебе презумпцию невиновности.

— Я ценю это.

— Она бывала у нас уже раньше. Очень тяжелый человек. Но это не значит, что ты можешь вываливать на нее еду. А что если бы ты ее ранила?

— Лазаньей?

— А в друг у нее была бы аллергия на помидоры?

— Я не увидела аллергической реакции на ее коже.

— А вдруг. Ты же не можешь знать заранее траекторию, по которой полетит соус. Вот ты вываливаешь на кого-то лазанью с аллергией на томат и здравствуй судебный иск.

— Я об этом не подумала.

— Ты ведешь себя так, будто я тут шутки с тобой шучу, но сейчас вполне серьезно разговариваю с тобой.

— Обычно я не могу определить степень серьезности наших разговоров.

— Злой Босс по отношению к безответственному сотруднику, но с любовью.

— Ясно. Такое больше никогда не повторится. Я просто разозлилась, потому что она довела новенькую до слез.

— Я специально поставил Герти за ее столик. Если ты сможешь пережить эту ведьму,

то сможешь справиться с любым другим клиентом. Это была проверка.

— Она бы ее прошла. Ей просто нужна была минутка, чтобы успокоиться. Герти не хотела, чтобы я вываливала на нее лезанью. Она даже пыталась остановить меня, но только словесно, так что у нее не получилось.

— Тебе не нужно защищать ее. И да, ее я тоже не собираюсь увольнять. Выкинете еще один подобный трюк, каким бы забавным и приятным он бы не был, и тогда у нас будет совсем другой разговор. Понимаешь, о чем я?

— Да, сэр.

— Теперь давай иди работай.

В ресторане сейчас был обеденный ажиотаж, так что у Шарлин и Герти не было возможности поговорить. Она показала Герти большой палец, чтобы показать, что она все еще работает, хотя Герти могла бы понять это из контекста, так как Шарлин несла полный поднос в зал.

Они обе должны были работать до закрытия. У Шарлин был столик, который не спешил закругляться, но это была приятная пара, что было прекрасно. Около десяти тридцати вечера она вышла из ресторана, с нетерпением ожидая, когда ее ноющее тело погрузится в ванну с пеной. Герти, чей последний столик освободился двадцать минут назад, ждала ее.

— Ну, и как прошел твой первый день? — спросила Шарлин.

— Третий день. Было довольно интересно.

— Эта работа отстой, верно?

— Да нет, — сказала Герти. — Я плакала только один раз. И если меня не вырвало от стресса в течении смены, то я считаю, что это хорошая работа.

— А где ты работала до этого?

— В сервисной службе.

— Ах. Попалась.

— В общем, я хотела поблагодарить тебя за то, что ты сделала. Тебе не нужно было этого делать. Скажу даже больше, тебе не следовало этого делать. Да, определенно тебе не следовало этого делать. Но я хотела отблагодарить тебя лучшим из известных мне способов.

— Это каким же? — спросила Шарлин.

— Алкогольные молочные коктейли.

— О, черт возьми, да.

— В трех кварталах отсюда есть неплохое местечко, если, конечно, ты не слишком устала.

— Я была слишком уставшей, пока ты не сказала «алкогольные молочные коктейли». Затем мое тело внезапно наполнилось живительной энергией, и я чувствую себя так, будто могу добиться чего угодно, если, конечно, это включает в себя употребление алкогольных молочных коктейлей.

— Ну, так пойдём.

***

Они сидели в баре, каждая с ванильным молочным коктейлем, заправленными ликером Бэйлис. Герти выпила первую половину своего с впечатляющей скоростью.

— Ну, и сколько ты уже там работаешь? — спросила Герти.

— Пару месяцев.

— И тебе не нужна эта работа?

— О, нет. Мне нужна эта работа. Я имею в виду, мне вообще нужна работа. Знаешь сегодня произошло то, что я называю «безбашенным моментом». Я бы могла сказать, что это было впервые, но тогда бы я соврала. Может быть, это был, я не знаю... безбашенный момент номер двадцать тысяч сто восемнадцать? Двадцать тысяч сто девятнадцать? Я не знаю. Я, как правило, не слишком много думаю о последствиях, прежде чем делаю что-то такое. Мне кажется, что ты полная моя противоположность.

— Почему ты так решила? — спросила Герти.

— Ну, такое у меня сложилось первое впечатление о тебе.

— Ой, нет, что ты. Я очень импульсивна.

— Ладно. Хорошо. Приведи мне пример.

— У меня есть один поступок, но ты подумаешь, что я невменяемая.

— Мне нравится безумие. Рассказывай давай.

— Я приберегу его на следующие коктейли, — сказала Герти.

— Как, черт возьми, ты остаешься такой худой, если выпиваешь два молочных коктейля за один присест?

— Я много хожу пешком.

— Логично. Знаешь я, пожалуй, воздержусь сегодня от второго.

— О, у нас дешевое свидание.

— В финансовом плане, может быть. Но ты лучше спроси моих бывших подружек о психологической цене.

Герти рассмеялась. Затем нахмурилась.

— О, ты... Я не... Я пошутила, когда назвал это свиданием... Я не...

— Ты натуралка. Я понимаю.

— Я даже не би. Извини. Я не...

— Я приняла твое приглашение, не чтобы попытаться совратить тебя.

Герти на это ничего не ответила. В помещении было не очень хорошо освещено, но Шарлин предположила, что ее щеки пылают ярко-красным.

— Я не агрессивная лесбиянка. И умею создавать связи с гетеросексуальными девушками, и меня совершенно устраивает мысль о том, что, между нами, ничего не будет. Уверяю тебя, я вижу в тебе просто подругу и ничего больше.

— А что, если бы я была бисексуалкой?

— Все еще просто друзья.

— Ты сделала комплимент моему телу.

— Нет, я сказала, что ты худая. И я бы похвалила тело Райана Рейнольдса, если бы он сидел рядом со мной. У него тоже нет ничего лишнего.

— Но почему только подруги?

— Ты уверена, что это твой первый коктейль?

— Да, но это чертовски крепкий коктейль. Наверное, мне следует ограничиться одним. Так все-таки почему только подруги?

— Сколько у тебя татуировок? Ни одной, верно?

— Есть одна.

— На груди?

— На лодыжке.

— Череп?

— Ламантин.

— Ламантин с клыками?

— Нет, просто ламантин.

— Видишь ли, это проблема. А соски у тебя проколоты?

— Ой, нет.

— Это еще одна проблема. С чем я, по-твоему, должна играть языком? Кроме того, мой вкус в женщинах относится к тем, кто является эмоциональными черными дырами. А ты мне кажешься немного чувствительной. И я могу с уверенностью сказать, что ты была бы эгоистичной любовницей. Получить свое, но ничего не дать взамен. Пальцами, разве что может быть, но ими я и сама могу.

— Я бы хотела сменить тему, — сказала Герти.

— Если ты когда-нибудь решишь играть за другую команду, я могу тебя подцепить, но, боюсь, наши отношения навсегда останутся только платоническими.

— Извини, если я кажусь странной.

— Не парься. Странности окружают меня.

— Ты всегда знала, что ты лесбиянка?

— Нет.

— А когда ты это поняла?

— В тот момент у меня во рту был член.

— Понимаю.

— Мне нравился парень, к которому он был прикреплен, и я признаю эстетические достоинства того конкретного члена — он был очень крутой — но он ни черта не делал для меня. Я поняла, что лгала себе о своем влечении к парням. Вскоре после этого я решила действовать, руководствуясь какими-то странными мягкими чувствами, которые с начала я не могла до конца понять, и когда поняла, это было именно то, что мне и было нужно.

— Парень хоть успел кончить?

— Я доделала рукой. Я же не монстр.

— А твоя семья поддержала тебя? — спросила Герти.

— Не сразу. Но теперь у нас все хорошо.

— И сколько времени на это ушло?

— Одна вещь, которую ты должна знать обо мне. Я с радостью расскажу тебе, что поняла, что мне нравятся девушки во время того, как делала минет, но на самом деле я не очень люблю так много говорить о себе. Так что теперь твоя очередь. Приведи мне пример того, на сколько ты импульсивна.

Герти допила остатки своего молочного коктейля.

— Ты же слышала о пропавших женщинах?

— Эм-м-м, в Хорнбич-Ридж, верно? Трое или четверо?

— По крайней мере, восемь за последние несколько месяцев, если расширить диапазон поиска. Женщины, которые ушли одни, и о них больше никто ничего не слышал. А ты знала, что у них у всех были длинные темные волосы?

— Нет этого я не знала. — Короткие черные волосы Шарлин были настолько панк-роковыми, насколько это могло сойти ей с рук во время работы в семейном ресторане. Трэвис никогда не придавал значения ее розовым прядям или тому, что у нее был выбрит

висок с левой стороны, а также он не возражал против ее кольца в носу. На собеседовании при приеме на работу он спросил, не согласится ли она вынуть английскую булавку из брови при обслуживании клиентов, потому что от ее вида у него по спине бегут мурашки, и она согласилась. У Герти были короткие светлые волосы, которые казались естественными.

— На самом деле это не попало в новости, но я уверена, что полиция просто замалчивает эту информацию, — сказала Герти. — Если это делает один и тот же человек, то у него определенно есть свой типаж.

Шарлин чувствовала, что этот разговор, возможно, не пойдет в том направлении на который она рассчитывала.

— Хорошо, — сказала она. — Когда ты сказала, что ты импульсивна, я подумала, что ты имела в виду скорее «брошу все и рвану в Вегас».

— Я еще не дошла к тому, к чему клоню.

— Ты уверена в этом?

— Одна из пропавших девушек — моя двоюродная сестра Кимберли.

— Ох, черт, мне очень жаль.

— Она исчезла около двух месяцев назад. Кимберли безумно любит своего мужа, и у нее двое маленьких детей. Она бы в жизни никогда их не бросила. Никогда.

— Это ужасно, что им приходится проходить через такое, — сказала Шарлин. — Даже не могу себе представить, как бы я справлялась с таким незнанием.

— Итак, каждую ночь я хожу по улицам Хорнбич-Ридж, в парике с длинными каштановыми волосами, пытаюсь поймать парня, который это сделал.

Каждая из них заказала еще по коктейлю.

— Поясни мне пожалуйста, что ты делаешь, — сказала Шарлин. — Потому что ты была права, когда сказала, что я подумаю, что ты сумасшедшая.

— Да, я согласна, что это не совсем умно, — сказала Герти.

— Ну, так давай объясняй же.

— У меня есть электрошокер и настоящий пистолет. Каждые пару ночей я выезжаю в Хорнбин-Ридж, надеваю парик и часами хожу по улицам, надеясь, что он придет за мной. Если он это сделает, его будет ждать не очень неприятный сюрприз.

— Позволь мне прояснить, — сказала Шарлин. — Ты разгуливаешь после наступления темноты в... знаешь что, мне не нужно резюмировать то, что ты сказала. Ты понимаешь, как это звучит.

— У меня есть разрешение на ношения огнестрельного оружия.

— В общем-то, я не это имела в виду.

— И я быстро вытаскиваю шокер. Так что, если он придет за мной, я знаю, что смогу защитить себя. Он быстро окажется на тротуаре в луже собственной мочи, а потом копы заставят его отвести их к пропавшим женщинам.

— А что если у него тоже будет пистолет? Что ты сделаешь, если он просто направит на тебя пушку и скажет: «Лезь в багажник моей машины, сука»?

— Я слежу за новостями. Ты не можешь просто так взять и похитить восемь человек — по крайней мере — просто направив на них оружие и дав инструкции. Он должен был как-то заманить их.

— Или выпрыгнуть на них из тени.

— Я осторожна.

— О, да, ты говоришь, как удивительная мисс Осторожность. В течение дня она

проводит уроки безопасности для маленьких детишек. А по вечерам у нее все идет наперекосяк.

— Да, план, конечно, такой себе. Но я не собираюсь просто сидеть дома и ждать, пока копы поймают этого парня. Не тогда, когда я могла бы внести свой вклад.

— Почему ты думаешь, что это парень?

— Я не знаю. Но когда похищают восемь женщин с длинными темными волосами, я склонна предполагать, что похититель еб*нутый чувак.

— Да, это имеет смысл.

— А вообще мне все равно. Если это окажется цыпочка, то ее я тоже пристрелю.

Бармен поставил молочные коктейли на стойку перед ними.

— Я буду честна, — сказала Шарлин. — Думала, что упоминание, что я лесбиянка, будет самой неудобной частью нашего разговора.

— Так что теперь ты веришь, на сколько я импульсивная.

— Эм, нет. Ты вооружилась и ходишь по специально запланированному маршруту с определенной целью. Это своего рода противоположность импульсивности. Опасная, да. Чокнутая, можешь не сомневаться. Склонная к самоубийству? Определенно. Но не импульсивная.

— У меня нет определенных маршрутов. Я просто хожу там, где в последний раз видели других жертв.

— Хорошо, вся эта импульсивная или неимпульсивная хрень не имеет значения, — сказала Шарлин. — Что действительно важно, так это то, что ты не должна бродить по ночным улицам, пытаясь привлечь внимание кого-то, кто может быть серийным убийцей.

— А вот с этим я не согласна.

— Я понимаю, что мы только что познакомились, и что нашим основным взаимодействием было то, что ты наблюдала, как я принимаю неправильное решение на работе. Так что я не очень хороший советчик. На самом деле, я ужасный советчик. Но мне не нужно быть гением, чтобы сказать: «Не делай такое дерьмо больше». Ты говорила об этом кому-нибудь еще? Своим родителям? Парню, друзьям?

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что.

— Потому что они сказали бы тебе не делать такого дерьма больше.

— Да.

— Это же отличный совет.

— Я знаю, — призналась Герти. — Но что я должна делать? Повесить листовки на остановках? Разместить сообщения в социальных сетях? Просить помощи у всевышнего и молиться всем святым?

— Да, бл*ть, да. Все это. Кроме разве что всевышнего и молитв.

— Ну, я и не ожидала, что ты поймешь. Я просто поддерживала разговор. Ты права — это не импульсивно. Но это также неглупо и не самоубийственно. Да, это опасно, но я знаю, как защитить себя и без колебаний подвергну себя опасности, чтобы попытаться спасти кого-то, кого я люблю. У Кимберли есть семья. Если для нее уже слишком поздно, по крайней мере, я могу попытаться сделать так, чтобы это не случилось с кем-нибудь другим.

Шарлин вдруг почувствовала себя полной дурой из-за того, что назвала ее сумасшедшей. Не то чтобы она думала, что ошибается — просто ей было стыдно за то, что она это сказала.

Кто знает, что бы она сделала, если бы кто-то, кого она любила, пропал без вести?

— В этом есть смысл — сказала Шарлин. — Ты собираешься туда сегодня ночью?

— Только не после двух алкогольных коктейлей, нет. Я стараюсь оставаться трезвой, когда рыщу по улицам в поисках серийного похитителя.

— Я рада это слышать.

— Но вот завтра вечером иду.

То, как Герти смотрела на Шарлин, заставляло ее чувствовать себя неловко, будто она намекала на одолжение.

— Я не пойду с тобой, — сказала Шарлин.

— Так я и не просила тебя об этом.

— Я знаю, но уловила эту вибрацию.

Герти покачала головой.

— Я буквально не прошу тебя идти со мной. Женщины были одни, когда пропали без вести. Если я буду с кем-нибудь на улице, он не нападет на меня. Ты разрушишь весь мой план. Плюс нам пришлось бы купить еще один парик. А они, сволочи, недешевые. К тому же мы не сможем надеть его на твою прическу, и каштановые волосы не подойдут к цвету твоего лица, так что это может испортить мой план.

— Мои волосы не будут проблемой, — сказала Шарлин. — А вот все остальное имеет смысл.

— Прости. Но я должна быть одна.

— Я не предлагала тебе свою помощь с этим.

— Ты сейчас говорила так, будто хотела пойти.

— Я же специально в разговоре выделила «нет».

— Ну, ты все равно не можешь пойти со мной.

— Я знаю. Мы это уже решили.

Герти уставилась в свой стакан.

— Я думаю, бармен налил больше чем обычно ликера в мой коктейль.

— Очень может быть. И да, я все еще считаю, что ты не в своем уме, но также скажу, что ты хороший, заботливый человек. И ты храбрая.

— Ты что сейчас, клеишь меня?

— Нет. Только не неряшливых пьянчужек.

— Я выпившая, а не пьянчужка. И я еще ничего не пролила. Это ты неаккуратная, доктор Лазанья.

— Это было сделано от твоего имени.

Герти улыбнулась.

— Конечно, конечно.

— Ты сомневаешься в этом?

— Может быть, самую малость.

— Она заставила тебя плакать. Ты плакала в задней комнате из-за того, как клиентка обращалась с тобой. Это были искренние слезы.

— Ты видела, как она обращалась со мной?

— Нет. Святое дерьмо, ты что меня подставила?

— О, нет, нет, нет, нет. Она была ужасной со мной. Я просто говорю, что ты не видела ситуацию и не знала меня. Может быть, все, что она сделала, — это была немного резкой. Может быть, я просто плакса. Может быть, это был уже третий раз, когда я забыла принести

ей масло, которое она просила, и женщина дошла до предела. Может быть, я плакала, потому что рассталась со своим парнем, и солгала тебе, ибо являюсь патологической лгуньей. Все, что я хочу сказать, — это то, что на каком-то уровне ты была рада иметь повод вываливать еду на клиента.

— Знаешь что, я полностью согласна с твоим психоанализом, — сказала Шарлин.

— Правда? Потому что, когда я это говорила, мне казалось, что это прозвучит неблагодарно.

— О, ты определенно казалась неблагодарной. Но я согласна с твоей оценкой. Я сумасшедшая сука, которая вывалила еду на человека, теоретически несправедливо обвиненного, а ты сумасшедшая сука, которая шастает по ночным улицам в поисках опасного психопата.

Герти подняла свой стакан с молочным коктейлем.

— За то, чтобы всегда оставаться двумя сумасшедшими сучками.

Они чокнулись бокалами.

— Ты можешь представить, какой у нас был бы секс? — спросила Шарлин.

Герти рассмеялась.

— Безумный сучий секс? Это вообще безопасно? Разве один из партнеров не должен быть вменяемым? Я чувствую, что тебе нужен голос разума, иначе ты закончишь тем, что, я не знаю, будешь использовать перец хабанеро в качестве секс-игрушки.

— Обычно я провожу линии свечным воском.

— Я провожу линию «ой».

— Да, мы определенно были бы не совместимы.

— По крайней мере, мы можем дружить.

— Мы определенно можем дружить, — сказала Шарлин.

— Я не думаю, что мне можно сейчас садиться за руль. Эх... да и не хочется мне сейчас никуда идти. Может посидим здесь еще немножко?

— Да, конечно, почему нет?

Глава 3

Вторая женщина еще была жива. Оливия слышала ее дыхание.

Но ни одна из других пленниц в клетках не подавали признаков жизни с тех пор, как Оливия очнулась и оказалась здесь. Без окон и возможности рассчитать время, девушка не могла точно сказать, как долго была заперта, но она не думала, что прошло больше суток.

Поскольку в клетке у нее почти не было места, чтобы двигаться, ее тело начало болеть, что превратилось в мучительную агонию, которая, в конце концов, сменилась онемением. Теперь она ничего не чувствовала. Это означало, что если она освободится, то просто рухнет на пол, не в силах пошевелиться. Не то чтобы это имело значение. Прошло несколько часов с тех пор, как она поверила, что есть какой-то способ сбежать из клетки.

Позади нее раздался звук. Поворачивающаяся дверная ручка? Она попыталась повернуть голову, чтобы посмотреть назад, но ее мышцы не слушались.

Она услышала, как открылась, а затем закрылась дверь. После последовал скрежет как от ногтей, которыми провели по классной доске. Звук становился все ближе и ближе, пока она наконец не увидела Грега, то ли гладко выбритого, то ли уже без фальшивой бороды, тащившего деревянный стул по бетонному полу. Повязка на его шее исчезла, не открыв пореза. В свободной руке он держал коричневый бумажный пакет. Он поставил стул в нескольких метрах перед ее клеткой, затем сел на него. Смотрел на нее снизу-вверх, затем встал, поправил положение стула и снова сел.

— Пожалуйста... — сказала Оливия.

— Нет, — ответил Грег. — Никаких просьб. Никаких. — Он указал на другие клетки. — Это не сработало у них, и это не сработает у тебя. Не спрашивай меня, чего я хочу. Не спрашивай меня, зачем я это делаю. Не предлагай мне ничего. Если бы я хотел тебя изнасиловать, я бы сделал это до того, как запер тебя там.

— Я хочу писать.

— Я не выпущу тебя. И ты это знаешь. К тому же я вижу на полу, что один раз ты уже не удержалась. Так что не беспокойся о том, что мне придется убирать за тобой. Делай то, что тебе нужно.

— Пожалуйста. Меня будут искать.

Грег пожал плечами.

— И что? Я разве похитил какую-то дешевую шлюху-наркоманку из-за мусорного бака. Конечно, тебя будут искать. Мне нравится эта часть. Я вижу их печальные лица по телевизору. Кто будет больше всего убит горем из-за твоей пропажи? Мать? Отец? Парень? Дети?

— Я оставила подсказки.

— Нет, этого ты не делала. Я не уверен, что ты даже знала, на какой планете находишься. Как я уже сказал, эти девушки испробовали все возможные трюки, и то, что ты сейчас изрыгаешь, меня немного бесит.

Он подвинул стул немного левее.

— Не то чтобы это имело значение. Твоя судьба будет такой же, как у них, что бы ты ни делала. Ничто из того, что ты можешь сделать, не изменит этого. Представь, что ты прыгнула с крыши стоэтажного небоскреба и стремительно падаешь вниз. Единственный возможный финал в этом сценарии — это тот, в котором тебя размажет об асфальт.

Единственный возможный конец здесь — это тот, в котором ты умрешь от голода в этой клетке. Как и все остальные из них.

Он встал и подошел к клетке рядом с Оливией. Он легонько толкнул ее. Женщина открыла глаза.

— О, хорошо, ты все еще с нами. Может быть, мне повезет, и ты сдохнешь до того, как мне придется уйти.

Женщина ничего не сказала.

Грег снова обратил свое внимание на Оливию.

— Хочешь услышать то, что тебя действительно расстроит? Мне почти пришлось отпустить тебя. Seriously. Ты все время следила за своим пивом. Если бы та дама не подошла к нашему столу и не отвлекла тебя, я бы не рискнул. Возможно, ты подумает, что она была моей сообщницей, но нет, это было просто стечение обстоятельств. Одна пьяная фанатка, похвалившая твоё выступление, и вот ты уже здесь. Судьба действительно злая сука.

Оливия никак не отреагировала на это откровение. В этот момент ей было наплевать на иронию.

Грег открыл коричневую сумку достал бутылку воды и соломинку.

— Я понимаю, что, приняв от меня напиток в прошлый раз, тебе это вышло боком, — сказал он, — но обещаю тебе, что на этот раз это просто вода.

Он поставил бутылку на стул и скрылся из виду.

Снова раздался скрежет по полу. Мужчина был достаточно силен, чтобы просто поднять стремянку, поэтому Оливия предположила, что он издавал этот ужасный шум нарочно. Он поставил лестницу рядом с клеткой другой женщины, затем взял бутылку и поднялся к ее клетке.

— Я напою ее первой, потому что она ближе к смерти, — объяснил он.

Он протянул бутылку женщине. Она наклонила голову вперед и начала сосать через соломинку.

— Притормози, — сказал ей Грег. — Ты же не хочешь, чтобы тебя стошнило.

Женщина не замедлилась. Затем закашлялась и выплюнула воду, которая расплескалась по всему полу.

— На этот раз пей медленнее, — сказал он.

Она отмахнулась от него. Грег спустился по лестнице и придвинул ее к клетке Оливии. Он достал из сумки вторую бутылку воды, отвинтил крышку и вставил ту же соломинку, которую использовал в бутылке другой женщины. Мужчина поставил ногу на нижнюю ступеньку лестницы, затем посмотрел на Оливию.

— Я не могу помешать тебе сделать что-нибудь глупое, — сказал он. — Просто знай, если выкинешь какую-нибудь херню, умрешь от обезвоживания.

— Я ничего не буду выкидывать, — отозвалась Оливия.

— Хорошо.

Грег поднялся по лестнице и протянул бутылку Оливии. Она заставила себя пить медленно. Мужчина терпеливо ждал, пока она выпьет всю бутылку холодной воды.

— Хочешь допить ту что осталась у Регины? — спросил он.

Оливия покачала головой. Шансы успешно столкнуть его с лестницы, в результате чего он разобьет себе череп об пол, были крайне малы. Она все равно попыталась бы, просто не могла заставить свои ноги двигаться.

Грег спустился вниз. Он оттащил лестницу в сторону, затем сел в свой стул. Достал

сотовый телефон, быстро взглянул на дисплей, затем сунул его обратно в карман.

— Я бы хотел, чтобы ты оказала мне услугу и немного помолчала, — сказал он. — Если ты хочешь плакать или хныкать, то пожалуйста, но не разговаривай, хорошо?

Оливия не ответила.

Грег просто сидел и молча смотрел на женщин в клетках. Время от времени на его лице появлялся намек на улыбку, но в основном выражение было равнодушным.

Казалось, прошло около получаса, прежде чем он сделал что-то еще. Мужчина снова достал сотовый телефон, постучал по экрану, будто отправлял текстовое сообщение, затем положил его в карман, выглядя раздраженным.

Он снова взглянул на Оливию.

— Когда я сказал тебе, что мне понравилась твоя музыка, я соврал, но это не значит, что ты плоха. Талант у тебя, конечно, есть. Ты же никогда не собиралась становиться суперзвездой, но, если бы я был настоящим менеджером, вероятно, смог бы устроить тебе концерты в более больших клубах. Если тебе станет легче от пения, то спой мне пару песен. Развлеки меня.

Оливия ни за что не собиралась петь для него. Сначала она позволила бы ему вырвать ее голосовые связки зубами.

Ей хотелось послать его к черту. Она ограничилась тем, что мягко покачала головой.

Грег указал на клетку рядом с ней.

— Тогда сделай это для нее. Последние несколько дней у нее не было никаких развлечений, кроме того раза, когда она смотрела, как я тебя садил в клетку. Спой ей песню. Веселую, грустную, мне все равно. Спой что-нибудь.

— Нет.

— Что не так? Тебе не нравится акустика в этом заведении? — Грег слишком громко рассмеялся собственной шутке. — Давай, спой для нас. Очень скоро у тебя не останется сил. Подари миру последнюю песню.

— Иди на х*й.

Грег встал.

— Держу пари, если бы я сломал тебе палец, ты бы запела. Твой голос повисился бы на пару октав, но ты бы пела. — Он взглянул на Регину. — Эй, она что, сдохла?

Он подошел и ткнул Регину в ногу. Та не отреагировала. Он ткнул в нее указательным пальцем еще несколько раз, пока, наконец, она не открыла глаза.

— А, все еще живая. Не видел, как ты дышишь.

Регина снова закрыла глаза. Грег снова сел.

— Я не собираюсь ломать тебе пальцы, — сказал он Оливии. — Теперь я выше этого. Я просто буду смотреть. Если захочешь петь — пой. Если не хочешь — не пой. Мне все равно.

Он откинулся назад, вытянул ноги и уставился на нее.

Оливии хотелось закрыть глаза, чтобы не смотреть на него, но она была слишком напугана. Не хотела открыть глаза и обнаружить, что он стоял прямо рядом с ее клеткой и тянулся к ее ноге. И она не хотела засыпать. Заснуть с ним в комнате должно было быть невозможным, но ее уровень энергии был крайне низким, и она чувствовала, что действительно может потерять сознание, если будет слишком долго держать глаза закрытыми.

Поэтому они смотрели друг на друга.

В течение нескольких часов.

Время от времени он менял позу и делал перерывы на растяжку, но по большей части просто сидел неподвижно, наблюдая.

Наконец он еще раз проверил свой телефон, нахмурился и понес стул обратно через комнату. Он попытался дать Регине еще воды, но та не стала пить. Оливия выпила половину еще одной бутылки. Хотя ее мочевого пузыря, казалось, был готов лопнуть — и она позволила бы ему лопнуть, нежели помочиться перед ним, — казалось, что он готовился уйти, и она могла облегчиться после того, как Грег покинет комнату.

— Спасибо, что провела со мной вечер, — сказал он. — Я скоро вернусь.

И ушел.

Через несколько секунд после того, как дверь закрылась, Оливия обмочилась, а затем заплакала.

***

Кеннет Дав (не Грег — менеджер по поиску талантов, не Кристофер — модельный агент, не Джек, у которого сломалась машина, или кто-либо еще) съехал на обочину, прежде чем свернуть на свою улицу. Он опустил стекло, затем открыл бардачок и достал бутылку «Джека Дэниелса». Он налил немного себе в рот, затем прополоскал его алкоголем и выплюнул в окно. Он налил немного в ладонь и вытер о рубашку. Переоделся в прокуренную кофту, прежде чем сесть в машину.

Мужчина снова поднял стекло, убрал бутылку и проехал остаток пути домой.

Когда он открыл входную дверь, его встретил запах отсутствующего ужина на столе. Вивиан вошла в гостиную. Неудивительно, что она выглядела взбешенной.

— Серьезно? — спросила она.

Кен вошел внутрь.

— Не смей на меня орать, когда я прихожу домой с работы.

— Угу. — Вивиан одарила его одним из тех злобных взглядов, которые она отточила за последние семнадцать лет. — Ты меня не обманешь. Я точно знаю, где ты был.

— Мне все равно.

— Мне все равно, — передразнила она. — Ты говоришь как подросток. Кстати говоря, у него снова были неприятности в школе.

— Что он сделал на этот раз?

— Почему бы тебе не спросить его самого?

— Значит, я не имею права даже на пять минут покоя после того, как прихожу с работы? Я что, по-твоему, должен сразу переступив порог приступать к его воспитанию?

— Знаешь, Кен, когда ты ведешь себя так, будто я идиотка, и это задевает мои чувства. Действительно задевает. Это заставляет меня чувствовать, что тебе на меня наплевать.

— О, боже, прости меня. Я просто устал.

Кен подошел к Вивиан и обнял ее. Он нежно поцеловал ее в губы и провел пальцами по длинным светлым волосам. Она слегка отшатнулась от запаха виски в его дыхании, но ничего не сказала.

— Ты самая умная девушка, которую я знаю.

— Тогда, может быть, начнешь относиться ко мне также.

— Обязательно, я обещаю. — Он крепко обнял ее. Затем он крикнул ей через плечо: — Джаред! Иди сюда!

Прошло около тридцати секунд, прежде чем он услышал звук шагов, спускающихся по лестнице. Джаред вошел в гостиную. Ребенок был огромным, и в шестнадцать лет еще не перестал расти. Он мог бы легко получить футбольную стипендию, но спорт его не интересовал. Как и учеба. Собственно, как и все, что не было видеоиграми и распутными подружками. Вивиан, благослови господь ее забывчивое сердце, не знала, что он на самом деле трахал их в своей спальне. Около двух лет назад Кен усадил Джареда для очень серьезного разговора между отцом и сыном. Старый добрый папа притворился бы, что не знал, что происходило, но если Джаред будет настолько неосторожен, что одна из них забеременеет, он будет сам по себе.

— В чем дело? — спросил Джаред.

— Это ты мне скажи, — сказал Кен, отпуская Вивиан. — Я слышал, у тебя был интересный день в школе.

Джаред пожал плечами.

— Твоя мама здесь. Я имею в виду, она буквально стоит здесь, в этой самой комнате. Так что притворяться, что ты не понимаешь, о чем идет речь, как минимум неуважительно по отношению к ней.

— В любом случае, это был глупый тест.

— Все еще юлишь.

— Я сжульничал на контрольной по математике.

— Господи Иисусе, Джаред.

— Да на кой она мне вообще нужна. Как она поможет мне в жизни.

— Тебя отстранили от учебы?

— Не-а, — сказал Джаред. — Только получил ноль. Это была даже ненастоящая контрольная, а пробник.

— О, черт возьми, если бы это был всего лишь пробник, то значит ничего страшного получить за нее ноль, верно? Конечно, обман в тесте стоит того, чтобы иметь пятно в твоей рекомендации. Тебе ведь не нужен колледж, верно? Это просто глупое маленькое место, где люди зарабатывают глупые маленькие степени, которые помогают им получить хорошую работу. Но ты станешь одним из тех игроков в видеоигры-миллионеров. Боже мой, вселенная возможностей для карьерного роста ждет тебя с твоей поразительной координацией рук и глаз! Мы с твоей мамой уже выбрали особняк, который ты нам купишь. Там есть три плавательных бассейна. Три! Все те колледжи, которые отклонят твое заявление, потому что ты мошенник, наверняка почувствуют себя глупо, когда увидят, какого потрясающего успеха ты добился.

Джаред уставился в пол.

— Ладно, я понял тебя пап.

— Нет, не думаю, что ты понял. Потому что я разрушу твой карьерный потенциал. Ты пойдешь наверх, отключишь свою приставку и принесешь ее сюда, а я заберу ее у тебя на две недели, и ты не будешь ко мне подходить с просьбой вернуть ее. И если ты облажаешься в школе снова, я достану молоток из гаража и разобью твои игры ко всем чертям. Я сейчас говорю не только об плохих оценках, а о любых проблемах в школе. Ты меня понял?

— Да.

— Ты думаешь, твое «да» меня убедило?

— Да, пап, я все понял.

— Иди в комнату и неси сюда свою приставку. И не смей пытаться закончить уровень, на котором ты находишься.

Джаред вышел из гостиной.

— Вот, — сказал Кен Вивиан. — Родительские обязанности выполнены.

***

Кен и Вивиан лежали на кровати и смотрели телевизор. Вивиан сунула руку под одеяло и провела ладонью по его промежности.

— Что-то потеряла? — спросил он.

Она улыбнулась.

— Держу пари, что через минуту его будет легче найти.

Вивиан терлась о него гораздо дольше минуты, но ничего не происходило. Не то чтобы ей не хватало мастерства — на самом деле женщина была довольно талантлива в движении своих пальцев. И он признал, что она все еще привлекательна. Поддерживала форму и была всего на десять фунтов тяжелее, чем когда они впервые встретились. На их свадьбе она была немного больше, но была на восьмом месяце беременности Джаредом. Вивиан была привлекательна в чисто объективном смысле, просто больше не казалась ему сексуальной. Это было похоже на то, что он видел в интернете с полуголой, абсолютно великолепной девушкой, стоящей на четвереньках и бросающей призывный взгляд в камеру, с надписью: «Неважно, насколько она горячая, кто-то уже устал мириться с ее дерьмом».

Он устал мириться с дерьмом Вивиан.

Так было в течение многих лет.

Но очки за попытку засчитаны. В конце концов, она была инициатором секса. И не стоило труда говорить, что он устал или был просто не в настроении.

Он закрыл глаза и подумал о женщинах в клетках. Вспомнил первую умершую, которая теперь напоминала высохшую мумию. Подумал о Регине, которая, возможно, уже умерла. Об Оливии, возможно, единственной, оставшейся в живых в той комнате. Висящей в клетке со всеми этими гниющими трупами рядом. Напуганной. Такой красивой. Все они были красивыми.

— Вот это уже больше похоже на правду, — сказала Вивиан.

Они полностью разделись, и он оседлал ее.

Кен фантазировал об истощенных запертых в клетке женщинах, когда трахал свою жену до потери пульса.

Глава 4

— Ты не поверишь, что мне сегодня приснилось, — сказала Герти Шарлин на следующий день, когда они готовились начать свою смену.

— Я была в нем?

— Да.

— Мы занимались извращениями?

— Нет.

— Я хотя бы была русалкой?

— Давай я лучше сама расскажу тебе.

— Да так точно будет лучше.

— Мы вместе ходили по улицам Хорнбим-Риджа. Ты все время говорила, что это плохая идея, но во сне он похитил твою сестру, и...

— У меня нет сестры, — сказала Шарлин.

— В моем сне у тебя была сестра.

— Ладно.

— Ты продолжала говорить, что это плохая идея, но потом сказала, что причина, по которой мы его не нашли, в том, что мы не искали в страшных местах. И это имело смысл. Если бы мы выслеживали психопата, мы бы искали его не в хорошо освещенных местах, а в подворотнях и других злчных местах.

— Логика снов.

— И ты сказала, что неподалеку есть одна дверь, о которой знают все в округе, и никто не знает, как ее открыть. Итак, ты привела меня туда, и вокруг нее росли деревья с изуродованными человеческими лицами, и мы слышали, как люди кричат по другую ее сторону.

— Боже мой, это был не сон!

— Заткнись. Мы открыли дверь, правда я забыла, как, и она, по сути, вела в Ад. И моя кузина Кимберли, и твоя сестра, и все остальные женщины были там, плавали в озере лавы около пирса, привязанные змеями к нему. Я знала, что это были они, хотя ни у кого из них не было лиц. И мы обе понимали, что можем развернуться и выйти обратно в ту дверь. Я знала это, потому что могла слышать твои мысли. Но мы этого не сделали. Каким-то образом знали, что лава не сожжет нас, может быть, потому, что нам там было не место, поэтому мы поплыли к пирсу и развязали змей. Потом появился сатана, и я проснулась.

— Тебе приснился интересный сон, — сказала Шарлин.

— Правда?

— Думаешь это совпадение, что ты встретила меня, а теперь тебе снятся сны о дьяволе?

— Мой вывод от этого сна заключается в том, что ты была готова последовать за мной в Ад.

Трэвис вошел в заднюю комнату и постучал по запястью, где должны были быть часы. Обычно в таких ситуациях Шарлин отпускала остроты, но после вчерашнего подумала, что ей следовало вести себя потише в течение нескольких дней.

Перерывы были короткими, и это была безумно напряженная смена, так что они смогли продолжить свой разговор только незадолго до закрытия. У Шарлин все еще оставалась пара столиков, когда Герти закончила.

— Какие планы на вечер? — спросила Шарлин.

— Никаких.

— Уверена?

— Ничего такого на что ты намекаешь, — сказала Герти. — У меня свидание с «Нетфликсом», треники и китайская еда на вынос.

— Тебе не нужно врать мне.

— Так я и не вру.

— Одна из моих суперспособностей, а у меня их много, заключается в том, что я могу определить, когда люди врут. Поэтому, когда ты избегаешь зрительного контакта, хотя все, что ты делаешь, это рассказываешь мне о приятном время препровождении дома, я должна предположить, что ты собираешься использовать себя в качестве приманки.

— Ладно, попалась.

— Зачем ты врешь мне об этом? — спросила Шарлин.

— Потому что мне немного стыдно за то, что я рассказала тебе. Это заставляет меня думать... что я не в себе.

— Совершенно верно. И я не собираюсь щадить твои чувства и говорить, что это не так. Тем не менее, я думала об этом всю сегодняшнюю смену, и я хотела бы помочь тебе.

— Подожди, что?

— Я серьезно.

— Это одно из твоих других умений — пудрить людям мозги?

— Да, но не сейчас. Думаю, то, что ты делаешь, опасно и неправильно, но это исходит из благих побуждений, так что я хочу помочь тебе плюс так будет безопаснее.

— Но мы не можем быть вдвоем. Он похищает только одиночек. Так, конечно, было бы безопаснее, но если он увидит нас, вероятно, не нападет.

— О, я не собираюсь ходить с тобой. Это же безумие. Я буду патрулировать район на машине, в котором ты будешь ходишь, и парковаться в разных местах, скажем так, каждые пару минут.

— Не думаю, что ему нужны свидетели. Если он увидит, что ты сидишь в машине, этого может быть достаточно, чтобы он не напал на меня.

— Я не буду находиться в пределах твоей видимости. Мы будем поддерживать связь с помощью текстовых сообщений. Если ты не будешь отвечать на них каждые, скажем, пять минут, я пойму, что что-то случилось. Конечно это не так уж и много, но все же лучше, чем если ты пропадешь без вести, и никто не узнает об этом, пока ты не появишься на работе.

— Черт, а мне нравится твой план, — сказала Герти.

— Позволь мне внести ясность. Если у тебя возникнут неприятности, я сразу позвоню в полицию. Я не поспею к тебе, чтобы помочь попытаться поймать этого психа. Это будет на твоей совести. Но я буду твоим, не знаю, сталкером безопасности.

— Это звучит охрененно круто. Я очень ценю это.

— А потом, когда мы закончим, ты угостишь меня выпивкой.

— Договорились.

— Во сколько ты хотела начать свою охоту сегодня?

— Сразу после того, как попаду домой и переоденусь. Кстати, хочешь поехать сейчас ко мне?

— Ты что...

— Я сказала это и сразу поняла, что ты захочешь съехидничать.

— Лучше придержи свое ехидство на потом. И да, я бы хотела поехать к тебе домой, чтобы платонически раздеться.

***

Когда Шарлин въехала на парковку жилого комплекса Герти, она была удивлена тем, насколько нервничала. Она не должна была так волноваться. Это было абсолютное безумие, которое могло закончиться плохо. Не то чтобы Шарлин думала, что Герти действительно поймает похитителя, но много чего еще другого могло пойти наперекосяк, когда привлекательная молодая девушка гуляет одна после наступления темноты. И если Шарлин не сможет приглядывать за ней, то она не обеспечит ей никакой защиты.

И все же это было лучше, чем ничего. А что если каким-то чудом они все-таки поймут этого недочеловека и помогут полиции найти пропавших женщин? Это было бы невероятно круто.

Хотя Шарлин знала, что из этого ничего не выйдет, она все еще не могла избавиться от чувства возбуждения. За свою жизнь у нее было очень много диких впечатлений, но это было совершенно новое дополнение к ним. Конечно это было не весело — не с жизнями на кону, — но это было интересно. Очень, очень интересно.

Герти вышла из машины, и они вместе поднялись по лестнице в ее квартиру.

— Хочу предупредить тебя, — сказала она, вставляя ключ в замок, — Я помешанная на чистоте. Ты увидишь чистоту и порядок, которые могут вызвать у тебя дискомфорт, поэтому я заранее приношу свои извинения.

— Ты хочешь сказать, что считаешь меня неряхой?

— Нет, просто мне кажется, что у тебя по всему дому разбросана грязная одежда.

— Я хочу, чтобы ты знала, что каждое утро скребу щели между плитками на полу в ванной зубной щеткой.

— Конечно-конечно.

— Хорошо, да, на полу у меня и правда валяется грязная одежда и повсюду бардак. Такой у тебя значит стереотип о лесбиянках?

— Я понятия не имею, какие стереотипы бывают в отношении лесбийского домашнего хозяйства.

— Не думаю, что они существует. Для геев они есть, а у нас — нет.

Герти открыла дверь, и они вошли в ее квартиру.

— Святое дерьмо, — сказала Шарлин. — Ты не шутила.

— Я предупреждала тебя.

— У тебя даже книги стоят по цветам.

— Да. И они расставлены в алфавитном порядке по авторам в соответствии с цветом корешков.

Шарлин подошла к книжному шкафу.

— У тебя здесь логово какого-то серийного убийцы. Где ты хранишь свои записные книжки, исписанные мелким почерком?

— Я на минутку, — сказала Герти, входя в свою спальню и закрывая за собой дверь.

Шарлин бродила по гостиной. Она подумала, заметит ли Герти, если она сдвинет

подставку на кофейном столике на полдьюма вправо, и решила, что, вероятно, заметит. Шарлин не проверила эту теорию.

Коллекция Blu-Ray дисков Герти в основном состояла из арт-хаусных фильмов — они прошли проверку. Очевидно, вся ее музыка была цифровой, так что Шарлин подождет, прежде чем вынесет суждение о своей коллекции. Ее любознательность была очень сильной. Шарлин испытывала искушение заглянуть в холодильник или аптечку, но такое подглядывание было приемлемо только в том случае, если бы у нее был секс с этим человеком.

Герти вышла из своей спальни, одетая в джинсы, свитер и легкую куртку. Она также надела парик, с длинными каштановыми волосами. Они не подходили к структуре ее лица, так что было хорошо, что она пыталась заманить психопата вместо того, чтобы завести парня.

— Ты взяла пистолет? — спросила Шарлин.

— Да.

— Ой. Ладно, хорошо, оружие заставляет меня нервничать, так что, типа, не падай на него и не делай то, что обычно делают люди, когда ранят себя.

— Не упаду, можешь не сомневаться.

Герти полезла в карман куртки и достала электрошокер. Она нажала кнопку, и Шарлин увидела, как между двумя электродами начало потрескивать электричество.

— Я не знала, что можно увидеть ток в этой штуке, — сказала она. — Думала, что это просто спецэффекты в кино.

— Нет. И у меня есть еще один для тебя.

— Он мне не нужен. Я не собираюсь выходить из машины.

— Ты уверена?

— Да. Электрошокеры, пистолеты, гвоздизабиватели: все они выводят меня из себя. Но я рада, что у тебя есть оружие. Может быть, пойдем уже?

Они сели в машину Шарлин. Когда они отъехали, Шарлин поняла, что нервничает из-за оружия больше, чем думала. Просто зная, что у Герти где-то оно было спрятано, ей было трудно сосредоточиться на дороге. Однажды она занималась сексом с ножом с выкидным лезвием, но только один раз, так что у нее не было полной фобии к оружию, но, черт возьми, присутствие пистолета в машине ее явно заставляло нервничать.

— Смотри, я буду писать тебе каждые пять минут, — сказала Герти. — Просто коротенькое сообщение из одного слова. Люди все время сидят в своих телефонах, когда ходят, поэтому я не думаю, что это отпугнет его, если он увидит, как я это делаю, но также не хочу, чтобы этот тип думал, что я нахожусь в середине разговора, из-за чего мой собеседник сразу заметит, если я перестану отвечать.

— Хорошо. Если в течении пяти минут я не получу от тебя сообщения, то дам тебе еще полминуты. Если я не получу ответа к тому времени, как они истекнут, я позвоню в службу спасения.

— Эй, дай мне хотя бы дополнительную минуту.

— Почему минуту?

— Потому что тридцать секунд это слишком мало.

— Почему?

— Если я замечу, что кто-то наблюдает за мной, то не должна спугнуть его, внезапно достав свой телефон. Может возникнуть ситуация, когда мне придется вести себя спокойно,

и тридцатисекундный лимит может все испортить.

— Если он будет следить за тобой, разве ты не захочешь, чтобы полиция выехала как можно скорее?

— А если это будет не он?

— Тогда тебе, наверное, лучше не стрелять в него.

— Я не хочу, чтобы ты поднимала ложную тревогу. Дайте мне еще пять минут, если я не отвечу.

— Нет. Через пять минут ты можешь оказаться в подворотне с перерезанным горлом.

— Две минуты.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, но меня будет вечно преследовать чувство вины, если я соглашусь с твоим планом, а тебя похитят, убьют или и то, и другое. Поэтому я не собираюсь просто ждать, если что-то покажется мне неправильным. Если для тебя это проблема, я ухожу.

Герти на мгновение уставилась в окно.

— Хорошо. Это ты отказываешься от отдыха ради меня. Я приложу все возможные усилия, чтобы ответить в течении тридцать секунд, и если тебе придется звонить в службу спасения, то звони. В любом случае, мы обе знаем, что вероятность того, что я действительно столкнусь с этим парнем, практически нулевая.

— Я знаю это. И рада, что ты это понимаешь.

Герти опустила козырек и посмотрелась в маленькое зеркальце.

— Мне подходит такой цвет волос?

— Не, тебе лучше блондинкой.

— Да, я тоже так думаю. На самом деле, цвет хороший, но такие прямые волосы не подходят моему лицу. — Она подняла козырек. — Я не уверена, упоминала ли об этом вчера, но вся эта затея приводит меня в дикий ужас. Возможно, у тебя создалось впечатление, что я храбрая и отчаянная, но на самом деле это не так. Я до смерти напугана. Так что, если ты не сочтешь меня трусихой, я просто буду сидеть здесь с закрытыми глазами и делать успокаивающие дыхательные упражнения, пока мы не доедем до места.

— Это клево.

— Спасибо.

Герти закрыла глаза.

Шарлин подумала, не было ли это плохой идеей. Потом она удивилась самой себе: конечно, это была плохая идея. Это была просто ужасная идея. Нелепая идея. Тот факт, что эта идея была херовой, никогда не подвергался сомнению. Это было похоже на то, что сделал бы парень, надеясь переспать с ней.

Ее дружба с Герти все еще находилась на стадии зарождения, но она наслаждалась обществом девушки и не хотела, чтобы ей причинили боль.

Но Шарлин пошла на это только один раз.

Она забыла спросить, можно ли ей включить музыку, прежде чем Герти начнет свои дыхательные упражнения, и не знала, помешает ли она ее усилиям отправиться в свое счастливое место, прежде чем предложить себя серийному похитителю, поэтому Шарлин ехала в тишине.

Примерно через полчаса она заехала на стоянку круглосуточного магазина. Она уже казалось таким местом, где тебя могут убить и изнасиловать после наступления темноты. Шарлин заглушила двигатель.

— Каждые пять минут, — напомнила Шарлин.

Герти кивнула.

— Спасибо тебе за это.

— Поблагодаришь меня, если тебя не расчленят.

— Черный юмор это не совсем то, что мне сейчас нужно.

— Ну, на другой я сейчас не способна. Ты уверена, что хочешь это сделать? Держу пари, мы могли бы найти ночной суши бар. Сходить в кино. Постучать в дверь незнакомого человека и предложить ему переставить его книги на полках.

Герти открыла дверцу машины.

— Я пойду на север. Я дам тебе знать, если изменю маршрут. Просто продолжай двигаться в этом же направлении.

— Хорошо. И пожалуйста, будь осторожна.

— Буду.

— И постоянно думай о моем счете у психолога, если все пройдет плохо.

— Я тут как бы пытаюсь спасти свою двоюродную сестру.

— Я знаю, знаю. Прошу прощения. Удачи тебе.

Герти вышла из машины, закрыла дверь и ушла.

***

Это внезапно оказалось не так захватывающе, как думала Шарлин. Ее желудок скрутился в узел, как рождественская гирлянда, когда ты достаешь ее из коробки. Ей нужен был ксанакс.

Все будет хорошо. Герти уже много раз проделывала это тупое дерьмо, и до сих пор осталась жива, так что сегодня вечером с ней тоже все будет в порядке.

Было пять минут двенадцатого. Герти ушла всего минуту назад. Шарлин все еще видела ее. Было слишком рано писать ей сообщение.

Шарлин посидела в «Инстаграме» в течение следующих четырех минут, затем отправила Герти сообщение.

ШАРЛИН: Все еще живая?

Ответ пришел сразу же.

ГЕРТИ: Да:)

Шарлин по играла в игру в телефоне в течении еще следующих пяти минут.

ШАРЛИН: Как дела?

ГЕРТИ: Хорошо.

Вероятно, пришло время переехать на новое парковочное место. Шарлин завела

двигатель, задаваясь вопросом, как она собирается пережить следующие пару часов без нервного срыва.

***

Герти держала руку в кармане, обхватив пальцами электрошокер.

Она честно не знала, хочет ли она найти этого парня или нет. Она хотела спасти Кимберли и других пропавших женщин, и ей нравилась идея послать 150 000 вольт в тело сукиного сына, который их похитил. Но ей не хотелось оказаться связанной с кляпом во рту в багажнике чужой машины. Ей не нравилась мысль, что он будет гладить ее по волосам, шепча о том, что собирается с ней сделать. Что он не поторопится зарезать ее, потому что рядом не будет никого, кто сможет услышать ее крик.

Но она не могла сидеть дома и ничего не делать. Копы не поймали этого парня. Насколько она знала, у них даже не было никаких зацепок. Она искренне не верила, что именно она привлечет его к ответственности, но ей помогало спать по ночам осознание того, что, по крайней мере, пытается.

Ее телефон завибрировал. Она ответила Шарлин «ХОРОШО» и снова убрала его.

Она не чувствовала себя в большей безопасности, но ей было приятно знать, что кто-то был с ней сейчас, даже если Шарлин думала, что Герти сумасшедшая.

Девушка отвечала каждые пять минут. Ничего не происходило, что заставило бы ее задержаться хотя бы на несколько секунд. На самом деле, она почти ни с кем не встречалась на улицах сегодня вечером. Пара бегунов трусцой. Дама, выгуливающая свою собаку. Старик, который сообщил ей, что ей не следовало выходить одной ночью — на свободе разгуливал сумасшедший.

Герти ходила почти час. Может быть, ей стоило уже поехать домой? Ей было неприятно, что Шарлин просто сидела в машине, ожидая новостей. Это была чертовски большая услуга от того, с кем она только что познакомилась. И технически, Шарлин была не в долгу у нее, это она теперь была в долгу перед Шарлин за мечь лазаньей.

Она не собиралась никого ловить сегодня вечером.

Она знала это.

Должна просто пойти домой. Или пойти поесть суши. Хотя алкогольные молочные коктейли были дорогими, и она не могла позволить себе суши до зарплаты. Так что ей лучше было просто пойти домой.

Может быть, через десять минут.

Менее чем через десять минут она увидела мужчину, идущего к ней навстречу. Он держал за руку маленького мальчика лет шести. У мальчика был плюшевый мишка и пара воздушных шариков.

Почему такой маленький ребенок находится на улице так поздно?

Мужчина избегал зрительного контакта, когда Герти проходила мимо них. И он выглядел немного нервным.

Однако мальчик не казался испуганным.

Тем не менее, плюшевый мишка выглядел совершенно новым. И зачем ребенку воздушные шарики? Вечеринка по случаю дня рождения ребенка не закончилась бы так

поздно.

Возможно, это было совершенно невинно, но казалось каким-то неправильным. Герти достала телефон и позвонила Шарлин.

— Что случилось? — спросила Шарлин.

— Можешь оказать мне услугу? — спросила Герти. — Пожалуйста посмотри, нет ли Amber Alert (прим.: система оповещения о похищении детей) в этом районе? Мальчик пяти или шести лет с черными волосами. С мужчиной лет тридцати, волосы тоже черные, носит очки.

— Ты запомнила номер машины?

— Они идут пешком.

— Хорошо, конечно, сейчас сделаю.

— Я пока пойду за ними.

— Ты что...

— Да, я уверен, что это хорошая идея. Дайте мне знать как можно скорее. Спасибо.

Герти развернулась и пошла вслед за мужчиной и ребенком. Если бы они оглянулись назад, то могли бы задаться вопросом, почему она изменила направление, но если ничего криминального не происходило, им не о чем было беспокоиться. Они, конечно, ни за что не подумают, что она собиралась их ограбить.

Она не была уверена, какой дистанции ей держаться. Не хотела вызывать подозрений, но и терять их из виду она тоже не собиралась. У Герти не было опыта преследовать кого-то; один поворот, и она, возможно, не сможет найти их снова.

На следующем углу они повернули направо.

Дерьмо.

Герти ускорила шаг.

Ее телефон завибрировал.

— Да? — прошептала она.

— Сегодня по городу нет Amber Alert.

— Но это не значит, что ребенка не похитили.

— Что именно ты видела?

— Мужчину, идущего с маленьким мальчиком. У малыша воздушные шарики и плюшевый мишка. Я знаю, это звучит не так уж странно, но...

— Но сейчас полночь. Я поняла. Ты думаешь, что он заманил ребенка подарками?

— Может быть. Я имею в виду, родителям разрешается гулять со своими детьми допоздна. У меня просто какое-то поганое предчувствие, вот и все.

— Я почти уверена, что Amber Alert объявляется только в том случае, если ребенок находится в опасности. Позвони в службу спасения и узнай, поступали ли им какие-нибудь сообщения.

Герти свернула за угол. Она еще не потеряла мужчину и мальчика из вида.

— Я сейчас же позвоню, — прошептала она. — Оставайся на месте. Я перезвоню тебе.

***

Желудок Шарлин каким-то образом скрутился в еще более тугий узел. Было много

причин, по которым мужчина мог так поздно выйти на улицу с маленьким ребенком, держащим воздушные шары. Она понятия не имела, во сколько закрываются детские пиццерии. Это мог быть разведенный отец, которому пришлось ехать несколько часов после работы, чтобы забрать сына для посещения. Похищение ребенка было одним из наименее вероятных объяснений.

И предположим, что это было похищение. Парень явно же не собирается оборачиваться и похищать Герти тоже. Она позвонит в полицию и позволит им сделать свою работу.

Позвонила Герти, пять минут еще не прошло.

— Мне нужно, чтобы подъехала ко мне прямо сейчас, — сказала Герти, в ее голосе звучала паника. — Они зашли в гараж.

— Куда?

— Блин... не езжай к гаражу. Напротив него есть кафе под названием «Четыре зонтика». Найди его по GPS и забери меня прямо за ним. Я пока переключаюсь обратно на службу спасения.

Шарлин быстро набрала название кафе на своем телефоне. Оно было всего в нескольких кварталах от нее.

Через два квартала она остановилась на красный свет. Другого транспорта на дороге видно не было, поэтому она поехала вперед. Если бы ее остановил полицейский, это же было бы хорошо, правда?

Герти стояла у входа в кафе. Прямо перед ней была уличная парковка, так что Шарлин припарковалась у тротуара, и Герти села в машину.

— Они еще не вышли, — сказала Герти. — Похоже, здесь только один выход, так что мы увидим, как они выезжают.

— Что здесь происходит?

— Отцу, отказали в опеке, и он забрал своего ребенка. Избил мать, прежде чем уйти. Она позвонила в полицию буквально за пару минут до меня. Мы не можем позволить ему уйти.

— Ладно, хорошо, — сказала Шарлин. — Ты точно уверена, что они сядут в машину?

Гараж же может быть соединен с другим зданием, и у него могут быть другие выходы.

Герти покачала головой.

— Все, что я знаю, — это то, что он вошел внутрь с маленьким мальчиком. Я просто предполагаю, что они сядут в машину.

— Тогда мы подождем. Мы можем подождать. Это не проблема. Он выедет прямо перед нами, мы увидим его машину, надеюсь, различим номер и скажем его полиции. Все просто.

— А потом мы поедем за ними, — сказала Герти.

— Точно. Да. Конечно. Мы поедем за ними на безопасном расстоянии.

— Если только тебе не придется столкнуть их машину с дороги.

— Вообще-то это я здесь должна отпустить неуместные шуточки, — сказала Шарлин.

— Я не шучу. Если нам придется помешать ему уйти, тебе, возможно, придется столкнуть его машину с дороги. — Герти пристегнула ремень безопасности. — Не волнуйся. Это будет последнее средство. И, кстати, ты знаешь, что твоя страховая не поднимет тебе тарифы из-за этой аварии, если ты совершишь ее, чтобы спасти ребенка.

— Меня не беспокоит страховка. Меня парит то, что мы можем умереть.

— Мы не умрем.

— Я знаю, знаю, знаю. Дерьмо. — Шарлин глубоко вздохнула. — Хорошо, теперь я полностью сосредоточилась. Этот сукин сын никуда не денется. Но пообещай мне, что ты не начнешь стрелять из окна, как в старых боевиках.

— И мыслей не было.

— Поклянись мне. Я не хочу, чтобы ты сгоряча начала стрелять и случайно убила ребенка. Если они уйдут, то они уйдут. Никакой пальбы.

— Я не собираюсь стрелять в ребенка.

— Хочу сказать, что ты можешь захотеть попытаться прострелить их шины, промазать и убить ребенка. Мы поедем за ними. Но, пожалуйста, не начинай стрелять. А вообще, брось свой пистолет на заднее сиденье.

Ворота поднялись, и серебристая машина выехала из гаража. Шарлин увидела пару воздушных шариков, плавающих на заднем сиденье.

— Это они! Это они! — сказала Герти. Она поднесла телефон к уху. — Это серебристая машина. Двухдверная. Я не знаю модель — нет, подождите, она поворачивает. Сзади есть логотип «шевроле». Номерного знака нет. — Она помахала Шарлин. — Поехали, поехали!

Шарлин выехала на дорогу и последовала за серебристой машиной. Он ехал на тридцати пяти — максимально допустимая скорость. Возможно, все не так уж и плохо.

— Мы едем на восток, — сказала Герти в трубку. — Только что проехал Двенадцатую улицу.

Машина остановилась на красный свет. Шарлин остановилась прямо за ней.

Подозревает ли парень, что за ним следят? Что он сделает, если поймет об этом?

— Мы прямо за ним, — сказала Герти.

Шарлин вытерла пот со лба. Ее подмышки были мокрыми. Может быть, Герти следовало прострелить шины у его машины сейчас. Пока они стоят.

Нет, нет, нет, нет. Парень может прийти за ними. Или навредить ребенку. Это была

поразительно плохая идея, и Шарлин была рада, что не предложила ее. Герти не потянулась за пистолетом, так что эта поразительно плохая идея, вероятно, не пришла ей в голову.

Загорелся зеленый свет, и машина проехала перекресток. Шарлин последовала за ней.

— Пусть он немного проедет вперед, — сказала Герти. — Не надо, чтобы он знал, что мы едем за ним.

— Полиция уже близко?

Герти задавала этот же вопрос любому, с кем разговаривала по телефону. После короткой паузы, она посмотрела на Шарлин.

— Они уже в пути. Сказали, что скоро будут.

Вдалеке зазвучала сирена.

Герти улыбнулась.

— Они уже совсем близко.

Серебристая машина набрала скорость, рванула вперед и проехала на желтый свет.

— Черт! — сказала Шарлин.

— Он ускоряется!

— Я вижу!

— Езжай за ним!

Шарлин вдавила педаль газа в пол. Теперь светофор был красным, и она съежилась, когда проехала перекресток, ожидая, что в нее врежется другая машина. К счастью, большой грузовик, который мог бы их эффектно снести, находился в полу квартале отсюда.

— Не упусти его, — сказала Герти.

— Я не буду таранить его.

— Я не прошу тебя таранить его. Я прошу тебя не потерять его.

— Сука.

Вой сирен становился все ближе. В любой момент обученные, профессиональные люди могли взять ситуацию под свой контроль, и Шарлин могла бы отойти куда-нибудь, чтобы ее наконец вырвало от стресса.

Серебристая машина проехала еще на один красный свет. Шарлин последовала за ней.

Затем машина съехала на обочину и ударила по тормозам, шины завизжали, и в воздух поднялся дым от жженой резины. Мужчина выскочил из машины и побежал к пассажирскому сиденью.

— Помедленнее, помедленнее! — сказала Герти. — Скорее всего, он убегает от копов, а не от нас. Мы просто обычная машина.

Шарлин нажала на тормоз, но недостаточно быстро, чтобы они завизжали. Ее руки так сильно вспотели, что руль чуть не выскользнул из них.

Мужчина открыл пассажирскую дверь. Он сунул руки внутрь, подхватил маленького мальчика и побежал, оставив обе двери открытыми. Не оглянувшись на машину Шарлин. Когда она остановилась позади его брошенной машины, он побежал в переулок.

Сирены были совсем близко. Копы наверняка поймают этого парня.

Не обсуждая этого, Шарлин и Герти открыли свои двери, вышли из машины и погнались за ним.

Мужчина споткнулся и упал. Маленький мальчик вскрикнул, когда его отец приземлился на него сверху. Мужчина отчаянно вскочил, схватил сына за руку и поднял его на ноги. Он обернулся и увидел Шарлин и Герти, стоящих у входа в переулок.

— Он мой сын! — завопил на них мужчина.

Шарлин сделала шаг вперед.

— Я знаю, что ты любишь его. Просто отпусти его, хорошо? Копы уже почти здесь. Все кончено.

Мужчина сунул руку за спину.

«Это будет пистолет, это будет пистолет, это точно будет еб*нный пистолет», - подумала Шарлин.

И да он действительно вытащил пистолет. Мужчина притянул сына к себе и приставил оружие к его голове.

Шарлин подавила крик.

— Я сделаю это! — предупредил мужчина. — Я убью нас обоих, Я НИКОМУ НИ позволю забрать его снова!

Шарлин совершенно не представляла, что делать. Она не была опытным переговорщиком. Могла бы все испортить, если бы сказала что-то не то. Ей хотелось верить, что этот человек блефует, что он никогда бы не подумал об убийстве собственного ребенка, а затем о самоубийстве, и что, если они с Герти просто будут стоять там, полицейские быстро возьмут ситуацию под свой контроль. Но этот чел выглядит п*здец каким уверенным — он не блефовал. Мужчина выглядел вполне настроенным нажать на спусковой крючок.

Мальчик плакал.

— Ты его пугаешь, — сказала Шарлин.

Было ли это глупо говорить? Она не была уверена.

Она взглянула на Герти, отчаянно надеясь, что та не полезет за пистолетом. Герти стояла неподвижно, с ужасом наблюдая за мужчиной. Если она собиралась застрелить его, то проделала удивительную работу, не выдав своего намерения.

— Это п*здец, — сказала Шарлин мужчине. — Неважно, насколько плохи дела в твоей жизни, и я могу с уверенностью сказать, что они действительно плохи, но это не тот способ, чтобы справиться с ними. Ты же понимаешь это, верно?

Была ли она снисходительна? Она не хотела, чтобы мужчина чувствовал, что она разговаривает с ним высокомерно. Если он вышибет мозги своему сыну, будет ли это на ее совести? Что, черт возьми, она должна ему говорить?

— Он не вернется к ней, — сказал мужчина. По его лицу потекли слезы.

Он все еще говорил. Это было хорошо. Ей просто нужно было заставить его говорить дальше, пока копы не найдут снайпера или как там они решают такие проблемы.

— Я не собираюсь притворяться, что имею право голоса в этой ситуации, — сказала ему Шарлин.

Что за глупость она сейчас сморозила. Конечно, у нее не было права голоса в этой ситуации. С чего бы ему ей верить?

— Мы случайно тут оказались. Мы даже не хотели сначала вмешиваться. Но я могу сказать тебе, наблюдая со стороны, что это полный п*здец. Давай. Опустит пистолет. Не выбрасывай его, а просто опусти его.

— У меня нет другого выхода, — сказал мужчина. — Скоро появятся копы, они заберут моего сына, а я отправлюсь в тюрьму. Думаю, тебе не нужно объяснять, что это дерьмовый сценарий!

Должна ли Шарлин спрашивать, как его зовут? Разве не так поступил бы профессиональный переговорщик? Нужно ли ей пытаться установить личную связь с ним?

Герти почесывала руку. Может быть, у нее чесалась рука, а может быть, она собиралась

схватиться за пистолет. Шарлин наклонила голову в сторону Герти и попыталась покачать ею, ровно настолько, чтобы послать почти незаметное сообщение о том, что ей не следует хвататься за пистолет.

Герти опустила руку. Либо зуд прошел, либо до нее дошло сообщение.

Шарлин полностью переключила свое внимание на мужчину. Он был абсолютно прав в том, что тюрьма была его лучшим выходом из ситуации. Попытаться убедить его в обратном было бы откровенной ложью. Если не...

— Отпусти мальчика и беги, — сказала Шарлин. — Ты еще можешь уйти, если он не будет тебя тормозить.

Мужчина недоверчиво рассмеялся.

— Я не могу вот так просто взять и убежать от копов! Они отправят вертушки на мои поиски! Моей единственной надеждой было свалить из города до того, как они установят контрольно-пропускные пункты, и этот план превратился в полное дерьмо!

— Ладно, я поняла. Ну, отправишься ты в тюрьму и что? Это все равно лучший выход, чем убить своего сына и покончить с собой.

— Лучшей для кого?

— Для тебя и твоего сына! Господи Иисусе, как ты можешь этого не видеть?

Она надеялась, что ее тон не выведет его из себя.

Мужчина что-то сказал, но сказал очень тихо, и Шарлин не расслышала его из-за сирен и рыданий его сына. Внезапно сирены выключились, и она увидела, как синие и красные мигающие огни отражаются от кирпичных стен переулка.

— Скажи им, чтобы держались подальше! — крикнул мужчина. — Я пристрелю его! Если я увижу хоть тень легавого, я нажму на курок!

Герти повернулась и замахала руками.

— Не подходите! — крикнула она. — Пожалуйста, не подходите!

— Я серьезно! Не думай, что я этого не сделаю!

Изо рта мужчины вылетела слюна, и он так сильно прижимал пистолет к голове сына, что казалось, будто он может случайно сломать мальчику шею.

— Он настроен серьезно! — крикнула Герти полицейским.

— Никто из вас не должен пострадать, — сказала Шарлин. — Отпусти его. Сдавайся копам. Не доводи это до плохого конца.

Он еще не застрелил мальчика. Это означало, что он не хотел убивать его. Но если копы не прислушаются к предупреждению Герти, он вполне может это сделать.

— Она не получит его, — сказал мужчина.

Шарлин слышала шум за пределами переулка. Она не знала, какую обычно процедуру использует полиция в подобных ситуациях, но она верила этому человеку, когда он сказал, что нажмет на курок, если увидит хотя бы тень полицейского. Понимали ли это копы? Суматоха, возникающая вне поля ее зрения, заставляла ее сильно нервничать.

— Можно моей подруге поговорить с ними? — спросила Шарлин у мужчины. — Пускай она скажет им, что ты настроен решительно.

Мужчина кивнул.

— Она не заложница.

Шарлин повернулась к Герти.

— Делай, что хочешь, но не позволяй им входить сюда.

Герти побежала из переулка.

— Они не будут пытаться заставить тебя врасплох, — пообещала Шарлин. — Теперь, пожалуйста, отпусти мальчика.

— Нет.

— Как его зовут?

— Тебя еб*т как его зовут?

Из носа текли сопли, но у него не было свободной руки, чтобы вытереть их.

Может быть, пришло время солгать.

— Мой отец адвокат, — сказала Шарлин. — Очень хороший. Если ты отпустишь его и мирно сдашься полиции, я обещаю, что он поможет тебе, абсолютно бесплатно. Он хорош. Не избавит тебя от этой проблемы, но сделает ее на много лучше.

— Да?

— Да.

На одно очень короткое мгновение Шарлин показалось, что она действительно отговорила этого человека от его убийства/самоубийства. Но потом он покачал головой.

— Я уже проходил через суды. Они забрали его у меня. Мне все равно, даже если твой отец Аттикус Финч. Он не исправит этого.

Аттикус Финч проиграл дело, из-за которого он был знаменит, но сейчас было не время указывать на недостаток эрудированности этого человека.

Шарлин стало интересно, чем сейчас занята полиция. Занял ли снайпер свою позицию? Нетерпеливо ожидая, когда Шарлин отговорит мужчину не нажимать на курок? Как, черт возьми, она вляпалась в это? Она же простая официантка в ресторане!

Девушка понятия не имела, какую тактику использовать дальше. Обратная психология? Предложить ему сексуальную услугу? Просто уйти и позволить людям, которые знали, что делать, разрешить ситуацию? Попытаться обезоружить его самой?

Может быть, последняя идея была не так уж плоха. Конечно, не в стиле «броситься на него и повалить на землю», но если она будет двигаться медленно и осторожно...

— Можно мне подойти? — спросила она.

— Зачем?

— Потому что я хочу посмотреть тебе в глаза, когда мы разговариваем, да и копы с меньшей вероятностью попытаются застрелить тебя, если я буду стоять перед тобой.

— Да, давай подходи, — сказал он. — Но остановишься, когда я скажу тебе.

Шарлин подошла к нему, протянув руки, чтобы показать, что они пусты и что она не хотела причинить ему вреда. У нее не было абсолютно никакого намерения делать какие-либо резкие движения, так что теоретически наилучшим возможным исходом для нее было лично увидеть ребенка, получившего пулю в голову. Это был чертовски плохой исход, но если она подойдет ближе, возможно, ей удастся убедить его отдать ей пистолет.

— Все стой, — сказал он, когда она была в нескольких футах от него.

Она остановилась.

— Могу я сделать самонадеянное заявление? — спросила она.

— Валяй.

— Тот факт, что ты позволил мне подойти так близко, означает, что ты хочешь мирного решения этой проблемы. Зачем тебе беспокоиться о том, чтобы удовлетворить мою просьбу, если ты не думаешь, что есть другой выход? И теперь, когда мы установили, что ты не хочешь никого убивать, включая себя, почему бы тебе не опустить пистолет?

— Я больше никогда его не увижу.

— Хорошо давай притворимся, что это правда, хотя я и не верю, что это так. Это причина, чтобы убивать его? Ты же все равно проиграешь.

— Да, но тогда и его мамаша тоже проиграет. Я не позволю ей думать, что она победила. Я не позволю ей смеяться надо мной.

— Какие бы проблемы у тебя ни были с его матерью, это не вина малыша. Ради бога, он же твой сын! Я могу сказать, просто взглянув на него, что он умный ребенок. Зачем отнимать у него жизнь? Кто знает, кем он может стать? Кто знает, что он может сделать, что может принести в мир? Ты не просто украдешь у него жизнь, ты украдешь ее и у меня.

Не становится ли это слишком банальным? Она чувствовала, что, возможно, была опасно близка к тому, чтобы быть сволочью, если она уже не пересекла эту черту. Она не хотела, чтобы мужчина сказал «О, да заеб*ла!» и начал стрелять.

— Я не хочу его убивать, — сказал мужчина совершенно разбитым голосом.

Она не смогла бы услышать его, если бы не подошла ближе.

— Хорошо! Тогда, черт возьми, не делай этого!

Его рука немного дрожала. Это могло означать, что он подумывал, чтобы опустить пистолет. Это также могло означать, что он готовился нажать на спусковой крючок.

— Как тебя зовут? — спросила Шарлин.

— Ли.

— Привет, Ли. Как насчет того, чтобы ты отдал мне пистолет? Это сделало бы мой вечер намного лучше. Мы уже установили, что ты не хочешь этого делать, так зачем затягивать? С каждой секундой ситуация только усложняется.

— Если я отпущу его, ты поменяешься с ним местами?

— Прошу прощения?

— Я отпущу его, если ты будешь моей заложницей, чтобы я мог выбраться отсюда.

«Черт возьми, нет, — подумала Шарлин. — Ни за что. Ни единого шанса. Я, конечно, хочу, чтобы мальчик выжил, но я не собираюсь жертвовать собой ради него. Это чистое безумие».

— Я не могу этого сделать, — сказала Шарлин, чувствуя себя эгоистичным трусливым монстром.

— Я не причиню тебе вреда. Пусть копы думают, что я могу пристрелить тебя. Я отпущу тебя сразу после того, как мы уберемся отсюда.

— Это... это плохая идея.

Маленький мальчик посмотрел на нее, и хотя Шарлин, честно говоря, не очень любила детей, выражение его лица было душераздирающим. Сколько психологов потребуется, чтобы исправить психику этого ребенка после того, как все закончится? Обществу еще повезет, если он не начнет похищать женщин на улицах, как тот другой шизик.

— Хорошо, — сказал Ли.

Шарлин не знала наверняка, что он имело в виду.

— Ладно, тогда, мне, наверное, придется убить его.

Шарлин вдруг решила, что не может так рисковать.

— Ладно, хорошо — сказала она. — Я сделаю это. Я поменяюсь с ним местами. Дерьмо.

— Подойди ближе.

Мгновение Шарлин не могла заставить свои ноги слушаться. Ее ноги были явно умнее ее самой. Но затем она заставила себя подойти к Ли и мальчику. Она проклинала свою

глупость за то, что вляпалась в эту историю. И, да, она проклинала эту суку Герти за то, что та втянула ее в это. Боже, это же все закончиться ужасно, не так ли?

Ли посмотрел мимо нее.

— Эй! — крикнул он. — Эй! Один из вас, копов! Иди сюда!

— Отпусти мальчика, — сказал кто-то в мегафон. — Никто не должен пострадать.

— Ты слышишь меня?

— Четко и внимательно.

— Тогда этого достаточно! Я просто хочу, чтобы вам было известно, что эта девушка предложила поменяться местами с моим сыном! Это довольно самоотверженное дерьмо, и я хочу, чтобы она получила за это по заслугам!

— Ясно.

Ли опустил пистолет. Он опустился на колени и поцеловал сына в щеку.

— Беги, — сказал он, легонько подтолкнув его. — Беги, сынок. Иди и найди маму.

Мальчик пробежал мимо Шарлин.

— Идея с заложником звучала неплохо, но я не думаю, что мне это сойдет с рук. Я не хочу жить в бегах или чтобы тебя случайно застрелил тупой полицейский.

— Я ценю это.

Теперь, когда у него была свободная рука, Ли вытер лицо.

— Тебе лучше отойти, — сказал он.

— Зачем?

— Я серьезно. Лучше отойди.

Он снова поднял пистолет.

— Нет, пожалуйста, не надо.

Он улыбнулся.

— По крайней мере, убедись, что у тебя закрыт рот.

Из громкоговорителя прозвучал голос.

— Не делай этого!

Ли развернул ствол, направив его себе в лицо, и нажал на спусковой крючок.

Имея пару лишних секунд на подготовку, он мог бы засунуть дуло пистолета себе в рот, прежде чем нажать на спусковой крючок или приставить его к виску. Но, очевидно, он хотел сделать это сам, прежде чем полиция успеет застрелить его, потому что он выстрелил в себя с расстояния в несколько дюймов. Пуля попала прямо ему под глаз, выйдя из затылка в брызгах красного тумана.

Когда кровь заструилась по лицу Ли, Шарлин осталась стоять, парализованная ужасом.

Пистолет выпал из руки мужчины. Он ударился о тротуар, но Шарлин не услышала стук из-за звона в ушах.

Ли упал на колени, затем его тело наклонилось вперед.

Шарлин смутно ощущала какое-то неистовое движение позади себя, но не могла отвести взгляда от тонких красных ручейков, вытекавших из его головы.

Кто-то обнял ее за плечи, она закричала и стряхнула руки обнявшего, хоть и знала, что никто не пытался ее похитить. Она подумала, что это могла быть Герти, но нет, это была женщина-полицейский. Когда все больше людей бросились вперед, Шарлин согнулась пополам, хрипя, но на самом деле ее не рвало, и она яростно замахала руками, чтобы никто не прикасался к ней.

— Спасибо тебе! О Боже, спасибо тебе! — крикнула Шарлин какая-то женщина.

У нее был огромный синяк на одной стороне лица, ее руки крепко обнимали маленького мальчика.

Шарлин проигнорировала ее.

Пару минут спустя она сидела на заднем сиденье машины скорой помощи, пока ее осматривал фельдшер.

— Со мной все порядке, — настаивала она. — Он ничего мне не сделал.

Ну, он, возможно, навсегда разрушил ее слух, и определенно нанес ей серьезную психологическую травму, но этот фельдшер явно ничем не мог ей помочь.

— Просто проверяю вас, чтобы убедиться, мэм, — сказал фельдшер, светя фонариком ей в глаза. Когда он закончил с этой частью осмотра, рядом стояла Герти.

— Поздравляю, — сказала она.

— С чем?

— Ты спасла ребенка.

— Полиция спасла бы его тоже.

— Мы этого не знаем. Они могли прямо сейчас направляться к границе штата.

— Он застрелился. Его мертвое тело лежит примерно в пятидесяти метрах отсюда, если хочешь можешь сама пойти посмотреть.

— Я знаю, что с ним случилось.

— Он, возможно, не сделал бы этого, если бы мы не вмешались. Я не знала, какого черта делаю. Если бы мы просто дали описание его машины и оставили все как есть, полиция, возможно, поймала бы его без чьей-либо смерти.

— Он сам себя убил, Шарлин. Он угрожал убить своего сына, а потом покончить с собой. Ты же не винишь себя за это. Ты ведь не такая, верно?

— Я хочу сказать, что мы не знаем, как бы все обернулось, если бы мы не погнались за ним. Он мог бы сдать. Они могли прострелить ему ногу.

— Да, или он, возможно, сделал бы то, что сказал, что собирался сделать: убил бы ребенка, а затем и себя! — Герти выглядела совершенно ошеломленной. — Мы здесь хорошие парни. Если бы нас не было рядом, возможно, мальчик никогда бы не вернулся к своей матери. Нет, у этого не могло быть волшебного счастливого конца, но все могло выйти намного хуже. Что если бы мы не поехали за его машиной, а позже бы узнали, что мальчика нашли мертвым в канаве? Как бы ты себя чувствовала?

— Я не знаю, как бы себя чувствовала. Все, что я могу сказать, — это то, как я чувствую себя сейчас.

Герти вздохнула.

— Ну, ты была там, когда это случилось. Ты это видела, а я — нет. Как только шок пройдет, и ты сможешь подумать об этом рационально, будешь гордиться тем, что сделала. Этот мальчик вернулся к своей матери благодаря тебе. Ты скоро это поймешь.

— Я больше не хочу с тобой разговаривать, — сказала Шарлин.

— Имеешь в виду сейчас или вообще?

— Не знаю.

— Ты собираешься разговаривать с журналистами? Я вижу пару новостных фургонов

поблизости. Я уверена, что они захотят взять у тебя интервью.

— Черт возьми, нет.

Герти понимающе кивнула.

— Ладненько. Я оставлю тебя в покое, раз ты этого хочешь, но если передумаешь насчет желания поговорить со мной, звони мне в любое время, хорошо?

Шарлин отмахнулась от нее. Герти ушла.

— С тобой все хорошо, — сказал фельдшер. — Давление, конечно, немного повышенное, но это неудивительно. Мы ничего не можем сделать для твоих ушей, но звон должен скоро пройти, просто представь, если бы ты была на очень громком рок-концерте.

— Да. Отличный, бл*ть, был концерт.

— Это не мое дело, но я согласен с твоей подругой. Я был здесь, когда он сказал, что ты готова поменяться местами с мальчиком. Этот засранец уже был на грани. Как все получилось, так все и получилось, но это не твоя вина.

Фельдшер помог Шарлин выбраться из машины скорой помощи. К ней подошел коренастый полицейский. Он не выглядел так, будто был согласен с оценкой ситуации Герти или фельдшера.

***

Полицейский заставил ее рассказать всю историю. Затем заставил ее рассказать все сначала.

Она рассказала ему чистую правду. Они не сделали ничего противозаконного, просто глупость, и, естественно, он так же потом допросит Герти, так что любая попытка исказить правду «Мы просто решили прогуляться» будет раскрыта. Офицер может выговорить ей всякое, но ее не обвинят в непредумышленном убийстве или чем-то подобном, верно?

— По-вашему, я должен знать что-нибудь еще? — спросил полицейский.

— Нет.

— Хорошо. Репортеры хотят взять у вас интервью. Вы можете поговорить с ними, если хотите, или я могу провести вас мимо них к вашей машине.

— Я была бы рада, если бы вы провели меня мимо них.

— Сделаем.

— Так, а у меня теперь неприятности? — спросила Шарлин.

— Как вы думаете, присяжные вынесут вам обвинительный приговор?

— Надеюсь, что нет.

— Вы правильно думаете. Вам и вашей подруге нужно покончить с этим бессмысленным линчеванием, но у нас есть один живой ребенок и один мертвый похититель. Я уверен, что многие люди останутся довольны таким результатом. Все могло быть немного по-другому, вот если бы он застрелил мальчика... что ж, общественное мнение было бы не столь радужным по отношению к человеку, который взял на себя обязательство вести переговоры. Как бы то ни было, никто не собирается арестовывать вас и говорить, что вы несете ответственность за то, что этот придурок сделал с собой. Я предполагаю, что в ваш адрес будет сделано много похвал. Наслаждайтесь славой. Она не продлится долго, так что не растрчивайте ее впустую, коря себя. Это он нажал на спусковой крючок, а не вы.

— Спасибо.

— Да без проблем. Это была самая длинная мотивационная речь, которую можно было от меня услышать. Все еще хотите, чтобы я провел вас мимо репортеров?

— Да, пожалуйста.

— Пойдемте со мной.

***

Кен достал свой сотовый телефон. Был почти час ночи. Три пропущенных звонка от Вивиан и около десяти текстовых сообщений.

Ему не следовало задерживаться здесь так долго. Но завтра не нужно было идти на работу, и Вивиан не стала бы ругаться на него меньше, если бы он вернулся домой на пару часов раньше.

Регина была мертва, когда он приехал. Он ненавидел себя за то, что пропустил момент ее смерти. У него часто возникало искушение ускорить процесс, просто чтобы увидеть, как они умирают, но это было бы актом милосердия. В таком случае женщины умирали бы не от голода. Зачем утруждать себя наблюдениями за медленной, мучительной, первобытной кончиной, если он собирался преждевременно умертвить их?

В любом случае, к концу они были настолько слабы, что трудно было сказать, когда на самом деле наступал момент их смерти. Он был здесь, когда умерла его третья жертва, но ему пришлось держать зеркальце у нее под носом, чтобы убедиться, что она мертва.

Оливия все еще была жива. Она больше почти не разговаривала. Кен не возражал. Ему не нужно было, чтобы она что-то делала, пока он наблюдал. Он был совершенно счастлив сидеть там и смотреть, как ее почти неподвижное, красивое тело висит в клетке, а ее жизнь очень медленно утекает, как воздух из надувного матраса с крошечным проколом в боку.

Он встал.

— Хочешь еще воды, прежде чем я уйду? — спросил он. — У меня куча работы по двору, так что завтра меня не будет. И мне бы хотелось, чтобы, когда я вернулся в следующий раз, ты еще была жива.

Оливия кивнула.

Похититель подвинул стремянку, дал ей немного воды, затем оттащил лестницу и стул обратно на их место. Он всегда уносил их при уходе и тащил по прибытии. Не было никакой практической причины, по которой ему нужно было бы таскать их в дальний угол. Очевидно, что никто не собирался беспокоить их, пока его не будет. Ему просто нравился ужасный звук, который издавали предметы, когда скребли по бетону. Это был удивительно неприятный способ дать понять своим пленницам, что он готов наблюдать за ними.

Кен сделал последний долгий вдох. Ему было немного стыдно за то, как он наслаждался запахом комнаты. Смерть, рвота, моча... Даже жестокий серийный убийца должен был бы находить этот аромат неприятным. Только не он. Он разлил бы этот запах по бутылкам и использовал бы его как одеколон, если бы это сошло ему с рук. Использовал бы его, как приправу для еды.

Когда у него закончатся клетки и ему придется освободить первую, чтобы освободить место для новой жертвы, он, вероятно, вымоет пол из шланга. На данный момент все, что

выходило из женщин, оставалось на бетоне под ними.

Он помахал Оливии, хотя стоял у нее за спиной, она не могла его видеть. Он помахал и трупам, наслаждаясь мыслью, что их души, возможно, навсегда заперты в их сморщенных мертвых телах и что они могут видеть, как он им машет. Он открыл дверь и вышел из комнаты.

Кен закрыл дверь и ввел четырехзначный код доступа, чтобы запереть ее.

Поднявшись по лестнице, он ввел еще один четырехзначный код доступа, чтобы отпереть дверь наверху. Вышел в главную часть дома, закрыв и заперев за собой дверь.

Это был небольшой дом в отдаленности на окраине города. Вы могли видеть соседей вдалеке, но не слышали бы их, если только они не устроили бы действительно шумную вечеринку. Конечно, подвал был полностью звукоизолирован. Пока дверь в подвал и дверь наверху лестницы были закрыты, совершенно новая здоровая жертва могла кричать во всю силу своих легких, и кто-то, стоящий там, где сейчас был Кен, ничего бы не услышал. Первоклассная звукоизоляция. Дорогая.

Запах было легче блокировать. Подвал был запечатан, как неработающий морозильник, заполненный гниющими тушами.

Конечно, Кен не мог позволить себе снять такой дом самостоятельно. Это было совместное предприятие с его приятелем Дарреллом. Кен оформил все документы, убедившись, что арендная плата не может быть прослежена ни до одного из них, и Даррелл заплатил большую часть арендной платы. Кену достался подвал. Даррелл, которому нужно было место, чтобы трахать трех своих любовниц, взял верх.

Кен сказал только то, что ему нужен подвал для «дел, связанных с наркотиками». Дарреллу было все равно. Но мужик любил делиться своими собственными развратными историями. Он описывал все в графических деталях, и Кен задавал соответствующие вопросы с соответствующей ухмылкой на лице, хотя его совершенно неинтересовало, что Даррелл наконец заставил Лидию впустить его через черный вход, или что Саре нравилось, когда ее соски крутили со всей силы.

Они согласовали свои графики так, чтобы убедиться, что подружки Даррелла не взбесятся, потому что в доме будет кто-то еще. Собственное расписание Даррелла еще больше осложнялось тем фактом, что Лидия и Сара знали друг о друге, но им было все равно. Хотя и не настолько, чтобы устроить тройничок, черт возьми, но Джеки не только сошла бы с ума, если бы узнала о Лидии и Саре, но и взбесилась бы, если бы узнала, что Даррелл на самом деле не разведен.

— Она бы оторвала мне яйца и скормила их мне, — сказал Даррелл со смешком.

Кен поехал домой, надеясь, что Вивиан будет спать, когда он придет.

Она не спала.

— Где, черт возьми, ты был? — спросила она.

— Я тоже тебя люблю, — сказал он, целуя ее.

Он позаботился, чтобы она почувствовала запах виски, прежде чем их губы соприкоснутся.

— Я задала тебе вопрос.

— Разве я не могу встретиться с друзьями? У тебя есть друзья. У Джареда есть друзья. Но только не у меня. О, нет, никаких друзей для Кеннета! Да ведь он же будет увиливать от своих обязанностей, если хотя бы раз выйдет и повеселиться.

— Я не провожу всю ночь со своими друзьями.

— Так сейчас же еще не вся ночь. Сейчас только половина второго. Господи, когда мы стали такими старыми, что должны ложиться в детское время?

Вивиан проигнорировала его гипотетический вопрос.

— Я, в отличие от тебя, всегда звоню или пишу тебе, где нахожусь. Тебе что, было сложно написать мне сообщение?

— У меня слишком толстые пальцы.

— Не умничай.

— Ладно. Мне жаль, что я вернулся так поздно. Я немного перебрал и хотел протрезветь, прежде чем ехать домой.

Вивиан сжимала и разжимала кулаки.

— Пожалуйста, перестань мне врать. Я прекрасно знаю, где ты был и что делал.

— И что же я делал?

— Может быть, ты мне сам скажешь, кем она была, или мне подождать, пока я не увижу ее фотографию в новостях?

— Я никого не убивал, — сказал Кен, понизив голос, чтобы Джаред вдруг не услышал его.

— Опять врешь.

— Я никого не убивал! Я не был на охоте! Я обещал тебе, что скажу, когда пойду в следующий раз, и ни за что не нарушу этого обещания.

— Тебя слишком часто не бывает дома. Рано или поздно тебя поймают.

Кен в отчаянии хлопнул себя ладонью по лбу.

— Что я только что сказал? Почему ты меня не слушаешь? Я никого не душил сегодня.

Он поднял руки вверх.

— Ты видишь какие-нибудь царапины? Видишь какие-нибудь признаки того, что кто-то сопротивлялся? Видишь хоть что-нибудь? Хочешь проверить мои ногти на наличие крови? Не хочешь проверить лопату в багажнике? Клянусь Богом, Вивиан, я говорю правду. Ты знаешь о каждой. Как ты и сказала, их фотографии показывают в новостях.

— Может быть, ты теперь убиваешь не в своем стиле. Откуда мне знать, что ты не начал убивать маленьких девочек?

— Ты слышишь себя? Ты вообще не фильтруешь что говоришь? Я не могу просто ходить и убивать девушек каждую вторую ночь. Ты же не думаешь, что меня бы не поймали к этому времени, если бы я копал так много могил? Если я устроил, по-твоему, такую массовую резню, почему об этом еще не сообщили в новостях, а? Почему новости освещают только тех, о которых ты и так знаешь?

— Может быть, ты уезжаешь из города.

— Да, конечно. Мне же совершенно нечего делать. И вообще, как, черт возьми, я могу заманить маленькую девочку? Ты думаешь, я рискну и поговорю с незнакомым ребенком, чтобы она убежала и рассказала своим родителям? — Он положил руки на плечи Вивиан и посмотрел ей в глаза. — Вивиан, дорогая, восемь женщин, о которых я тебе рассказывал, — единственные. Я бы никогда не стал охотиться, не сказав тебе. Знаю, как плохо будет тебе и Джареду, если меня поймают, и никогда не заставлю тебя пройти через это.

— Тогда где ты был сегодня ночью?

— Я был в баре! Выпивал, ясно? Ты вышла замуж за алкоголика. Я напился и вел себя безответственно и глупо. Что мне нужно сделать, чтобы убедить тебя, что я не был на охоте? Просто скажи мне, и я сделаю это!

— Отвези меня в бар, я спрошу у бармена.

— Ты время видела? Бар уже закрыт. Вот почему я ушел. Но завтра, как только он откроется, мы поедем туда первым делом, хорошо?

Кен знал, что после хорошего сна Вивиан не станет возиться с этим дерьмом. Но ему придется начать проводить меньше времени в подвале, по крайней мере, до тех пор, пока она не расслабится и не потеряет бдительность.

Вивиан отступила от него на шаг.

— Есть хочешь?

— Да. Я что-нибудь съел бы.

— В баре, в котором ты был, есть телевизор?

— Три. А почему ты спрашиваешь?

— По какому-нибудь из этих трех телевизоров показывали новости?

— Просто скажи мне, что ты пытаешься сказать, Вив.

— Я говорю, что новости сегодня вечером были очень интересными.

Кен внезапно почувствовал более чем легкую тошноту.

— Насколько интересными?

— Не насри в штаны. Полиция не собирается ломиться в нашу дверь. Иди и возьми себе начос или что-нибудь еще, и я тебе покажу.

— Покажи мне сейчас.

Он пошел за ней в столовую, где на столе стоял ноутбук Вивиан. Она села, щелкнула несколько раз, затем повернула ноутбук так, чтобы он мог видеть.

— Сегодня вечером мужчина из Хорнбим-Ридж, Ли Монтгомери, умер от огнестрельного ранения, нанесенного самому себе, после похищения его шестилетнего сына, — сказала диктор, на которой было слишком много макияжа. — Монтгомери освободил мальчика после напряженного противостояния, но покончил с собой, прежде чем полиция смогла его арестовать. Две женщины увидели Монтгомери, идущего со своим сыном, и позвонили в службу спасения по поводу его подозрительного поведения. Женщины следовали за ним до тех пор, пока Монтгомери не выбежал из машины и не пригрозил убить своего сына и себя. Одна из женщин, Шарлин Фокс, пыталась отговорить Монтгомери от причинения вреда ребенку, зайдя так далеко, что предложила себя в качестве заложницы.

Сцена перешла к девушке, говорящей в камеру. На ней был парик с прямыми каштановыми волосами. Кен наклонился вперед. В нижней части экрана появилось ее имя Гerti Ричардсон.

— Да, мы были в ужасе от того, что он собирался убить своего сына, — сказала она. — Но моя подруга отговорила его. Она не считает себя героиней, за то я считаю ее таковой. Мы были на улице, пытаюсь спасти мою двоюродную сестру, но вместо этого она помогла мальчику. Совершенно безумная ночь.

Сцена снова переключилась на диктора новостей и ее соведущего-мужчину.

— Полиция утверждает, что молодые леди пытались послужить приманкой для того, кто несет ответственность за восемь пропавших женщин за последние несколько месяцев.

Второй ведущий усмехнулся.

— Похоже, ему стоит бояться.

— Мальчик вернулся к своей матери, которая получила травмы средней тяжести от рук своего мужа. А теперь вернемся к Стэну с его прогнозом погоды.

Новостной ролик закончился.

— Включи еще раз, — сказал Кен.

Вивиан снова прокрутила ролик.

— Что вообще значит служить приманкой? — спросил он.

— Я думаю, это означает, что они собирались надрать тебе задницу.

— Они думают, что я такой беспечный? Или что тупой? Настолько идиот, что эта сучка просто бродила по улицам в дешевом парике, ожидая, что я наброшусь на нее?

— У нее недешевый парик.

Кен хотел сказать жене, чтобы она заткнулась, но передумал.

— Мне не понравилось, что этот ведущий смеется надо мной. Кем, черт возьми, он себя возомнил? Он думает, что я в игры играю? Я бы посмотрел, как сильно он смеялся бы, если бы я убил его дочь?

— Если ты пойдешь за семьей парня из новостей, тебя точно поймают.

— Не собираюсь я этого делать. Хотя я бы с удовольствием заставил бы его сделать репортаж в прямом эфире, пока он смотрел бы, как я ее душу. Может быть, я пойду за этими двумя сучками. Они хотят быть приманкой? Я превращу их в приманку. Включи еще раз.

Вивиан покачала головой и закрыла ноутбук.

— Я показал тебе это не для того, чтобы ты разозлился и захотел отомстить им. Я сделал это, чтобы ты знал, что нужно быть осторожной. Может быть, они не единственные, кто пытается тебя поймать. Ты клянешься, что будешь осторожен, когда будешь выбирать своих жертв, но с этого момента ты должен быть еще осторожнее. Может быть, тебе стоит просто остановиться на некоторое время. Не навсегда, просто на какое-то время. На год или около того.

— Может быть, — сказал Кен.

Он не собирался останавливаться. Но так же он и не собирался рисковать по этому поводу, но он точно не позволит этим девушкам думать, что они такие храбрые героини. Они думали, что смогут положить конец его царству террора, разгуливая по городу в парике? Seriously?

Кен не потеряет хладнокровия. Не станет рисковать понапрасну. Не позволит сильному гневу, который он чувствовал, сработать против него. Он не собирался обещать себе, что эти суки окажутся в клетках. Но он, безусловно, изучит возможность того, чтобы это произошло.

Шарлин застонала, перевернулась и посмотрела на свой будильник. Час дня двадцать три минуты. Ее смена начиналась чуть больше, чем через полчаса. Она похлопала рукой по тумбочке, пока не нашла свой мобильный телефон, и позвонила Трэвису.

— Привет, — поздоровался он.

— Извини, я не могу выйти сегодня на работу, — сказала она ему.

— Я и не рассчитывал на другое. Отдыхай столько, сколько тебе будет нужно. Пока я не услышу другого, буду считать, что ты не выйдешь.

— Спасибо.

Шарлин повесила трубку. Ее дисплей показал, что у нее одиннадцать новых голосовых сообщений на почте от разных людей. Она позвонит своей матери и скажет ей, что у нее все хорошо. Все остальные могут катиться к черту.

Ее так и подмывало снова заснуть, но ей уже достаточно долго снились кошмары, поэтому она встала с постели. Приняла очень долгий и очень горячий душ. На ней не было ни капли крови Ли, а если бы и была, то ее смысл бы очень долгий, очень горячий душ прошлой ночью, но она все равно энергично терла свое тело. У нее было искушение просто сесть в углу и позволить воде струиться по ней, пока она плачет, но нет, это было бы слишком жалко.

Она вышла из душа, оделась и села на диван.

Проведенный день за просмотром телевизора, вероятно, не улучшил бы ее психическое состояние.

Честно говоря, она не могла придумать ни одного способа провести день, который не включал бы в себя повторное переживание момента, когда пуля попала в лицо Ли. Она не испытывала к этому парню никакого искреннего сочувствия — в конце концов, он избил свою бывшую жену и угрожал убить собственного сына. Мир явно был лучше без такого куска человеческого мусора, как он. Просто было нелегко смириться с мыслью, что человек вышиб себе мозги прямо у нее на глазах, и она, возможно, была ответственна за то, что так произошло.

Если она собиралась продолжать видеть кроваво красный туман, то с таким же успехом она могла бы это делать и на работе. Она перезвонила Трэвису.

— Я передумала, — сказала она ему. — Я выйду на работу.

— Ты уверена? Мы можем придумать что-нибудь. Если хочешь, я дам тебе пару дней оплачиваемого отпуска. Герти уже пытается заставить других серверов дать ей некоторые из их советов.

— Нет, мне нужно отвлечься от всего этого. Я приду через двадцать минут.

***

Когда она пришла, Трэвис стоял в подсобке.

— Никуда не уходи, — сказал он ей, когда она набрала номер на шкафчике.

Трэвис ушел, а затем вернулся через минуту со всеми официантами, поварами и

посудомойщиками, следовавшими за ним. Трэвис выступил вперед и обратился ко всем.

— Все, кто здесь работает, — герои. Каждый из вас. Тем не менее, Шарлин — особенная героиня, которая спасла похищенного шестилетнего ребенка, так что давайте покажем ей нашу признательность, хорошо?

Весь персонал ресторана зааплодировал. Раздался также свист. Герти, сияя, аплодировала громче всех.

— Речь! — сказал кто-то.

— Никаких речей, — ответил Трэвис. — Она пережила серьезную психологическую травму. Будьте добры к ней сегодня. А теперь все, возвращайтесь к работе.

Почти все вышли из подсобки. Шарлин чувствовала, что ей следовало бы злиться из-за этого проявления признательности, которого она не хотела, но, честно говоря, это заставляло ее почувствовать себя немного лучше.

Герти подошла к ней.

— Я знаю, что тебе нужно личное пространство, — сказала она. — Просто проверяю, как у тебя дела.

— Я в порядке. Тебе они тоже должны отдать должное.

— О, они сделали это. Выстроились в ряд и зааплодировали, когда я пришла сегодня на работу.

— Как мило с их стороны.

— Да. — Герти нервно почесала шею. — Так между нами все хорошо?

— Ты имеешь в виду, подруги ли мы еще?

Герти кивнула.

— Нет, не думаю, что мы подруги, — сказала ей Шарлин.

— Я не просила тебя идти со мной. Ты сама вызвалась.

— Я полностью на сто процентов понимаю это. Достаточно осознаю, чтобы понимать, что веду себя иррационально. И я, возможно, прощу тебя. Дам тебе знать, если изменю к тебе свое отношение.

— Хорошо. Спасибо.

Герти выглядела так, словно хотела сказать что-то еще, но вместо этого повернулась и вышла из комнаты.

***

Несколько клиентов Шарлин узнали ее. Она получила гораздо больше чаевых, чем обычно. Ни один человек не погрозил ей неодобрительно пальцем и не сказал «Ну-ну, тебе следовало бы не лезть не в свое дело!».

Вполне возможно, что все остальные были правы. Если бы они с Герти ничего не сделали, маленький мальчик мог бы сейчас находиться на другом конце страны, запертый в машине с эмоционально неуравновешенным избивающим женщин человеком. Если бы они ничего не сделали, какой-нибудь полицейский мог бы сейчас испытывать душевные муки, за то что случайно застрелил ребенка, когда пытался убить его отца. Может быть, разговор с Шарлин вместо того, чтобы наставлять на него дюжину полицейских, дал Ли время по-настоящему обдумать, что он делает, вот почему он отпустил своего сына. В альтернативной

реальности, где они не поехали за ним, он, возможно, был окружен, затем запаниковал и сразу же выстрелил своему сыну в голову.

Возможно.

Шарлин не была готова смириться с этим.

Герти отработала смену и ушла, не попрощавшись. После того, как Шарлин ушла с работы, она подумала о том, чтобы отправить Герти сообщение, просто чтобы убедиться, что с ней все в порядке, но решила, что ей этого не хочется.

Она пролистала сообщения в своем телефоне. Несколько журналистов хотели взять у нее интервью. Трое из них пришли в ресторан, чтобы поговорить с ней, но Трэвис вежливо, но твердо попросил их уйти. Уже поговорила со своей матерью и попросила ее передать сообщение, что с ней все в порядке, но все же сама отправила короткие ответы всем своим родственникам, которые написали ей. Затем она сделала то же самое со своими обеспокоенными друзьями. Она проигнорировала журналистов.

Осталась только Меган.

Она познакомилась с Меган на вечеринке в прошлом году. Переспала с ней через пару недель после этого. У них было несколько хороших дней, а затем они расстались, счастливые от того, что встретились друг с другом. Если Меган все еще хотела встретиться с ней, что ж... сейчас эта идея была очень привлекательной.

ШАРЛИН: Привет!

МЕГАН: Привет, секси!

Да, именно так Шарлин могла отвлечься от своих проблем.

***

Когда Шарлин проснулась на следующий день, в мире все было хорошо. Она счастливо растянулась в постели Меган, довольная тем, что несколько действительно сильных оргазмов действительно были тем, что вернуло радость в ее жизнь. Возможно, Меган просто вела себя как звездная сучка, но это было совершенно нормально. Ее невероятно талантливые пальцы заслужили ей право наслаждаться минутной славой Шарлин.

Меган перевернулась на другой бок, зевнула и улыбнулась.

— Доброе утро, секси.

— Сейчас уже полдень.

— Да ну? — Меган взглянула на часы, которые показывали двенадцать пятьдесят две дня. — Черт. Похоже, мы засиделись вчера.

— Ну да, мы поздно легли. Можно подумать, что мы были слишком заняты чем-то, что помешало нам лечь пораньше.

— Мы просто позволили времени уйти от нас. Думаю, нам следует встать с постели и одеться, потом пойти прогуляться и провести приятно день.

— Ты абсолютно права, — сказала Шарлин. — Однако я также хотела бы предложить альтернативный курс действий, такой, при котором мы не встаем с постели и не одеваемся.

Я еще не разобралась во всех деталях, но, честно говоря, думаю, что мы могли бы воплотить этот план в жизнь.

— Я готова попробовать, — сказала Меган, забираясь на нее сверху.

***

Шарлин все еще чувствовала себя хорошо, когда пришла на работу. Они с Меган не обсуждали то, что произошло в переулке, и подруга не настаивала на каких-либо деталях после того, как Шарлин сказала, что не хочет об этом говорить. Они не планировали встречаться дальше, и, возможно, они не увидятся до следующего раза, пока Шарлин не проведет импровизированные переговоры о заложниках. В любом случае, она не совсем вылечилась, и, на самом деле, в ушах у нее все еще звенело от выстрела, хотя и не так сильно, как в пятницу вечером, но ей было намного лучше.

— Ты выглядишь так, будто хорошо провела ночь, — сказала Герти, когда Шарлин надела черный фартук, который носили все сервера.

— Почему ты так говоришь?

— Это та же одежда, что была на тебе вчера.

— Может быть, я всю ночь просидела на диване в подавленном состоянии и не смогла заставить себя переодеться.

Лицо Герти вытянулось.

— О, черт, прости меня. Ты просто выглядела такой веселой, что я...

— Да я прикалываюсь. Прошлой ночью я отлично потрахалась. Подробности настолько волнующие, что я искренне верю, что могу превратить тебя в разъяренную лесбиянку, если поделюсь ими, поэтому я придержу их при себе, чтобы защитить твою гетеросексуальность.

— Я не пытаюсь защищать ее. Имею в виду, это открыло бы гораздо больше возможностей.

— Прости. Леди, которая ест кису, не рассказывает подробностей. — Она замерла. — Трэвис услышал это, да?

— Не-а, его нет поблизости.

— Ладно, хорошо. Мне показалось, что я почувствовала, как он смотрит на меня. В любом случае, само собой разумеющееся, что тебе должно быть понятно, что я никогда больше не присоединюсь к твоим вылазкам?

— Верю. Кроме того, я и сама закончила с ними. Не сказала никому из репортеров, почему мы там оказались, но видимо кто-то из копов проболтался, и это стало частью репортажа: они рассказали об этом по телевизору. Даже в том невероятно маловероятном случае, если бы я случайно оказалась там, где он искал бы свою добычу, мой план уже был бы испорчен. Он либо оставил бы меня в покое, либо просто пристрелил. Так что я ничего не могу сделать, чтобы помочь найти Кимберли, кроме как ждать, пока это сделает кто-нибудь другой.

— Мне жаль.

— Не беспокойся об этом. Как мы уже установили, на самом деле это было скорее эгоистично — заставить меня чувствовать, что я делаю что-то хорошее. Было бы здорово ударить его электрошокером по яйцам, но этого никогда не произойдет. Я просто устала

развешивать объявления «Пропала». В любом случае, я рада, что тебе стало лучше. Мне нужно вернуться к работе, пока Трэвис не накричал на меня.

— Подожди, — сказала Шарлин. — У меня все еще довольно запутано в голове из-за того, что произошло, но я не проклинаю твое существование и все такое.

— Спасибо. Это очень много значит для меня.

— К тому же, ты выглядела нелепо в том парике.

Герти рассмеялась.

— Я знаю.

— Хорошо, а теперь тебе лучше вернуться к работе.

***

Работа сводила Кена сума. Обычно она просто вызывала у него апатию и депрессию, но сегодня все обстояло намного хуже, потому что он не мог выбросить из головы тех женщин из новостей.

Как они посмели? Все было бы по-другому, если бы они были полицейскими. Он не возражал против этого: две женщины, просто выполняющие свою работу.

Но ему было все равно, была ли это ее давно умершая двоюродная сестра. Его бесило, что они думали, что могут вот так заманить его в ловушку. Что эти крошечные девочки собирались с ним сделать? Поймать его? Застрелить? Если они прикончат его, то никогда не найдут тело двоюродной сестры — он хорошо заметал следы, вот почему Даррелл доверился ему снять для них тот дом.

Ему даже было все равно, посадит ли он их в клетки. Удушение, подобное тому, что, по мнению Вивиан, он делал, было бы прекрасно. Сжимать их шеи до тех пор, пока у них не вылезут глазные яблоки. Может быть, он перерезал бы им глотки. Может, он залез бы в заначку Даррелла с садо-мазо игрушками и хлестал бы их по спинам, пока они не превратились бы в кровавое месиво.

Черт, он был так зол, что у него дрожали руки. И это ужасно затрудняло работу с этой проклятой электронной таблицей.

Он ненавидел эту рутину. Пустая трата сорока часов в неделю, не считая поездок на работу и его неоплачиваемого обеденного перерыва. Без этой работы он мог бы проводить все будние дни в подвале. Использовал для этой цели пару дней отпуска, но, к своему сожалению, он не мог уволиться. Вивиан заметила бы, если бы он перестал получать зарплату, и хотя она не отслеживала время его отпуска, спросила бы, не хочет ли он взять пару недель на отдых, чтобы они могли куда-нибудь поехать.

Так что он застрял здесь на весь день, уставившись в гребанный цифры.

Он задавался вопросом, кто были эти девушки. Ищут ли они его прямо сейчас. Смеются ли они над ним? Дали ли они друг другу пять за их удивительную победу в том, что заставили отца пацана выстрелить себе в лицо? Засыпают ли их сейчас выгодными предложениями на права на фильм и книгу по их истории?

Права на их историю станут гораздо более дорогими после того, как их тела будут обнаружены, хотя, конечно, сами они уже не смогут насладиться деньгами.

Он не пойдет за ними сразу. Если они не полные идиотки, будут в состоянии

повышенной боевой готовности. Он даст их жизням успокоиться, прежде чем войти в нее.

Но если они хотят так сильно встретиться с ним, он будет рад услужить. Но только на своих условиях.

***

Оливия попыталась отказаться от воды.

Ее существование было сущим адом, и она хотела, чтобы все ее муки быстрее закончилось. Она думала, будто читала, что можно прожить несколько недель без еды, но умрет гораздо раньше, если не будет пить воду, которую он ей предлагает.

Девушка пыталась. Она действительно старалась.

Но ей так сильно хотелось пить, что, когда он поднялся к ее клетке с бутылкой и соломинкой, она отчаянно принялась поглощать влагу. И на несколько мгновений ей стало лучше. Затем она снова почувствовала невыносимый голод.

Оливия фантазировала, что ему станет скучно с ней, как он схватит ее за сухие, безжизненные волосы и дернет ее голову назад, пока у нее не хрустнет шея. Страдания закончатся. Здравствуй Рай.

Он этого не сделал. Он просто наблюдал за ней.

Шарлин была удивлена тем, как быстро все вернулось на круги своя. Но не все было так хорошо, как ей бы того хотелось, — ей все еще было до смешного легко вызвать в воображении образ Ли, вышибающего себе мозги, и не помогало то, что ей приходилось подавать много блюд с красным соусом. Она смогла оставить это наблюдение при себе. Трэвис, возможно, и не уволил бы ее за то, что она вывалила еду на клиента, но, вероятно, не смог бы держать работника, который сравнивает еду с разбрызганным содержимым черепной коробки. И каждую ночь ей снились страшные сны, хотя они исчезали из ее памяти через несколько секунд после того, как она просыпалась, оставляя с осознанием того, что ей приснился ужасный кошмар, но без ярких подробностей в памяти. В общем, ей удалось вернуть жизнь на круги своя.

На третий день звон в ушах исчез. Репортеры перестали связываться с ней задолго до этого. Двадцатичетырехчасовой цикл новостей продолжался, и она больше не представляла никакого интереса для них. После случившегося у Герти взяли интервью в местных и кабельных новостях, но это не привело ни к чему, кроме нескольких минут эфирного времени. Она все еще была официанткой в ресторане. Клиенты больше не узнавали ее. Хотя полиция сказала, что им, возможно, потребуется продолжить расследование, прошла неделя, а они не пытались связаться, и Шарлин предположила, что им больше не потребуется ее показания.

Они с Герти были милы друг с другом, и не в фальшивой, чрезмерно формальной манере. Они даже немного шутили, хотя никогда не говорили о самом инциденте. Но больше не тусовались после работы, и если бы Герти сделала такое предложение, Шарлин бы отказалась. Она еще не была уверена, выдумает ли она явно фальшивое оправдание или просто прямо скажет Герти, что ей это неинтересно.

Она снова сошлась с Меган, а затем они перестали общаться друг с другом. Шарлин не возражала против совершенно поверхностных встреч «только ради секса» время от времени в течение очень долгого времени, но по большей части это было не для нее. Ей достаточно сильно нравилась Меган, но Шарлин никогда не встречалась с ней серьезно, и она знала, что девушка чувствует то же самое по отношению к ней, поэтому их обеих хватило на пару ночей, наполненных оргазмами, а затем они снова разошлись.

Сегодня вечером она собиралась остаться дома и почитать. Она заказала пиццу и проверила свою электронную почту. Только одно сообщение выделялось среди спама.

Привет, Шарлин! Это Уоррен Тейвуд. Я хотел подождать, пока все уляжется, прежде чем связаться с тобой. Я запускаю канал «ютубе» под названием «Глубокое погружение в героизм», где буду в течение часа общаться с такими людьми, как ты, которые рисковали своей жизнью, чтобы спасти других. Я надеюсь, получится очень бодрящий и вдохновляющий материал, но не слащавый. Мы — небольшое стартап-предприятие, так что за участие мы тебе заплатим, и ты сможешь рассказать свою историю не просто вкратце, а развернуто. Я бы с удовольствием встретился с тобой за ужином (угощаю!), и я смогу рассказать тебе все о своем видении проекта. Если тебе будет интересно, дайте мне знать, пожалуйста, и мы что-нибудь придумаем. Спасибо!

Уоррен.

Она хотела просто проигнорировать его, но решила написать ответ.

Спасибо, что вспомнил обо мне. Мне не очень хочется рассказывать об этом, так что мне придется отказаться. Извините.

Прежде чем принесли пиццу, он ответил.

Я понимаю. Тем не менее, думаю, тебе понравится подход, который я собираюсь применить к материалу. Он не будет эксплуататорским или пафосным. Это будет очень уважительный проект, сосредоточенный на тебе как на личности и не смакующий какие-либо кровавые детали. Я также разрешу тебе посмотреть эпизод до того, как он выйдет в эфир, и если он тебе не понравится, я не буду его загружать. Я могу дать это обещание, потому что уверен, что ты будешь довольна результатом. Плюс ты можешь хорошо провести время, предоставив мне возможность лично описать проект. Ты сама выбираешь ресторан. Я за все заплачу. Пожалуйста, подумай об этом.

Уоррен.

Шарлин немедленно ответила.

Нет.

Она закрыла крышку своего ноутбука. Пицца прибыла через несколько минут, и она устроилась на ночь с пепперони, дополнительным сыром и эротикой.

***

Спасибо, Уоррен, напечатала Гerti. Мне было бы интересно обсудить это дальше. Я работаю с 10:00 вечера в течение следующих трех дней, так что лучше встретиться в обеденное время. Я заканчиваю примерно к 1:30 ночи, так что днем я могу встретиться с тобой в любое время на этой неделе.

Кен нахмурился, глядя на экран компьютера. В чем, черт возьми, твоя проблема Шарлин Фокс? Встревоженная сучка. Он мог бы решить эту проблему с помощью денег. Если бы он сказал ей, что его инвесторы санкционировали выплату, скажем, пять тысяч долларов, она бы, по крайней мере, встретила с ним. Однако ему пришлось бы подождать. Он не хотел показаться слишком навязчивым и заставить ее думать, что у него были скрытые мотивы. Кен отправил ей вежливое электронное письмо с благодарностью и просьбой сообщить ему, если она передумает. Займется ей позже. Он никуда не спешит.

Вторая девушка тоже была проблемой. Он не хотел встречаться с ней днем. Хотел, чтобы их разговор закончился после наступления темноты. В идеальном мире он бы вообще не встретился с ней в ресторане, но не мог себе представить, что она появится в частном месте, чтобы поговорить с ним. Если бы она была настолько глупа, он, вероятно, даже не

убил бы ее, зная, что ее собственное повседневное существование было достаточно ужасным.

На самом деле, он написал в ответ, что у него много дел на этой неделе, и, возможно, в любом случае лучше подождать до четверга, смогут ли они встретиться в шесть вечера?

Он взглянул на то, что написал. Это не звучало отчаянно, не так ли? Будет ли она сомневаться в его мотивах? Если она откажется, он пойдет с ней на встречу в обед, которую использует, чтобы внушить ей доверие, и потом он сможет назначить другую встречу в более позднее время.

Мужчина отправил электронное письмо. И уставился на экран, в ожидании ответа.

Сработало!

УОРРЕН: Место выбираешь ты. Я буду там в 18:00.

ГЕРТИ: Красный Омар?

УОРРЕН: Увидимся там!

***

В течение следующих трех дней Кен наносил только быстрые визиты в подвал после работы. Это помогло Вивиан держаться подальше от его задницы и сделало его домашнюю жизнь немного сносной. Он даже хотел бы сделать это во время длительного обеденного перерыва, но у Даррелла были дневные права на дом с понедельника по пятницу, если Кен специально не планировал заранее. Кен появился один раз, всего через пару недель после того, как они начали снимать дом, и Даррелл заставил его снять свой перепихон на видео, используя настоящую видеокамеру, чтобы быть уверенным, что ничего случайно не будет слито в интернет. Зрелище было не из приятных. Это было не то, что Кен хотел видеть в первую очередь, но они в основном придерживались миссионерской позы, а это означало, что его основным кадром была огромная дергающаяся задница Даррелла. После этого он взял за правило уважать его расписание.

Поэтому он ушел после работы, задержавшись только для того, чтобы напоить Оливию и понаблюдать за ней несколько минут.

К этому времени она уже поддалась безумию, и это было восхитительное зрелище. Он мог сказать, что в ее голове крутился фильм, и это не был веселый мюзикл. Когда она говорила, в ее словах не было смысла. Иногда это была цепочка случайных фраз, а иногда — чистая тарабарщина. Если бы он записал ее и включил кому-нибудь, то напугал бы до чертиков того человека, обеспечив ему бессонные ночи на несколько дней.

С каждой жертвой мужчина задавался вопросом, что бы они сделали, если бы он выпустил их из клетки. Очевидно, не так уж много, может быть, просто остались лежать на полу? Может, попытались заставить свои руки и ноги работать в слабой и явно обреченной попытке на провал дотащить до двери?

За этим было бы захватывающе понаблюдать. Прекрасное зрелище. Но садить их в клетки было мучительным занятием, и то, что они бы отчаянно металась по грязному полу подвала, не входило в его общий план. Они могут пострадать. Если они пострадают, то могут

умереть раньше. Он этого не хотел.

Ученые, вероятно, были бы очарованы тем, что он делал. На самом деле было не так много возможностей изучить здорового, упитанного человека, поскольку они страдали от полного отсутствия какой-либо пищи вообще. Ученому было бы очень трудно наблюдать за этим процессом, не давая человеку время от времени бутерброд. На самом деле, ему следовало бы записывать подробные заметки и ежедневно фотографировать их. Сделать фотодневник, как их тела пожирали сами себя изнутри.

Но... он был бы для него и только для него.

***

Кен сделал нерешительную попытку заняться сексом, которую Вивиан отвергла. Это его не беспокоило. Он был в настроении для минета, но Вивиан захотела бы взаимности, а этого он не хотел. Они просто сидели в постели и смотрели телевизор.

— У меня завтра свидание, — сказал он.

— Чего?

— Помнишь тех девушек, которые пытались поймать меня? Те, которые заставили того парня застрелиться?

Вивиан потратила несколько секунд, пытаясь найти пульт дистанционного управления. Она подняла его и выключила звук телевизора.

— Конечно, я их помню. Что ты имеешь в виду, говоря, что у тебя свидание?

— Одна из них думает, что я хочу сделать передачу о ней. Мы встречаемся завтра за ужином. Так что я вернусь домой поздно.

— Ты в своем уме?

— Почему меня не удивляет, что ты так остро реагируешь?

— Остро реагирую? — спросила Вивиан. — Ты только что сказал мне, что собираешься встретиться с девушкой за ужином, а потом задушить ее, и смеешь говорить, что я слишком остро реагирую?

— Я не говорил, что собираюсь душить ее.

— О, боже, мне так жаль. Я неправильно поняла тебя. Так ты теперь стал телевизионным продюсером, да?

— Я сказал ей, что это будет веб-сериал. Думаю, это более правдоподобно. Я собираюсь завоевать ее доверие. Если все получится, и я смогу обеспечить безопасность, да, тогда она станет жертвой номер девять. Но, скорее всего, я просто подготовлю почву для того, чтобы заполучить ее в будущем. Завоюю ее доверие. Завтра она никуда со мной не пойдет, но, если я смогу убедить ее, что вполне адекватный человек, и мы найдем хорошее место для съемок, может быть тогда она ослабит бдительность.

— Что же случилось с твоей идеей выбора только случайных жертв?

— Она по-прежнему остается. Я просто подумал, что это стоит того, чтобы сделать исключение, не так ли?

Вивиан уставилась на него.

— Нет. Я абсолютно не согласна с тобой. Она как раз из тех людей, для которых не делают исключений. Полиция знает, что она пыталась заманить тебя в ловушку, чтобы ты

напал на нее. Если она исчезнет, они узнают, кто это сделал.

Кен покачал головой.

— Нет, все что они подумают, что это сделал какой-то таинственный мужчина, похищающий женщин. Они не узнают, что это был я.

— Но это же прямая связь. Она может рассказать кому-нибудь о тебе, и ты будешь первым подозреваемым. Это уже слишком.

— Хоть немного поверь в меня, Вив. Я не собираюсь говорить ей свое настоящее имя. И буду в маскировке.

— Ты действительно думаешь, что люди не смогут опознать тебя только потому, что ты прицепишь фальшивую бороду на рожу?

— Это гигантская фальшивая борода. С ней и очками — нет. Люди, у которых не было бы причин пытаться запомнить мое лицо, не узнают меня.

Ему также нравилось носить бросающийся в глаза пластырь. Если бы кто-то сказал, что у него был пластырь на шее, но на самом деле не было никакой раны, когда бы его допрашивали без маскировки, это была бы еще одна деталь, чтобы сбить их со следа.

— Я не собираюсь рисковать. Если мы встретимся больше одного раза, и я подумаю, что второй раз слишком рискован, то откажусь от всей этой затеи. И оставлю ее в покое.

— Так это просто одна из них?

— Да. Та, которая была в парике. Вторая отказалась.

— Где ты с ней встречаешься?

— В «Красном омаре».

— Она его выбрала?

— Да.

— Значит, ее там могут знать?

Кен колебался.

— Может быть.

— Может, она его выбрала, чтобы люди могли ее узнать? Может, у нее там знакомый официант? Люди, которые могли бы сказать «О, интересно, с кем это она?». Вдруг там будут такие люди?

— Я хотел, чтобы она выбрала место, в котором бы чувствовала себя комфортно. И у нее не было бы причин для лишних подозрений. Чтобы она знала, что мы будем в безопасном общественном месте.

— Ну, для нее это точно хорошо, но это может сказаться на тебе. Мне все равно, даже если твоя фальшивая борода закрывает все твое лицо, ты не будешь ужинаешь с жертвой там, где люди могут знать ее. Это просто идиотизм. Как ты с ней связался?

— По электронной почте?

— С безопасного адреса?

— Конечно.

— Ты уверен?

— Нет, дорогая, я создал учетную запись «Gmail», которую любой хакер-подросток сможет отследить до меня. Боже. Я знаю, как сохранить свои сообщения в тайне.

— Уверена, что знаешь.

Кен пристально посмотрел на нее.

— Как это понимать?

— Ты собираешься попробовать заняться с ней сексом после своего маленького

свидания?

— Ты шутишь?

— Что-то я не вижу, что бы ты смеялся?

— Нет, я не собираюсь спать с ней. Я также не пытался заняться сексом ни с одной из остальных. Я не могу поверить, что ты такое говоришь. Так вот почему ты так расстроена? Потому что ты думаешь, что я тебе изменяю?

— Я расстроена, потому что ты идешь на самоубийственный риск. Тебя поймают. Ты поклялся мне, что все они будут случайными жертвами. А ты все еще практикуешь свой маленький фетиш длинных темных волос...

— Это просто совпадение.

— ...и все они должны были быть незнакомками. Ни друзьями. Ни коллегами. Ни случайными знакомыми.

— Она не является ни одной из них.

— Станет случайной знакомой, когда вы будете вместе ужинать в ее любимом ресторане, а затем строить планы встретиться снова в будущем. Это слишком опасно. Ты думаешь, я хочу, чтобы меня знали как жену серийного убийцы? Как думаешь, что это сделает с моей жизнью? Жизнью Джареда? Ты можешь себе представить, через какой ад мы пройдем, если тебя поймают? Ты хоть немного думаешь о своей семье?

— Я бы никому не сказал, что ты знала.

— Ну, нет, у тебя, вероятно, не было бы шанса, потому что ты упал бы под градом полицейских пуль. Мне хотелось бы думать, что, пока ты будешь лежать на тротуаре, захлебываясь собственной кровью, твоими последними словами не станут те, благодаря которым ты сдашь меня.

— Хорошо, знаешь что, я чувствую, что это перестало быть разумным разговором.

— Я не беспокоюсь о том, что попаду в тюрьму как твоя сообщница. Я беспокоюсь, что мужчина, за которого я вышла замуж, будет разоблачен как психопат, что душит женщин.

— Ты думаешь, я психопат?

— У тебя сложилось впечатление, что люди не назовут тебя психопатом?

— Я спрашиваю, что ты думаешь.

— Кен, мы уже проходили через это. Не позволяй ранить свои хрупкие чувства. Ты знаешь, что я пытаюсь сказать. Понимаю, что нужно, чтобы поддерживать твой внутренний мир, и я поддерживаю, но это выходит за рамки нашего соглашения.

Кен на мгновение замолчал.

— Я понимаю, о чем ты говоришь. В твоих словах есть смысл. Но я действительно очень расстроился, когда увидел этих девушек в новостях. Не могу выбросить их из головы. Они не дают мне спать по ночам. Я не могу сосредоточиться на работе, поэтому должен что-то с этим сделать.

Вивиан положила руку ему на ногу.

— Тогда будь умнее. Встретьтесь посередине. Ты должен отвести ее куда-нибудь, где люди ее не знают. Если это означает, что она станет слишком подозрительной, чтобы встретиться с тобой, тогда тебе просто придется смириться с этим. Но ты же не просишь ее пойти с тобой в хижину в лесу. Это ресторан. Выберите то, где ни один из вас раньше не был. Если она в такой боевой готовности, что не пойдет в новый ресторан, то тебе слишком опасно с ней встречаться.

— Что мне ей сказать?

— Скажи «эй, как насчет другого ресторана вместо этого?». Опять же, если место является огромным красным флагом для нее, то он должен быть тем же и для тебя. Вы выберете место, где никого из вас не узнает, и займете кабинку в задней части зала. Ты заставишь ее чувствовать себя комфортно. Если она не захочет пить алкоголь, то будешь покупать ей любые модные безалкогольные напитки, которые у них есть, и продолжать заказывать их для вас обоих. В какой-то момент она встанет, чтобы пописать. Тогда ты и подсыплешь ей наркотик в напиток. Отведешь ее к машине. Отвезешь в какое-нибудь уединенное место и сделаешь свое дело. Похоронишь тело потом.

— Хорошо.

— Но, если вы не сможете занять кабинку в задней части, где за вами никто не будет наблюдать, если она не встанет, чтобы пойти в туалет, если она подаст какие-нибудь признаки того, что не верит, что ты какой-то блогер с «Ютуба», то откажешься от всей этой затеи. Я серьезно. Любые признаки. Если она поднимет бровь, и ты не сможешь точно определить, почему, то прервешь миссию. Если ты почувствуешь хоть малейшее покалывание в своем паучьем чутье, все будет кончено. Ты не тронешь ее. Ну, это похоже на план?

Кену пришлось признать, что так оно и было.

— Да, — сказал он. -Звучит как чертовски хороший план.

— Я все еще думаю, что это плохая идея, но, если ты обещаешь придерживаться этого плана, не буду стоять у тебя на пути.

— Я вообще не буду отклоняться от этого плана. Супер же придумала. — Он быстро поцеловал ее в губы. — Я бы не сделал ничего, что поставило бы нашу семью под угрозу. Я слишком забочусь о тебе и Джареде.

— Верю тебе.

— Я не предаю твое доверие. И я не собирался пытаться заняться с ней сексом. Я даже не собираюсь с ней флиртовать. Она будет знать меня как блогера из интернета, а затем как своего палача. Вот и все.

— Рада, это слышать, — сказала Вивиан. Они поцеловались.

Глава 9

Привет, Герти! Один из моих инвесторов будет в городе в четверг, так что у меня будет с ним встреча, которая помешает мне добраться до «Красного омара» к шести. Я не знаю, где ты находишься, но что если мы встретимся в «Пещере моллюсков»? Это недалеко от Хорнбим-Ридж, так что я знаю, что ты ориентируешься в том районе :) Не то чтобы я сноб, но он намного лучше «Омара», и это не только мое мнение. Если не хочешь, мы можем придумать что-нибудь еще. Приношу свои извинения за доставленные неудобства!

Уоррен

Я не слышала о Пещере моллюсков, но прочитала несколько отзывов, и они звучат фантастически. Правда, там намного дороже чем в «Красном омаре». Ты уверен? Мы всегда можем просто перенести нашу встречу на более позднее время. У меня все равно нет других планов.

Привет, Герти! Спасибо, что подумала о моей записной книжке. Люди больше не говорят "записная книжка"? Ты хоть знаешь, что это такое? ЛОЛ. Хотя я хотел бы притвориться, что такой милый, что плачу за эту прекрасную дорогую еду со своего собственного кармана, но на самом деле это учитывается в расходах на производство шоу, поэтому мои инвесторы оплатят счет! Я должен был сказать об этом в первую очередь.

Уоррен

Тогда здорово. С нетерпением жду нашей встречи!

***

Кен помахал Герти, когда официант повел ее к их кабинке. Он прибыл в ресторан на полчаса раньше, чтобы увеличить свои шансы занять столик в задней части зала, не зная, что Герти специально его заказала. Мужчина согласился с Вивиан, что со стороны Герти не может быть абсолютно никаких подозрений, если он собирается выйти сухим из воды, поэтому не хотел рисковать. И если бы ему пришлось отказаться от этого плана...что ж, он, вероятно, сделал бы это. Его критерии того, когда пришло время позволить ей сбежать, могли быть не такими строгими, как у Вивиан, но он не собирался быть беспечным по этому поводу.

На ней было одето модное платье и нанесен красивый макияж, будто она была на свидании или хотела выглядеть так, словно была готова к фотосъемке. На самом деле девушка была чертовски сексуальна, когда не носила этот дурацкий парик.

Кен встал, чтобы поприветствовать ее.

— Привет, я Уоррен, — сказал он, пожимая ей руку. — Рад с тобой познакомиться.

— Я тоже рада с тобой познакомиться. Очевидно, я Герти.

Они скользнули в противоположные стороны кабинки. Кен указал на меню напитков,

которое было на ее стороне.

— Заказывай все, что хочешь.

— Спасибо. — Герти взглянула на сервера. — Думаю, с начала я выпью диетическую колу.

Мужчина кивнул и вышел.

— Я итак держу свой бюджет в разумных пределах, — сказал Кен. — Ну, как ты добралась? Быстро нашла это место?

— Да. GPS привел меня прямо сюда. Нашла место для парковки, без проблем. Приступаем к многообещающему началу. — Герти открыла меню. — Что здесь хорошее?

— Крабовые котлеты на закуску, а для основного блюда я бы посоветовал свежую рыбу. Еще слышал, что здесь хорошие жареные креветки, но сам их не пробовал.

— Может быть, я закажу лосося.

— Отличный выбор.

— А что ты будешь?

— Тоже лосося..

— О, хорошо. — Она закрыла меню. — Это было легко.

— Так ты хочешь услышать о «Глубоком погружении в героизм»?

— Конечно.

— Каждый эпизод будет длиться час. Я знаю, что это звучит достаточно долго для веб-сериала, но мы хотим попытаться продать его более крупным потоковым сервисам после того, как у нас будет несколько серий за плечами. В основном это будут интервью с разными героями. Как ты и твоя подруга. Я бы хотел, чтобы она была здесь.

— Да, — сказала Герти. — На самом деле ей все это не нравится. Она гораздо больше похожа на героя без кавычек, чем я. Была движущей силой, но именно она спасла ребенка. Конечно, она также та, кто видел отца... ну, ты знаешь эту историю. Если бы я это увидела, то, возможно, тоже не была бы здесь сейчас с тобой.

— Я понимаю. В любом случае, сегодняшняя встреча будет просто настройкой. Ты будешь сидеть в кресле на фоне зеленого экрана. Одна камера будет установлена на против тебя, а вторая сбоку. Мы позаботимся, чтобы снимать тебя только с хороших ракурсов. — Кен усмехнулся. — Потом, когда мы все снимем, смонтируем материал с другими кадрами, но не будем дорабатывать никаких дрянных реконструкций или какой-либо другой ерунды. Мы вставим кадры переулка, где это произошло, и снимки улиц, по которым ты гуляла той ночью, — такого рода вещи.

— Ты сказал, что это не будет сенсацией, верно? Никаких следов крови на земле в переулке?

— О, нет, ничего подобного. У нас совершенно другой вид документального фильма. На самом деле, эта серия будет про тебя. Твои мотивы. О чем ты думала. Как ты набралась смелости сделать то, что сделала. И как случившееся повлияло на тебя после этого.

— Звучит неплохо.

— Я хочу приберечь большинство своих вопросов для шоу, чтобы все было свежим и живым, но сначала нужно получить некоторое общее представление. Ты...

Официант принес напиток Герти, а затем принял их заказы.

— Я забыл, о чем собирался спросить, — сказал Кен.

— О чем-то, что начиналось на «Ты».

— Ладно, потом вспомню. А пока, у тебя есть вопросы ко мне?

— Когда мы это сделаем?

— Когда ты сможешь прийти ко мне в студию. Интервью займет немного больше времени, чем то, что мы используем в шоу. Сама съемка займет, по крайней мере, пару часов, может быть, три или четыре, тут точно я тебе не могу сказать.

— Значит, ты избавишься от тех мест, где я лепечу, запинаясь в словах и начинаю ковыряться в носу, потому что забыла, что нахожусь на камере?

— Да, все верно. Мы заставим тебя хорошо выглядеть, обещаю. Еще я бы хотел отвезти тебя в студию сегодня вечером, чтобы ты могла встретиться со съемочной командой и провести несколько тестов на камеру, если ты свободна, конечно. Они сейчас все в студии, работают над одним из наших других проектов.

— Сегодня не могу, но смогу подъехать почти в любой другой день. Когда тебе будет удобно. В общем предупреди меня заранее за день или два, чтобы я могла поменяться сменами с кем-нибудь из других официантов на работе.

— Здорово, — сказал Кен.

Было бы слишком глупо надеяться, что она добровольно поедет в его «студию» сегодня вечером.

— И можно я возьму друга с собой?

— Шарлин?

— Нет, просто кого-нибудь, кто пойдет со мной. Он будет держаться в стороне.

— Клянусь Богом, мы не снимаем порно.

— Я знаю, знаю.

— Да без проблем вообще. Мы хотим, чтобы все чувствовали себя в безопасности и комфорте. Не приводи с собой всю свою свиту, но, да, если ты хочешь привести друга, это абсолютно не проблема. Мы заставим его работать!

— Спасибо, — сказала Герти. — Я не говорю, что не доверяю тебе. Но, конечно, все это произошло из-за того, что женщины исчезали!

— Ага. Я никак не могу с этим поспорить. Честно говоря, я должен был сам это предложить. Оплата составит тысячу баксов — фиксированный гонорар. Это немного, но получается довольно хорошая почасовая оплата.

— О, нет, это здорово. В основном я работаю за чаевые. И даже не собиралась пытаться говорить об оплате.

— Так ты думаешь, что тебе это может быть интересно?

— Определенно.

— Это здорово, — сказал Кен. — Я очень рад это слышать. А нашу еду еще даже не принесли. Я думаю, мы могли бы обсудить это за кофе.

— Кажется, нам просто придется смириться с этим и насладиться хорошей едой.

— Похоже, вечер будет хорошим.

***

Уоррен, похоже, не пытался заигрывать с ней. Герти подумала, что в таком случае он снял бы обручальное кольцо. Конечно, оно всегда оставляло отпечаток или линию загара, и ребята никого не обманывали этим, но это не мешало им пытаться.

Она чертовски уверена, что чувствовала себя недостаточно комфортно, чтобы ехать в его студию сегодня вечером. Девушка была достаточно уверена, что все будет хорошо, и, если у нее возникнет плохое предчувствие по этому поводу, то просто откажется заходить внутрь. А если он будет давить на нее, она выбьет из него дерьмо электрошокером в своей сумочке. Но, хотя она не почувствовала плохого настроения от Уоррена, пойти с ним в непубличное место после ужина просто не было вариантом. Ни для съемок в веб-сериалах, ни для секса, ни для чего-либо другого.

Это не пошло бы в романтическом направлении, даже если бы он был холост. Многие из этого было поверхностным, но мужчина был по меньшей мере на десять лет старше ее и немного полноват. Хотя довольно хорошо выглядел с хипстерской бородой, девушка не была большой поклонницей волос на лице. Это ни в коем случае не нарушало условия сделки, но, как правило, делало ее менее склонной воображать, что потом будут поцелуи.

На менее профессиональной территории его личность была... прекрасной. Он был дружелюбен и приятен в общении, и у него явно было несколько функционирующих клеток мозга. Просто не было никакой сильной связи. Она предпочитала парней с более острым умом. Более сердечный смех — Уоррен смеялся, но эмоции не достигали его глаз.

Не то чтобы все это имело значение. Он ничем не показывал, что пытался залезть ей в штаны, или что его интерес к ней чем-то отличается от заявленной причины их совместного ужина.

Ей очень хотелось, чтобы Шарлин приняла участие в том, что Герти в шутку называла «рекламным туром», но на самом деле он ограничивался несколькими короткими интервью. Это не было похоже на то, что Герти бесстыдно наживалась на ситуации — это будет первое платное интервью, и никто еще не предложил ей снять крупный фильм из истории ее жизни, — но она не могла не чувствовать себя немного виноватой, что получила все эти похвалы, пока Кимберли все еще считалась пропавшей. Герти знала, что Кимберли почти наверняка была мертва, но она не была уверена, сделает ли ее участие в этой передаче лучше или хуже. Если бы Шарлин была с ней сейчас, она бы определенно чувствовала себя лучше от всего этого происходящего.

Ее родители и даже тетя заверили ее, что она не делала ничего плохого. Хотя, что неудивительно, они категорически не одобряли ее попытку предложить себя в качестве приманки для похитителя. Это было не так, как если бы она занималась мерзким захватом наличных, как продажа разрешенных футболок или взимание платы за фотографии. Она позаботилась, чтобы каждый раз, когда Шарлин выступала перед СМИ, воздавать ей должное. Искренне верила, что они сделали доброе дело, даже если этот кусок дерьма, он же отец, покончил с собой, и она не видела ничего плохого в том, чтобы говорить об этом.

Лосось был восхитителен. Уоррен предложил соединить его с бокалом белого вина, но она предпочла диетическую колу. Пока они ели, он задавал много вопросов, но, казалось, не очень интересовался ответами. Он не проверял свой мобильный телефон, не пялился на других женщин или что-то в этом роде, но в разговоре было очень много «просто ждал своей очереди говорить». Уоррен был не очень хорошим рассказчиком, делаясь забавными случаями о своем детстве в Мичигане, которые заканчивались без особого смысла, и вполне возможно, что она подсознательно «ожидала своей очереди поговорить».

Когда официант предложил десерт, она почувствовала себя виноватой, сказав «да», но это было не свидание. Она все еще собиралась участвовать в его шоу, и он не платил за еду сам, так почему бы не побаловать себя семислойным шоколадным тортом?

— Ты будешь его? — спросила она.

— Конечно.

— Один торт, две вилки, — сказал официант. — Понял.

Когда официант ушел, Герти отодвинула свой стул.

— Мне не следовало пить третью колу. Вернусь через минуту.

Она взяла свою сумочку и направилась в туалет.

***

Кен не был уверен, то ли девчонка не доверяла ему оставаться наедине с ее сумочкой, то ли была в шоке. В любом случае, половина ее напитка осталась. А сладющий шоколадный торт, как правило, вызывал жажду. Она все еще может допить ее.

Он огляделся по сторонам. Были и другие посетители, но никто из них не сидел за соседними столиками и не смотрел в его сторону. В ресторане царил приятная тусклая атмосфера. Он мог опорожнить крошечный пузырек в ее напиток за две секунды. Все, казалось, были погружены в свои трапезы и разговоры.

Мужчина достал пузырек из кармана. Держа его спрятанным под столом, он открутил крышку.

Помощник официанта подошел к их кабинке и начал собирать тарелки и складывать их в свой пластиковый поднос.

Черт.

Помощник не смотрел на него.

Если бы он спросил Вивиан, что, по ее мнению, ему следует делать, она бы сошла с ума от мысли, что он даже подумывает о том, чтобы подсыпать наркотик в напиток Герти, когда кто-то стоит прямо там. Но Вивиан не вкладывала никаких эмоций в судьбу Герти. Ей было все равно, что произойдет. Это уничтожило бы Кена, если бы он потратил впустую вечер в этом дурацком ресторане, когда мог бы сидеть в подвале.

Если помощник официанта случайно оглянулся, Кен был бы в полной заднице. Другого объяснения не было, кроме того, что он пытался подсыпать наркотики в напиток Герти.

Это было слишком рискованно.

Если его поймают, он проведет остаток своей жизни в тюрьме, проклиная момент явной глупости, когда он нарушил очень умное правило, которое они с Вивиан установили.

«Отпусти ее».

Никто за ним не наблюдал.

Он быстро вылил содержимое флакона себе в рот. Никто этого не заметил.

Он потянулся через стол, взял стакан Герти и притворился, что делал глоток, выпуская прозрачную жидкость изо рта в ее диетическую колу. Он поставил стакан на место.

Этого тоже никто не заметил. Если бы кто-нибудь все же увидел, то просто подумал бы, что он пьет ее содовую. Ничего страшного. Может быть, они были женаты, и у них не было границ между напитками.

Он взял свой стакан с водой, сделал глоток, прополоскал аккуратно рот и выплюнул ее обратно. Затем сделал это еще раз.

Получилось!

***

Сидя на унитазе, Герти напечатала сообщение.

ГЕРТИ: Все идет хорошо. Вот-вот принесут десерт. Он не похож на чудака.

ШАРЛИН: Спасибо что держишь в курсе. Ты собираешься сразу домой после ужина?

ГЕРТИ: Да. Я напишу тебе, когда уйду. Впрочем, беспокоиться не о чем. Я не думаю, что он тебе понравился бы, но он вполне милый.

ШАРЛИН: Что у вас на десерт?

ГЕРТИ: Шоколадный торт!!!

ШАРЛИН: Наслаждайся!

***

— Вот, пожалуйста, — сказал официант. Кен не был большим поклонником шоколадных тортов, но этот определенно выглядел шикарно. — Все по одному чеку?

— Да, пожалуйста.

— Тогда сейчас принесу вам счет.

Герти вернулась в кабинку как раз в тот момент, когда официант уходил.

— Боже мой, он выглядит невероятно.

— Приятного аппетита.

Девчонка взяла нож и разделила торт на две равные части. Очевидно, она не хотела подхватить от него какую-нибудь заразу. Ну, и ты тоже тогда иди нах*й.

После того, как они съели пару кусочков, официант вернулся с чеком. Семьдесят один доллар, а они даже не заказывали спиртного. Еще одна причина злиться, если Герти сбежит. Он достал бумажник, отсчитал четыре двадцатки и пятерку, что не было ни незабываемо хорошими чаевыми, ни незабываемо плохими. Прямо в соответствии с тем, что, по мнению общества, он должен был дать.

— Без сдачи, — сказал он официантке, когда та забирала наличные.

Иногда он жалел, что у него нет кредитной карты на вымышленное имя, но у него не было связей, чтобы такую сделать, поэтому в подобных ситуациях всегда приходилось платить наличными. Хотя большинство посетителей расплачивались кредитными карточками, оставлять восемьдесят пять долларов наличными было недостаточно странно, чтобы привлечь к себе внимание.

Они с Герти продолжали есть торт. Она бредила его абсолютной восхитительностью, в

то время как он находил его тошнотворно сладким. Мужчина, конечно, притворился, что торт был просто восхитительным.

Она не пила свою диетическую колу.

Он не был уверен, как побудить ее выпить. Было бы странно предлагать другому взрослому человеку допить свой напиток. Он мог бы сделать глоток своей воды, чтобы незаметно напомнить о существовании ее напитка, но в ней было небольшое количество рогипнола, так что это был бы удивительно опрометчивый поступок с его стороны.

Они доели торт. Девушка соскребла глазурь со своей стороны тарелки, собрав все до последней крошки.

Как бы вы попытались убедить другого человека выпить напиток, чтобы это не показалось подозрительным?

— Это был действительно хороший торт, — сказал он. — Мне аж пить захотелось.

Боже, это было отстойно. Зачем он это сказал? Он взял свой стакан и сделал вид, что делает глоток, не позволяя ни одной капли попасть в рот. Затем поставил стакан на стол.

Герти не стала пить из своего стакана.

Зараза.

Он ничего не мог поделать. Если она не возьмет его и не сделает последний глоток, когда они встанут, чтобы уйти, то оставит стакан наполовину полным.

— Может, нам уже пора? — спросила Герти.

«Нет, — хотел сказать он. — Как насчет того, чтобы ты допила этот гребаный стакан диетической колы, за который я заплатил, сука?»

— Да, — сказал он, выскальзывая из кабинки.

Герти тоже вышла из кабинки. Она не взяла стакан, чтобы сделать последний глоток.

Они вместе направились к выходу из ресторана.

***

Герти захотелось вырвать.

Она все равно не стала бы пить из стакана, который оставила без присмотра. И тот факт, что его глаза продолжали постоянно метаться к ее бокалу, необязательно означал, что мужчина что-то с ним сделал. Он должен был быть невероятно смелым, чтобы подсыпать ей наркотик прямо здесь, в ресторане, в окружении других посетителей. Что если бы женский туалет был занят, и она сразу вернулась бы обратно?

Так что она не слишком беспокоилась о своем напитке, хотя, конечно, собиралась оставить его нетронутым. Легкое неприятное чувство и ничего больше.

Когда они отошли от стола, она испугалась.

Он не взял чек.

Как он собирался получить деньги за ужин, если заплатил наличными и оставил чек? Неужели его инвесторы поверят ему на слово? Деловые люди, обедающие с клиентами, всегда хотели получить свой чек.

Взгляда, устремленного на ее напиток и брошенного чека было недостаточно, чтобы она указала на него и закричала: «Убийца! Убийца!», но этого было достаточно, чтобы напугать ее.

Был ли это тот человек, который похитил Кимберли? Или он был просто каким-то парнем, который хотел ее изнасиловать? Она совершила ошибку?

Она провела много часов, прогуливаясь по улицам Хорнбим-Риджа после наступления темноты, надеясь, что он появится, чтобы попытаться сделать ее своей добычей. Теперь, когда он вполне мог идти рядом с ней, она думала, что совсем этого не хотела. Она жаждала быть как можно дальше от него.

И все же у нее был электрошокер.

Если бы он сделал шаг, любой намек, она могла бы выбить из него все дерьмо, а затем заставить его рассказать ей, что ублюдок сделал с ее кухней.

Разумным планом было бы не выходить с ним на парковку. Придумать предлог, чтобы остаться, а потом позвонить в полицию. Они могли решить, что у нее слишком мало зацепок, но наверняка согласятся, что у похитителя был мотив преследовать ее. Если она вернется к столу до того, как сервер уберет его, она сможет передать свой напиток копам и позволить им проверить его на наличие посторонних веществ.

Герти знала, как он выглядит, хотя внезапно подумала, что борода может быть фальшивой. Она могла бы легко узнать его на полицейском опознании, но, возможно, не смогла бы помочь создать эскиз, который был бы достаточно хорош для того, чтобы они могли поймать его.

Они обменялись электронными письмами. Наверняка он замел там свои следы. Похититель не был бы настолько глуп, чтобы общаться с жертвой, используя личный адрес электронной почты, который можно было бы отследить до него.

Что ей делать? Конечно, она не должна выходить с ним из ресторана. И все же, если она притворится, что у нее внезапно заболел живот, и вернется в туалет, он уйдет, и полиция, возможно, не сможет его найти. Кимберли, вероятно, будет мертва... Но что если все не так?

Самым смелым вариантом было бы ебн*ть его шокером прямо здесь, в ресторане.

И все же, что ей оставалось делать дальше? Он взглянул на ее напиток и не взял чек. Если бы он был невиновен, ее могли бы обвинить в нападении. Если вы собирались ударить электрошокером кого-то, кто не делал никаких агрессивных движений по отношению к вам, вам нужно было быть очень уверенным, что он действительно плохой парень.

Она пойдет с ним на парковку. Попробует разглядеть его номерной знак. Она перекинула сумочку через правое плечо, а он шел с левой стороны, поэтому девушка небрежно расстегнула ее, когда они шли через ресторан. Если бы он вообще попытался что-нибудь предпринять, она бы его ударила.

Мужчина взял мятную конфету из миски на стойке регистрации, а затем придержал для нее дверь, когда она вышла на улицу.

— Спасибо за ужин, — сказала она. — Он был восхитительным. Так что ты просто напишешь мне по электронной почте, и мы сможем сделать следующий шаг?

Он кивнул, но ничего не ответил.

***

Она знала.

Кен понятия не имел, как она догадалась. Но Герти внезапно стала вести себя немного

нервно и странно, и, хотя ему хотелось бы верить, что это просто его паранойя, он должен был предположить, что она знала, кем являлся. Это означало, что они уже не могли расстаться сегодня вечером.

Глава 10

— Да, — наконец сказал Кен. — Я пришлю тебе электронное письмо со всем, что тебе нужно знать. Чем скорее мы сможем это сделать, тем лучше, но, конечно, мы будем соблюдать твой график.

— Отлично. Что ж, я с нетерпением буду ждать возможности поработать с вами.

В голосе Герти послышался легкий намек на дрожь. Эта сучка проделала замечательную работу, притворяясь, что все в порядке, но ее действия были недостаточно хороши, чтобы обмануть его.

Он оглядел парковку. Больше там никого не было. Мужчина не думал, что высококлассный ресторан морепродуктов потрудился установить камеры наблюдения за парковкой. Если бы он мог добраться до нее быстро, то мог сделать это без свидетелей.

— Ну, я припарковалась в этой стороне, — сказала Герти, указывая налево.

— Я тоже, — солгал Кен.

Герти не выглядела счастливой, услышав это. Он не был параноиком. Она знала, что что-то не так. И у нее будут доказательства очень, очень скоро.

Кен задавался вопросом, будет ли она достаточно глупой, чтобы сказать «О, нет, подожди, я ошиблась, я там» и указать в другое направление. Он надеялся на это. Ему нравилась мысль, что она была так взволнована и напугана, что сказала действительно глупую чушь.

— Хорошо, — сказала она, уходя.

Он последовал за ней.

***

Это было ошибкой. Ей следовало остаться в ресторане.

Она могла бы притвориться, что один из этих ближайших автомобилей принадлежит ей, но если бы он немедленно не продолжил свой веселый путь, то увидел бы, что не может открыть дверь и понял, что она лжет.

Поэтому они продолжали идти. На самом деле ее рука была в сумочке, а пальцы сжимали электрошокер, и ей было все равно, заметил ли он.

***

Что она ищет в своей сумочке? Перцовый баллончик?

Ему придется быть осторожным.

— Ну, вот и моя, — сказала Герти, когда они подошли к маленькой синей машине, примерно такой, какую он и ожидал, будет водить молодая официантка.

Он раскрыл объятия.

— Можно мне обнять тебя на прощание?

Герти выглядела очень неуверенной.
— О, э-э, да, думаю, почему бы и нет.
Кен обнял ее.

***

Если этот жуткий засранец напрашивался на объятия, Герти было все равно, ошибалась ли она, считая его серийным похитителем. Она имела право защитить себя.
Он крепко сжал ее. Слишком крепко для дружеских объятий.
Девушка ударила его электрошокером в бок.

***

Это было чертовски больно. Кен даже взвизгнул.

Если бы мужчина верил в Бога, он должен был поверить, что тот смотрит вниз и одобрительно кивает на то, что он делает, потому что это была чертовски счастливая случайность. На нем было несколько слоев одежды. Не для того, чтобы защититься от цыпочки с электрошокером, а для того, чтобы замаскировать свою внешность, дабы свидетели запомнили его как парня, который мог бы провести немного больше времени на беговой дорожке.

Его план состоял в том, чтобы обнять ее и прошептать ей на ухо, что, если она хочет снова увидеть свою кузину живой, ей придется пойти с ним. Если она плохо отреагировала бы, он быстро швырнул бы ее в машину и попытался оглушить, прежде чем кто-нибудь еще вышел бы из ресторана. Это был далеко не надежный план, но он не мог просто позволить ей уйти.

Когда она ударила его электрошокером — а она не должна была этого делать — и боль пронзила его, он подумал, что все кончено, и он отправится в тюрьму. Но удар означал, что все, что она может сделать, так это причинить ему немного боли. А это не выведет его из строя.

Он не хотел кричать и кого-то предупреждать, поэтому дернулся, будто его ударило током. Мужчина был уверен, что это выглядело нелепо, но ему нужно было только на секунду продлить это представление.

Он разжал объятия и схватил Герти за руку, ту, что с электрошокером. Развернул ее и заломил ей руку за спину. Не настолько сильно, чтобы сломать кости, но достаточно сильно, чтобы вызвать у нее приступ боли.

Кену пришлось действовать быстро, прежде чем она закричала о помощи.

Он вырвал электрошокер у нее из рук, затем прижал его к ее затылку.

Она вскрикнула. Но это был не крик, а скорее громкое ворчание. Маловероятно, что кто-нибудь в ресторане слышал ее.

Ноги Герти подкосились, и она опустилась на одно колено.

Кен еще не хотел убивать ее, но он не мог рисковать тем, что она будет звать на помощь.

Он мало что знал о электрошокерах и не был уверен, какой ущерб нанесет ей второй удар. Он должен был пойти на риск. Если она умрет, значит, умрет.

Он снова прижал электрошокер к ее затылку. На этот раз треск был громче, чем ее ворчание. Герти завалилась вперед, ее руки и ноги подергивались. Она задыхалась, так что она не была мертва.

Парковка все еще была пуста.

Ему нужно было действовать быстро. Он наклонился над ней и подхватил на руки. Если бы она слишком сильно сопротивлялась, он бы прекратил это, уронив ее на голову, но она не двигалась, только подергивалась.

Она была не очень тяжелой. Все, что ему нужно было сделать, это отнести ее к своей машине, прежде чем кто-нибудь выйдет из ресторана. Он не бежал, но шел быстро, испытывая явное чувство паники, когда спешил к своей машине.

Почти на месте... почти на месте...

Он поставил ее на землю рядом с пассажирской стороной своей машины, затем отпер дверь. Его руки дрожали. Это был безумный риск, но меньший, чем просто позволить ей уйти. Он преодолел худшую часть. Если бы кто-нибудь поймал его сейчас, он мог бы предложить достаточно правдоподобное объяснение.

Кен открыл дверцу машины. Поднял Герти и посадил ее на пассажирское сиденье. Нет времени пристегивать ремень безопасности. Он сделает это после того, как они отъедут от Пещеры Моллюсков.

Он услышал, как открылась дверь ресторана.

Кен замер, когда пара вышла на улицу.

«Нет, не замирай».

Не было ничего подозрительного в том, что кто-то сел в свою машину на стоянке. Это то, что он должен был делать. Ему просто нужно было вести себя так, будто ничего не случилось.

Он закрыл дверь со стороны пассажира и подошел к двери со стороны водителя, странно осознавая каждый свой шаг, как будто он делал шаги, как космический пришелец, который привлек бы ненужное внимание. Он открыл дверь, задаваясь вопросом, открывает ли он ее обычным способом, затем сел внутрь.

Пара шла в противоположном направлении. Они ничего не заметили.

Он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Герти завалилась на него, и он откинул ее обратно к собственной двери. Затем он отодвинул сиденье полностью назад.

— Ты меня слышишь? — спросил он. — Я надеюсь на это. Надеюсь, ты осознаешь, что происходит. Это будет ужасно для тебя. Действительно чертовски ужасно. Какой бы кошмар ни разыгрывался у тебя в голове прямо сейчас, он не идет ни в какое сравнение с реальностью того, что тебе предстоит пережить. Я надеюсь, ты это понимаешь.

Он выключил электрошокер и втиснул его в щель между своим сиденьем и дверью. Затем завел двигатель и задним ходом выехал с парковки. Больше никто не выходил из ресторана, но даже если бы они и вышли, это не имело бы значения. Больше не было видно ничего подозрительного.

Отъехал от ресторана. Мужчина вернется за ее машиной сегодня ночью. Кен любил машины без ключа, так как это означало, что все, что ему нужно было сделать, это нажать кнопку на ее брелке, и ее машина подаст звуковой сигнал и мигнет фарами. Никаких подозрительных переходов от машины к машине, проверки замков.

Через несколько кварталов он заехал на стоянку другого ресторана. Этот был закрыт, и на стоянке не было других машин. Он припарковал машину, затем похлопал Герти по передним карманам. Мобильного телефона не было. Запустив руку ей под задницу, он нашел его. У нее, вероятно, был пароль, но, может быть, ему повезет.

Ему повезло.

Он улыбнулся, просматривая ее текстовые сообщения. Приятно было знать, что она не считала его чудиком.

***

Шарлин подняла трубку телефона, когда пришло сообщение от Герти.

ГЕРТИ: Я не домой:)

Девушка нахмурилась и напечатала ей три восклицательных знака.

ГЕРТИ: Обещаешь, что не будешь считать меня шлюшкой?

ШАРЛИН: Ты ведь не собираешься ехать домой к продюсеру, не так ли?

ГЕРТИ: Нет! Он слишком старый. Но наш милый официант — нет.:)

ШАРЛИН: Все хорошо. Повеселись. Только заставь его надеть презерватив, ты, безбоязненная бродяжка.

ГЕРТИ: Да, мам. Я поделюсь всеми подробностями завтра.

ШАРЛИН: Я не хочу ничего знать.

ГЕРТИ: Пока.

Шарлин положила телефон обратно на кофейный столик. Она не думала, что для Герти было такой уж хорошей идеей идти домой с парнем, которого она только что встретила, но Шарлин не была ее матерью или няней, и она не могла утверждать, что все ее сексуальные контакты включали длительные ухаживания. По крайней мере, ей было бы безопаснее трахаться с каким-нибудь официантом, чем так, как она проводила свои ночи.

***

Кен отключил телефон Герти, затем присел на корточки и разбил его об асфальт. В наши дни телефоны были очень хорошо сделаны, и потребовалось много усилий, чтобы

убедиться, что его нельзя спасти. Затем он выбросил его в мусорный контейнер ресторана. Она, вероятно, была бы больше расстроена потерей своего телефона, чем тем, что ее похитили.

Он вернулся в машину и поехал через весь город.

Никаких сирен. Никаких мигающих огней. Никаких признаков того, что за ним кто-то следил.

Ему это сошло с рук. Вивиан наложила бы в штаны, если бы знала, на какой риск он пошел, но он сделал это. Герти принадлежала ему. Бедная девочка. Если бы только она могла сказать, что слои его одежды не были его естественным жиром, она бы сейчас не была без сознания в его машине.

Он не видел причин убивать ее и покончить с этим. Она собиралась занять одну из пустых клеток с остальными его красотками. Пусть у нее будет достаточно времени, чтобы страдать и размышлять о том, как она навлекла это на себя. Другие женщины не несли ответственности за свои собственные адские судьбы, но, наблюдая, как ее тело будет увядать, Герти поймет, что это ее вина.

Кен свернул на подъездную дорожку арендуемого дома. Он был оснащен открывателем гаражных ворот с дистанционным управлением, но от устройства, найденного в его машине, не могло быть ничего хорошего, поэтому ему пришлось бы зайти внутрь, чтобы открыть его.

Герти слегка пошевелилась. Совсем чуть-чуть. Он не хотел снова шокировать ее, а хлороформ был спрятан внутри, так что ему придется оставить ее. Это не займет и минуты. Самое большее, что она могла сделать, это открыть дверь, выскочить на подъездную дорожку и проползти пару футов, прежде чем он поймает ее.

Если только она не притворялась.

— Эй, ты там не сдохла часом? — спросил он ее.

Герти не ответила.

Кен взял электрошокер, но оставил его выключенным.

— Я собираюсь снова ебн*ть тебя током, так что приготовься.

Хотя он на самом деле не собирался бить ее но проверить все же стоило, он рассчитывал на какую ни будь реакцию, если она конечно не была лучшей актрисой в мире.

— Три, два, один.

Он прижал шокер к ее затылку. Герти даже не вздрогнула. Девчонка не притворялась — она все еще была в отключке.

Мужчина оставил ее в машине, когда отпирал дверь в гараж. Войдя внутрь, он включил свет, подошел к дальнему концу и нажал кнопку. Когда дверь медленно поднялась, у него возник мысленный образ убегающей Герти, но, когда он вернулся к машине, она все еще была в полубессознательном состоянии на пассажирском сиденье.

Он вернулся в машину, заехал в гараж, затем вышел и нажал кнопку, чтобы снова закрыть дверь.

Кен вздохнул с облегчением, когда нижняя часть гаражной двери ударилась о цемент. Теперь у него было полное уединение. Он посидел там несколько мгновений, глубоко дыша. Он не осознавал, насколько напряжен был после десерта. Но теперь все было хорошо.

Хотя он не думал, что Герти доставит ему какие-либо проблемы, не хотел быть идиотом по этому поводу, поэтому пошел за хлороформом, чтобы полностью вырубить ее. Затем налил немного на тряпку и прижал к ее лицу.

Ему не терпелось увидеть выражение ее лица, когда она проснется.

Он отнес ее в подвал.

Оливия все еще была жива, так что у Герти будет компания, хотя Оливия больше не была хорошей компаньонкой.

Опустить клетку было довольно легко. Он поднялся по стремянке, отстегнул запирающий механизм наверху, а затем медленно ослабил цепь, когда клетка опустилась на пол.

Затем он отпер переднюю часть клетки, распахнул ее и осторожно поместил Герти в ее вечный дом. Он снова запер ее.

Самым трудным было поднять клетку обратно к потолку, так как и без того тяжелая клетка теперь стала еще тяжелее, и ему надо было поднимать ее, а не опускать. Он хотел бы, чтобы у него была автоматическая система намотки или, по крайней мере, рычаг, но нет, ему просто нужно было тянуть за цепь, пока клетка не поднимется достаточно высоко, чтобы запирающий механизм закрылся.

Но он поднял ее туда, а затем потратил несколько минут, чтобы полюбоваться своей работой.

Наркотики для изнасилования на свидании должны были выветриться сами по себе, но так как Герти была усыплена хлороформом, но он мог разбудить ее нюхательной солью. Мужчина достал ее, снова взобрался по лестнице и помахал ею перед носом Герти.

Ее глаза открылись.

— Привет, — сказал он.

Герти выглядела так, словно собиралась закричать, но Кен приложил указательный палец к губам, и она не издала ни звука. Она просто уставилась на него широко раскрытыми от ужаса глазами. Затем она начала кашлять, когда вонь смерти ударила в нее.

— Вот здесь ты и умрешь, — сообщил он ей. — Конечно, это займет какое-то время, но мне больше нечего сказать тебе.

Он спустился обратно по лестнице.

— Подожди! — сказала Герти. — Пожалуйста, подожди!

— О, держу пари, тебе интересно, где твоя кухня. Кимберли, верно? Она прямо там. Между вами двумя есть пара клеток, так что ты не сможешь ее увидеть, но, думаю, ты согласишься мне, когда я скажу, что это к лучшему. Люди плохо выглядят после того, как умирают и разлагаются.

Герти всхлипнула. Кен предположил, что она плакала больше о себе, чем о трагической кончине своей двоюродной сестры, но все же решил, что тут имеет место немного и того, и другого. Он ненадолго задумался, чтобы переместить ее поближе с трупом Кимберли, но потом решил, что не хочет менять тела местами. Кимберли может развалиться в процессе.

— Моя подруга...

— Твоя подруга думает, что ты трахаешься в этот самый момент. Это было бы намного лучше, не так ли? Жаль говорить, но траханья у тебя больше не будет. Все, что тебе осталось, это сидеть в своей маленькой клетке и ждать смерти. Без еды. Если бы ты не лезла не в свое дело, возможно, сейчас занималась бы сексом с каким-нибудь горячим официантом.

— Пожалуйста! Люди будут искать меня!

— Я знаю. Все твои соседки по комнате говорили то же самое, но никто их так и не нашел.

Герти старалась не поддаваться полной слепой панике. Она должна была сохранять спокойствие. Заставить его увидеть причину. Она не могла сдержать слез, но до тех пор, пока она могла удержаться от того, чтобы просто зажмурить глаза и закричать во всю силу своих легких, возможно, она могла бы найти выход из этого.

Кен поднял стремянку и скрылся из виду. Мгновение спустя он вернулся туда, где Герти могла его видеть.

— Я хотел бы остаться подольше, — сказал он. — Но не переживай, я вернусь завтра.

— Послушай меня, — сказала Герти, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно спокойнее. — Тебе это с рук не сойдет. Меня найдут.

— Я этим категорически не согласен.

— Они могут выследить меня.

— И как же?

Она кивнула.

— По GPS-трекеру.

— Я не видел ни одного, когда обыскивал тебя. ты что хочешь сказать, что имплантировала его?

— Да. Я сделала это, когда начала искать тебя. Они выследят меня здесь. Но если ты меня отпустишь, я уйду и не скажу ни слова, обещаю.

— Действительно? Для твоей мертвой кухни уже слишком поздно, но ты не попытаешься спасти свою соседку Оливию? Она все еще жива.

Он указал на женщину в соседней клетке.

Смерть Кимберли не была неожиданностью, и Герти заставила себя не позволять этому отвлекать ее. Она попыталась придумать правильный ответ на этот вопрос.

— Я ее не знаю.

— Довольно хладнокровно.

— Я просто хочу вернуться домой.

— Если у тебя есть имплантат-следопыт, тогда, думаю, мне придется отрезать ту часть тебя, в которую он вшит. Где он в руке? В одной из твоих ног? А как насчет твоей головы? Или мне лучше просто полностью расчленить тебя, чтобы быть уверенным наверняка?

Герти не ответила. Она прислонилась лбом к клетке и заплакала.

— К счастью для тебя, я знаю, что ты лжешь, так что мне не придется начинать отрубать тебе конечности. Я вернусь завтра. Тогда ты сможешь выпить немного воды. Но я надеюсь, тебе понравился шоколадный торт, потому что это была твоя последняя трапеза.

Она ничего не сказала, когда он ушел.

Ситуация не была безнадежной. Когда люди наконец поймут, что она пропала, ее фотография появится в новостях, и Шарлин расскажет полиции, что Герти была в «Пещере моллюсков» до того, как исчезла. Их официант запомнил бы парня, с которым она была. Копы найдут его и заставят рассказать, где он держал своих похищенных жертв.

Легко, правда?

Вот почему она оказалась в подвале, полном трупов.

Кен чувствовал себя великолепно, когда запирает дверь. Он заполучил ее. Девушка думала, что умнее его, а он превзошел ее. Она собиралась умереть медленной, мучительной смертью просто потому, что пыталась связаться не с тем парнем. Он был просто в восторге.

Мужчина поднялся наверх, затем запер вторую дверь. Он действительно хотел, чтобы у него было больше времени сегодня вечером — он был уверен, что Герти там, внизу, чертовски волнуется. Он подумывал об установке веб-камеры, но не был уверен, что сможет сделать канал полностью безопасным.

Если бы он когда-нибудь научился свистеть, то именно сейчас использовал бы это умение. Он не мог вспомнить, когда в последний раз был в таком приподнятом настроении. Ни одно из других похищений не доставляло ему такого удовольствия.

Был ли это дополнительный элемент опасности?

Или это было потому, что Герти была более личной, чем другие? Она пыталась причинить ему вред. Она действительно заслужила свою судьбу.

Он предположил, что это не имеет значения. Он не собирался намеренно пытаться сделать свои похищения более опасными, и если бы месть стала частью его выбора жертвы, его бы в конце концов поймали, в этом нет сомнений.

Так что он просто наслаждался хорошим самочувствием, пока оно длилось. Он сомневался, что оно будет долго.

Кен вошел в гараж и нажал кнопку, чтобы открыть дверь. Он сел в свою машину, завел двигатель и сделал неудачную попытку свистнуть, ожидая, пока дверь полностью откроется. После того, как это произошло, он включил заднюю передачу, сдал назад — и сразу же ударил по тормозам, чтобы не сбить человека, который появился в поле его зрения. Вивиан. Она не выглядела счастливой.

Кен просто уставился в зеркало заднего вида, стараясь не наложить в штаны.

Она подошла к его двери. Ему потребовалось мгновение, чтобы подумать, прежде чем поставить машину на тормоз. Он опустил стекло, сначала случайно используя рычаг для заднего окна, а затем исправив свою ошибку.

— Вылезай из машины, — сказала ему Вивиан.

Кен открыл дверь.

— Сначала машину заглуши.

Он заглушил двигатель, положил ключи в карман и вышел из машины. Он закрыл дверь, вынул ключи из кармана, чтобы запереть машину, затем снова сунул ключи обратно в карман. У него болел живот, и ему хотелось поспешить в кусты, чтобы проблюваться. Вместо этого он остался стоять на месте.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— У меня есть вопрос получше, — сказала Вивиан. — Что ты здесь делаешь?

— Ты следила за мной?

— Нет. Я положила телефон Джареда под твое сиденье. Отследила его с помощью приложения. И это был единственный вопрос, на который я отвечу, пока ты не объяснишь, мне что это за дом.

Кен хотел возмутиться о вторжении в частную жизнь, высказаться за недостаток доверия... Но он был оправдан, так что мужчина мог ей сказать?

Она, наверное, думала, что у него роман. И Кен, честно говоря, не был уверен, она отреагировала бы хуже на это или на женщин, запертых в клетках в подвале.

— Это ничей дом, — сказал он.

Это была самая глупая вещь, которую он мог сморозить, но сейчас у него в голове все перевернулось.

— Ничей дом, — повторила Вивиан.

Кен пожал плечами.

— Она внутри?

— Кто?

— Не смей притворяться, что не понимаешь, о чем я говорю! Она внутри? Я не собираюсь причинять ей боль. Я просто скажу ей, чтобы она держалась от тебя подальше.

— Ее нет внутри.

— Чушь собачья.

Вивиан ворвалась в гараж. Кен поспешно последовал за ней. Она попыталась открыть дверь внутрь. Когда ручка не повернулась, она начала колотить в дверь.

— Внутри никого нет, — сказал Кен.

— Чертов лжец! — Вивиан забарабанила в дверь еще сильнее. — Открывай! Открывай мать твою!

— Тише ты! — сказал Кен. — Соседи услышат.

— Ты думаешь, меня это волнует?

Она продолжала колотить в дверь.

— Я же сказал, внутри никого нет.

— Тогда открой дверь.

— У меня нет ключа.

— Ты хочешь, чтобы я тебя обыскала?

Побежденный, Кен достал ключ и открыл дверь. Прежде чем он успел вынуть ключ из замка, Вивиан открыла дверь и вошла внутрь. Кен подумывал, чтобы запрыгнуть в свою машину, умчаться и оставить всю свою жизнь позади, но вместо этого последовал за ней.

Если бы она вошла в комнату Даррелла, то увидела бы все его секс-игрушки, и не было бы никакого способа убедить ее, что они не принадлежали ему. Он не думал, что Даррелл появится, чтобы выступить в качестве свидетеля.

Но она этого не сделала. Она остановилась у двери на лестницу. Она нажала на дисплей с паролем.

— Что там внизу? — спросила она.

— Я не знаю.

— Почему здесь такой высокотехнологичный замок, как этот?

— Я не знаю.

— Кен, я собираюсь выяснить, что находится за этой дверью. Ты можешь показать мне сам, или я спущусь туда со слесарем. Что ты выберешь?

— Мы не можем поговорить об этом?

Вивиан так яростно замотала головой, что он подумал, что она может свернуть себе шею.

— Нет, потому что ты продолжаешь врать. Открой эту дверь. Открывай ее сейчас же.

Кен набрал четырехзначный код. Вивиан открыла дверь и спустилась по лестнице.

— Ты, бл*ть, издеваешься надо мной? — спросила она, подойдя ко второй двери и второму кодовому замку.

— Позволь мне сначала объяснить, — сказал Кен.

— Я не хочу, чтобы ты объяснял мне что-то. Я хочу, чтобы ты открыл эту чертову дверь.

— Тебя может расстроить увиденное.

— Да, я поняла это, когда мы добрались до второй проклятой запертой двери.

Ее было невозможно отговорить от задуманного. Теоретически он мог бы применить к ней электрошокер, но она была его женой, а ей мужчина никогда не причинил бы физического вреда. Никогда. Он никогда не прикасался к ней и не прикоснется.

Кен попытался придумать какое-нибудь объяснение, которое мог бы предложить, что-нибудь, чтобы смягчить удар от того, что она собиралась увидеть, но ничего не придумал. Что он мог сказать такого, что сделало бы эти следующие несколько мгновений менее ужасающими?

Кен набрал код. Дверь открылась.

— Там будет плохо пахнуть, — сказал он. — Приготовься.

Он открыл дверь.

Гнилостный запах ударил Вивиан так сильно, что она тут же согнулась пополам, и ее вырвало. Она встала, кашляя, отплевываясь и вытирая слезы из глаз.

Затем вошла в комнату.

Она зажала рот рукой, оглядела клетки и упала на колени.

— Пожалуйста! — крикнула Герти. — Помогите мне!

Кен подошел и ударил кулаком по дну ее клетки.

— Еб*льник на ноль! Скажешь еще хоть одно слово, и я с тебя живьем шкуру спущу! А затем вырву твои гребанные органы! Ты поняла меня?

Не дожидаясь ее ответа, он вернулся к Вивиан. Взял ее за руку и попытался помочь подняться.

— Давай, Вив. Теперь ты это увидела. Уйдем отсюда, хорошо?

Вивиан отдернула руку, а затем ударила его по руке, когда он попытался снова. Она встала сама, затем, пошатываясь, вышла из комнаты. Кен последовал за ней, закрыв и заперев за ними дверь.

Его жена села на ступеньки, дыша так, словно только что пробежала марафон. Она вытерла рот тыльной стороной ладони, затем о ступеньку. Наконец посмотрела на Кена.

— Ты сказал, что задушил их.

— Я знаю.

— Ты солгал мне.

Кен кивнул. Он вдруг очень застеснялся своих рук. Спрятал их за спину и просто стоял там. Вивиан мучительно долго молчала.

— Мне нужно понять, — сказала она. — Скажи мне, что ты получаешь от этого.

— Я не уверен, что смогу объяснить.

— А ты попробуй.

Кен уставился в пол.

— Я не знаю.

— Ты не знаешь? Тебе сколько, семь лет?

— Я не знаю, как это сформулировать! Что, думаешь, я могу просто вкратце объяснить тебе, почему делаю это?

— Необязательно вкратце. Потрать столько времени, сколько тебе нужно. Я никуда не денусь.

— Я... я не могу. Это не будет иметь смысла.

Щеки Кена горели, по бокам стекал пот. Он принял все меры предосторожности, чтобы избежать этого разговора с Вивиан. А сейчас чувствовал тошноту и стыд. Мужчина снова подумал о том, чтобы убежать. Протискиваясь мимо нее, взбегая по лестнице и убегая так далеко, как только мог.

Позволит ли она ему уйти? Позвонит ли она в полицию?

Одно было ясно наверняка: он больше никогда не увидит Джареда. И мужчина скорее погибнет под градом полицейских выстрелов, чем потеряет своего сына. Он не покончил бы с собой, как тот придурок, который превратил Шарлин и Герти в героев, но не сдался бы без боя.

— Мы не выйдем из этого дома, пока не закончим этот разговор, — сказала Вивиан. — Мне все равно, сколько времени это займет. Так что ты можешь либо использовать взрослые слова и объяснить мне, почему держишь женщин в клетках, либо мы будем сидеть здесь, пока нас не поймают.

Кен предположил, что она блефовала. Если бы это было не так, то в худшем случае появился бы Даррелл, и Кен мог бы довольно легко избавиться от него. Тем не менее, легче от этого не становилось, так что он мог бы попытаться покончить с этим.

Он хотел придумать правдоподобную ложь, но не смог выдать ничего, что заставило бы

ее звучать менее безумно, чем правда.

— Мне жаль, что я сказал тебе, что задушил их, — сказал он, решив, что начать с извинений было хорошим первым шагом. — Мне не следовало врать. Правда в том, что я делаю это, потому что это так... потому что для них подобное еще хуже. Длиннее. Мне просто нравится наблюдать за ними, пока они медленно умирают. Мне нравится возвращаться каждый раз и видеть, насколько их тела истощились. Нравится, как это, должно быть, ужасно для них.

Теперь, когда он наконец сформулировал, это было легче, чем он ожидал.

Вивиан просто смотрела на него без всякого выражения.

— Удушение закончится через минуту. А здесь могут потребоваться недели, чтобы умереть с голоду.

— Ты вообще не даешь им никакой еды?

Кен покачал головой.

— Немного воды, но да, никакой еды.

— И ты ничего им не делаешь? Просто оставляешь их в клетках?

— Да.

— Хорошо. — Вивиан на мгновение замолчала. — Ты понимаешь, почему у меня с этим проблемы, верно?

— Да.

— Я понятия не имела, что ты такой садист. Это серьезно нарушенное поведение, Кен. Как ты вообще платишь за это место? Для клеток?

Кен решил, что с таким же успехом он может продолжать говорить правду.

— Помнишь тот раз, когда я пришел домой в ярости, потому что мне не повысили зарплату? Это была ложь. Мне сделали хорошую прибавку.

Вивиан глубоко вздохнула.

— Какую еще ложь ты скрываешь? Давай просто выложи все, что есть.

— Все. Я солгал о своем повышении и о том, как убивал этих женщинам, но этом все.

Вивиан не ответила. Она посидела там некоторое время. Кен не был уверен, ждала ли она, чтобы он заговорил, или пыталась придумать, что хотела сказать. Он просто стоял, обливаясь потом.

Она вытерла слезы и встала.

— Никогда больше не ври мне, — сказала она.

— Я не буду. Клянусь.

— Если ты это сделаешь, я брошу тебя.

— Знаю. Я покончил с ложью.

— Хорошо.

— Так что мы будем с этим делать? — спросил Кен. — Я сделаю все, что ты захочешь.

— Сколько там еще живых?

— Двое.

— Я хочу, чтобы ты убил их. Прямо сейчас.

— Ох-х-х.

— Ты только что сказал, что сделаешь все, что я захочу. Теперь ты говоришь, что не хочешь их убивать?

Кен покачал головой.

— Нет, нет.

— Ты согласен, что это правильно?

— Я думаю.

— Ты сказал мне, что убиваешь их быстро и хоронишь в неглубокой могиле. Вместо этого я обнаруживаю, что ты неделями держишь их запертыми в клетках в подвале и моришь голодом. Это чертовски большой риск для тебя, а значит, это и для меня. Прикончи их. Сейчас же.

— Как?

— Мне все равно, как. Задуши их, как ты сказал, что делаешь. Воткни им гребаный нож в голову. Это не имеет значения. Просто сделай это.

Кен действительно не хотел этого делать, особенно когда Оливия была так близка к тому, чтобы умереть в одиночестве, но он знал, что лучше не спорить.

— Я принесу нож сверху, — сказал он.

Он прошел мимо Вивиан и открыл верхнюю дверь. Судя по тому, как шли дела сегодня вечером, он не удивился бы, увидев Даррелла, ожидающего там, наверху, но в доме все еще было пусто. Мужчина пошел на кухню, неуверенный, есть ли там вообще какая-нибудь посуда. Он никогда не готовил еду в этом доме, хотя предполагал, что Даррелл ел здесь, по крайней мере, с одной из своих любовниц.

Открыл пару ящиков и нашел один с вилками, ложками и ножами. Он выбрал довольно хороший нож для стейков. Кен не стал бы использовать его для боя один на один, но предмет должен сработать против беспомощной девушки, запертой в клетке.

Закрыв ящик и прислонился к стойке. Он не мог поверить, как сильно все испортил. Должен был понять, насколько подозрительной становится Вивиан, и быть более осторожным. Черт возьми, каким бы идиотом он ни был, он сам заслуживал голодной смерти в одной из этих клеток.

Он спустился вниз, закрыв за собой дверь.

— Довольно маленький нож, — сказала она.

— Больше в доме нет.

Вивиан прикрыла нос и рот ладонями, пока Кен набирал код. Он чуть приоткрыл дверь, ожидая, когда до них донесется запах.

— Ты хочешь посмотреть или...?

— Я подожду здесь.

— Хорошо.

Кен вошел в комнату с клетками и закрыл за собой дверь.

***

Уоррен выглядел потрясенным и мрачным, когда вошел в комнату с ножом в руке.

— Послушай меня, — сказала Гerti. — Я знаю, как мы можем это решить.

Он проигнорировал ее и прошел мимо ее клетки.

— У меня есть деньги, — крикнула она ему вслед. — Я подписала соглашение о неразглашении, поэтому не могла рассказать тебе раньше, но я получила кучу денег за права на фильм по моей истории. Их будет достаточно, чтобы я исчезла. Могу купить новую личность. Уеду из страны, и ты больше никогда обо мне не услышишь.

Уоррен вернулся со стремянкой. Он поставил ее рядом с клеткой другой женщины, которая, казалось, все еще была жива, хоть и едва.

— Я знаю одного парня, — настаивала Герти. — Он может сделать так, чтобы это произошло прямо сейчас.

Уоррен пристально посмотрел на нее.

— Лучше ничего не могла придумать? Я даже не хожу в кино, но уже знаю, что у тебя еще не было бы денег.

— Так я ждала. Прямой депозит. Деньги будут у меня с минуты на минуту.

— Просто заткнись, хорошо? Не разговаривай со мной. Я избавляю тебя от страданий, так что ты должна быть благодарна мне.

Он поднялся на самый верх лестницы.

***

Оливии потребовалось мгновение, чтобы испугаться.

Ее глаза не могли полностью сфокусироваться, хотя она поняла, что у него был нож. Хоть она ничего так не хотела, как освободиться из этой тюрьмы, не была готова умереть. Девушка мечтала, чтобы ее спасли. Кто-то уже должен был ее спасти. Кто-то должен был вышибить дверь.

Девушке хотелось отодвинуть голову от лезвия, но она не могла заставить свою шею работать. Не могла вымолвить ни слова, чтобы умолять его остановиться.

Она ничего не чувствовала.

Неужели он уже начал убивать ее?

Затем ощутила острую боль в левом ухе. Он вонзил нож достаточно глубоко, чтобы причинить боль, чтобы заставить ее истекать кровью, но недостаточно, чтобы убить ее. Она не знала, намеренно ли он растягивал это, чтобы напугать ее, или колебался, потому что не хотел проходить через это.

Она надеялась, что он не убьет ее.

Даже если она умрет в этой клетке, не хотела этого сейчас.

Внезапно она почувствовала сильную боль. А потом ничего.

***

Герти закричала.

Немного крови капнуло на цементный пол — немного, — а затем Уоррен спустился по лестнице. Он подвинул ее к клетке Герти.

Она никак не могла отбиться от него. Но она, черт возьми, собиралась попытаться. Получить от него порез было бы гораздо лучшим выходом, чем просто позволить ему вонзить лезвие в ее мозг, но ей было все равно. Она собиралась сопротивляться этому засранцу, пока не освободится или пока не умрет.

Уоррен поднялся по лестнице.

— Убирайся к черту от меня, — сказала ему Герти.

— Не сопротивляйся. Тебе будет намного хуже, если ты будешь дергаться.

— Куда еще может быть хуже?

Она пнула ногой лестницу. Он вонзил нож в ее верхнюю часть бедра, глубоко погрузив металл в плоть. Герти вскрикнула от боли, потом снова вскрикнула, когда он выдернул нож. Он поднял окровавленный клинок.

— Не усложняй это, — сказал он, слюна вылетела у него изо рта.

Герти пнула лестницу другой ногой. Он вонзил лезвие в эту ногу, выдернул его, а затем снова ударил ее в то же самое место.

— Ты х*ли творишь? — спросил он. — Тебе повезло, что она появилась! Ты действительно хочешь пройти через ад на земле, от которого страдали другие женщины? Неужели ты настолько тупая?

Она услышала стук, когда капли ее крови упали на пол.

— Не убивай меня, пожалуйста, — сказала она ему.

Он воткнул нож сквозь прутья решетки. Тот пролетел мимо ее уха и оцарапал щеку. Герти схватила лезвие, но не смогла крепко ухватиться за него, когда он выдернул его, разрезав ее ладонь. Еще больше крови потекло на пол.

Дверь открылась.

— Кен! Подожди! — сказала женщина.

Как он ее назвал? Вив?

Это должен был быть момент, когда Уоррен — Кен — посмотрел на нее, и Герти воспользовалась его секундным отвлечением, чтобы столкнуть его с лестницы, где он разбил бы голову о цемент при падении. Но он не отвел от нее взгляда. Он просто спустился по лестнице.

Герти была слишком напугана, чтобы почувствовать облегчение.

Вив посмотрела на крошечную лужицу крови под клеткой недавно умершей женщины. Затем она посмотрела на Герти.

— Он изнасиловал тебя? — спросила она.

Герти не была уверена, каков правильный ответ, поэтому она сказала правду:

— Нет.

— Ты трахалась с ним?

Герти покачала головой.

Вив обратила свое внимание на Кена.

— Ты можешь оставить ее себе, — сказала она.

— Seriously?

— Да. Но я не позволю тебе сидеть здесь в окружении дерьма, мочи и блевотины. Это психически нездорово. Ты вымоешь пол, и я имею в виду, хорошенько, отбеливателем, а потом начнешь выносить трупы. Не все сразу, но я хочу, чтобы ты избавился от них в течение недели. Она может оставаться здесь, пока не умрет. Это устроит тебя?

Кен энергично закивал головой.

— Да. Да, да. Я согласен.

— Наверху есть чистящие средства?

— Да, в гараже, думаю, есть.

— Тогда сделай это прямо сейчас. Я подожду наверху. Больше не могу выносить этот запах.

Вив вышла из комнаты. Кен отодвинул стремянку на несколько футов от клетки Герти. Он не улыбался, но выглядел очень довольным.

Теперь, когда угроза неминуемой смерти миновала, Герти могла сосредоточиться на своих ранах. Боль в ногах была невыносимой, и кровь все еще текла. То же самое с ее ладонью. Она чувствовала, как несколько струек крови стекают по ее щеке. Если бы это случилось дома, она бы не беспокоилась, что умрет от потери крови до того, как ей окажут медицинскую помощь, но здесь, в клетке...

— Ты собираешься меня подлатать? — спросила она.

— Черт возьми, нет.

— Я не смогу умереть с голоду, если сначала истеку кровью.

Кен развел руки в стороны, выходя из комнаты.

Конечно, он бы не оставил ее вот так просто. Герти понятия не имела, сколько времени ей потребуется, чтобы истечь кровью, но, если он хотя бы не даст ей чего-нибудь, чтобы обмотать ноги, девушка не протянет и ночи.

Он вернулся через несколько минут со шваброй, ведром воды и большой пластиковой банкой отбеливателя. Окунул швабру в ведро и начал мыть пол.

Кену пришлось несколько раз менять воду для швабры, прежде чем он закончил с полом. Во время процесса он не сказал Герти ни слова. Затем вытер пол отбеливателем. Огляделся, явно довольный хорошо проделанной работой.

Он снова вышел из комнаты. Мгновение спустя он вернулся с Вив.

Женщина закрыла нос рукой.

— Я все еще чувствую запах гнили.

Кен кивнул.

— Да, отбеливатель не перебьет его полностью. Но он исчезнет после того, как я уберу отсюда трупы.

Вив указала на пол под клеткой Герти.

— Она скоро истечет кровью. У тебя тут есть какие-нибудь бинты, марля или что-нибудь еще?

— Маленькие бинты есть, но нет ничего достаточно большого для колотых ран.

— Если ты хочешь, чтобы она прожила подольше, то можешь съездить и купить что-нибудь. Или нет. Это зависит от тебя.

— Я ее подлатаю.

— Тебе лучше сделать это в ближайшее время.

— Здесь поблизости есть круглосуточный магазин «Уол-Март».

— Хорошо. Мне нужно выбраться отсюда.

Вив вышла из комнаты. Кен последовал за ней, закрыв за собой дверь.

***

— Спасибо, — сказал Кен, когда они поднимались по лестнице. — Мне так жаль, что я врал тебе. Я просто не думал, что ты поймешь.

— А я и не понимаю. Я принимаю это, но не понимаю этого.

— Это справедливо. Это совершенно справедливо. Я просто хочу сказать тебе спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Они прошли в главную часть дома. Кену стало интересно, бродила ли Вив где-нибудь поблизости. Если бы это было так, она бы увидела комнату Даррелла. Основываясь на том факте, что она не сказала «Что, черт возьми, все это значит?», он предположил, что жена не рыскала по дому.

— Ты ведь понимаешь, что это значит, верно? — спросила Вив.

— Что? — Я должна сама это сделать.

Глава 12

Шарлин стояла в душе, втирая шампунь с ароматом кокоса в волосы, и заново переживала момент, когда Ли нажал на спусковой курок.

В воспоминаниях его самоубийство выглядело более жестоко. Настоящий переулочек был темным. Она не видела, как пуля пробила его затылок. Но в ее сознании все было ярко освещено, как от люминесцентной лампы во время скачка напряжения. Она увидела кровь — много крови, больше, чем это возможно с медицинской точки зрения, — куски мозгового вещества, осколки черепа, все это летело по воздуху, как в 3D фильме с высоким разрешением в супер-замедленной съемке. Когда Ли ударился о землю, его голова разлетелась на части, как Тыква-Фонарь, оставленная на крыльце еще на неделю кем-то, кто не хотел отпускать Хэллоуин. Поток крови был бесконечен. И Ли все еще был жив. Он лежал на земле, корчась в луже крови, уставившись на нее испуганными глазами, которые вылезли из орбит.

Шарлин хотела бы, чтобы это был сон. Она хотела бы, чтобы только ее подсознание вызывало в воображении эти ужасные образы. Ей не нужно было это дерьмо, пока она бодрствовала, пытаясь насладиться расслабляющим горячим душем.

Она ополоснула волосы, в то время как Ли вцепился в свою искалеченную голову, стона в муках агонии.

Девушка вышла из душа и вытерлась полотенцем. После того инцидента все стало лучше, но у нее все еще были эти кошмарные моменты, когда она была одна.

Простое решение состояло в том, чтобы не оставаться одной. Ее родители с радостью бы приняли ее. Но она беспокоилась, что если уедет из своей квартиры на несколько дней, то кошмары вернутся вместе с ней. Лучше было встретиться со своими демонами сейчас.

На самом деле она не хотела никаких долгосрочных отношений с Меган, поэтому использовать ее в качестве эмоционального прикрытия казалось плохой идеей. Шарлин определенно не жалела о сексе, но это было сделано для того, чтобы выпустить пар, а не для того, чтобы не думать о случившемся.

Она бы с удовольствием позвонила Герти, просто чтобы немного поговорить, так как она лучше всех понимала, через что прошла Шарлин. Но прямо сейчас Герти трахалась. Она действительно не походила на человека, который пошел бы домой с кем-то, кого она только что встретила, особенно когда была в ресторане в рамках деловой встречи. Это было немного не в ее характере, но Шарлин знала Герти не очень хорошо и не расспрашивала ее о подробностях гетеросексуальной личной жизни. Насколько она знала, залезть Герти в штаны было до смешного просто. Она была молодой, здоровой женщиной, могла трахаться, с кем захотела бы. Это ее личное дело. И это не должно касаться Шарлин.

Она вдруг задалась вопросом, была ли сексуальная распущенность единственной причиной, по которой это было немного не так.

Шарлин подняла телефон и снова просмотрела текстовое сообщение.

ГЕРТИ: Нет! Он слишком старый. Но наш милый официант — нет :)

Официант.

Она никогда не слышала, чтобы Герти употребляла слова «официант» или «официантка». Она всегда говорила «сервер».

Это не обязательно означало, что Герти не могла использовать это слово в текстовом сообщении. Может быть, она хотела подчеркнуть его гендерность, когда писала сообщение своей подруге-лесбиянке.

Шарлин написала ей.

ШАРЛИН: Привет, мне здесь немного не по себе. Напишешь мне, как сможешь хорошо?

Она ждала. Но ответ так и не получила.

Девушка взяла с собой телефон, пошла на кухню и достала пакет попкорна из микроволновки. Когда она высыпала его в миску, ответ так и не пришел.

Ладно, если и было подходящее время для того, чтобы человек не проверял свои смски, то это было, тогда когда он занимался сексом. Даже если бы они занимались сексом по-собачьи, она могла бы удобно держать свой телефон, не прерывая половой акт, хоть возможно это и было бы немного грубо с ее стороны.

К черту все это. Она собиралась позвонить, даже если бы прерывала Герти и официанта в муках страстного занятия любовью.

Она попала прямо на голосовую почту.

Ничего подозрительного. Шарлин включила свой собственный телефон в режим «Не беспокоить», когда голова Меган была у нее между ног.

Она позвонила еще раз, на тот случай, если у Герти была установка, при которой будет допущен второй звонок с того же номера.

И снова голосовая почта.

Даже Шерлок Холмс мог бы предположить, что «официант» вместо «сервером» было немного натяжкой. Так что, опять же, в этом не было ничего подозрительного.

Но она не могла отрицать, что это было немного странно.

***

— Прошу прощения? — спросил Кен.

— Ты прекрасно слышал меня.

— Повтори.

— Я должна это сделать.

Кен почувствовал легкую тошноту. Не то тошнотворное ощущение, которое он испытал, когда Вивиан заставила его показать ей подвал, но, тем не менее, его снова затошнило.

— Я думал, ты завязала с этим еще до нашей встречи.

— Так и было. Но теперь я хочу заняться этим снова.

— Я не думаю, что это хорошая идея.

— И почему же?

— Тебя могут поймать.

Вивиан фыркнула от смеха.

— У тебя полный подвал мертвых девушек в клетках. А я просто хочу вспомнить былое, и у меня явно будет меньше риска быть пойманной, чем у тебя.

Кен покачал головой.

— А вот этого мне бы точно не хотелось.

— Тогда, может быть, тебе не стоило врать, какой ты ненормальный. Ты получишь своих девушек. Я получу своего мужчину. Справедливо же.

— Да, но...

— Но ты же не против двойных стандартов?

— Это другое.

— Объясни?

У Кена не было хорошего ответа на это.

— Я думал, что тебе это больше неинтересно.

— Совершенно, верно. Но теперь мне этого снова захотелось. Люди меняются. И иногда они не те, за кого себя выдают.

Черт возьми. Совсем недавно все было так хорошо.

— Разве ты не трахалась с ними перед тем, как убить? — спросил Кен.

— Трахалась.

— Это входит в часть нашей сделки?

— Я еще не решила.

— По-моему это очень важная часть.

— Господи Кен, у тебя восемь или девять мертвых женщин в подвале в клетках. Трахнуть парня, а потом зарезать его — это даже близко не так жестко.

— Так ты же сама не разрешила мне их трахать.

— Я бы не стала никого насиловать.

— Вообще-то и по обоюдному согласию ты мне не разрешала заниматься с ними сексом.

— Я помню.

— Значит, это у тебя двойные стандарты.

— Может быть, — согласилась Вивиан. — Но твои стандарты намного хуже.

— Я бы не сказал, что намного-то и хуже.

— Хуже, еще как.

— Знаешь что? нет. Я не разрешаю тебе этого делать.

— Ладно. Хорошо. Я не буду заниматься сексом. Заманю его обещанием секса, но заниматься им не буду.

— И как далеко ты собираешься зайти?

— Не знаю еще.

— Мне нужно знать.

— Позвольте мне кое-что прояснить, — сказала Вивиан. — Я не говорила, что хочу трахаться с ними. Я сказала, что всего лишь хочу убить кого-нибудь. А ты, между прочим, сильно предал мое доверие. Ты подверг риску всю нашу семью. Ты мог оставить Джареда без отца. Так что, если это означает, что теперь я сделаю что-то, что заставит тебя чувствовать себя неловко, что ж, тебе следовало подумать об этом, прежде чем воплощать в жизнь свои самые больные фантазии, не сказав мне.

— Значит... случайный парень?

— Может быть, и нет. Нам нужно поговорить с твоей новой игрушкой и выяснить, какие могут остаться концы. Она могла сказать своей подруге, куда собиралась сегодня вечером. И у кого-то, кто похож на нее, вероятно, есть парень. Мы уберем их со сцены до

того, как о ее пропаже сообщат копам.

— Что если вместо парня ты убьешь ее подругу? — спросил Кен.

— Зачем оно мне? Чтобы ты мог посмотреть и передернуть?

— Нет! Я просто подумал, что это был бы отличный вариант.

— Я не хочу убивать ее. Для меня это ничего не значит. Тебе еще повезло, что я не побежала с криками в полицию, так что не понимаю, почему ты ведешь себя как ребенок по этому поводу.

Все тело Кена напряглось.

— Ты угрожаешь пойти в полицию?

— Конечно, нет. Я бы никогда так не поступила ни с тобой, ни с Джаредом. И я бы тоже отсидела в тюрьме, потому что знала, что ты ответствен за исчезновения. Но это не значит, что в эмоциональном состоянии я бы не сделала что-то опрометчивое. Так что сейчас ты должен быть чертовски рад, настолько, что тебе должно быть все равно, если бы я пойдю в бар и начну проводить кастинг для групповухи.

— Ты сейчас серьезно говоришь?

— Я преувеличиваю. Но основная мысль остается прежней. Не понимаю, почему ты расстраиваешься из-за этой идеи, даже если я действительно потрахаюсь с другим парнем.

— Нам надо будет непременно это обсудить позже.

— Как скажешь. А теперь уже наконец съезди за антисептиком и бинтами.

— Ей, наверное, нужно наложить швы, — сказал Кен.

— Ты умеешь зашивать раны?

— Нет, не умею.

— Ты думаешь, она будет просто смиренно сидеть и позволит тебе зашивать ее, не попытавшись сбежать?

— Отдай мне должное. Я вырублю ее хлороформом.

— Хорошо, я приношу тебе свои извинения, — сказала Вивиан. — А теперь иди уже и купи все необходимое. А я пока вытяну из нее кое-какую информацию.

— Каким образом?

— Я буду убедительна.

— Серьезно, как ты собираешься ее разговорить?

— Лезвием ножа под ногтями как минимум.

— Господи.

— Это проверенный временем метод, заставляющий людей говорить информацию, которой они, возможно, не захотели бы делиться. Ты думаешь, она выдержит такую пытку?

— Тебе нужно быть осторожней на лестнице. Хотя знаешь, нет, я лучше спущу ее клетку. Дверь заперта на навесной замок. Она не выберется оттуда.

— Идеально.

***

Герти ничего не сказала, когда Кен и Вив вернулись. У нее начала кружиться голова, но она заставила себя оставаться начеку на случай, если представится возможность сбежать. Да. Вырваться из ее запертой стальной клетки, свисающей с потолка.

Кен прошел мимо нее. Вивиан осталась стоять в дверях, держа в руке тот же нож, которым раньше ее бил Кен. Она не вытерла кровь с лезвия.

Клетка медленно начала опускаться.

Они решили отпустить ее?

Нет, конечно, это было не так.

Герти вытянула ноги, чтобы их не раздавило под клеткой, когда та опустится на пол.

Кен вернулся в дверной проем.

— Позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится, — сказал он. — Я быстро.

Поцеловал Вивиан в щеку и ушел.

Вив стояла там около минуты. Затем она шагнула вперед и закрыла дверь.

— Как ты можешь выносить этот запах? — спросила она. — Я бы хотела, чтобы мы могли сделать это где-нибудь в другом месте, но тогда пришлось бы тебя выпустить из клетки, не так ли?

Она подошла к клетке, хотя и недостаточно близко, чтобы Герти могла схватить или пнуть ее.

— Я не собираюсь начинать с вопросов, — сказала она. — Я начну с того, что покажу тебе, что произойдет, если ты не ответишь на них. Таким образом, когда я спрошу, ты будешь знать последующее наказание за молчание. Так что дай мне пожалуйста свою руку.

— Нет.

— Ты в клетке, в которой тебе едва хватает места, чтобы дышать. Действительно думаешь, что я не смогу до тебя добраться? Когда я говорю «Дай мне, пожалуйста, свою руку», я имею в виду «дай мне свою руку, потому что это самый простой и наименее болезненный способ для тебя пройти через это». Чем сложнее ты сделаешь это для меня, тем больнее я сделаю это для тебя. И если мне придется воткнуть этот нож тебе в ухо, как это случилось с твоей подругой вон там, я сделаю это. У меня нет никаких причин, чтобы сохранять тебе жизнь.

Герти не видела ни какого выхода из этой ситуации. Она не могла вытянуть правую руку, но смогла вытащить ее из клетки.

Вив присела на корточки рядом с ней. Она схватила Герти за запястье.

— Разожми кулак, — сказала Вив.

— Пожалуйста, — взмолилась Герти, удивляясь, что она еще не рыдает. — Я отвечу на любые твои вопросы.

— Что? Правда, что ли? Так просто? Даже если это подвергнет твою подругу опасности? Ты продашь ее, чтобы избавить себя от небольшой боли?

— Ты не обязана этого делать.

— Я знаю. И полностью осознаю свои возможности прямо сейчас. Например, мой вариант перерезать тебе запястье, если ты не разожмешь кулак. Я почти уверена, что ты истечешь кровью, прежде чем мой муж вернется из аптеки.

Герти раскрыла ладонь.

Вив отпустила запястье Герти и схватила ее за мизинец. Она прижала кончик ножа под ногтем, затем воткнула его, совсем чуть-чуть. Герти вскрикнула, когда резкая боль пронзила всю ее руку, намного более сильная, чем она когда-либо чувствовала.

Вив медленно вытащила нож, боль сразу не утихла. Герти убрала руку обратно в клетку прижав ее к себе.

— Итак, сейчас у тебя был предварительный просмотр того, что произойдет, если ты не

будешь сотрудничать. Я собираюсь задать тебе несколько вопросов. Только не вздумай врать мне. Я узнаю, если ты солжешь.

— Так же, как ты знала, что твой муж врет тебе?

Лицо Вив потемнело и стало разъяренным. Герти было все равно. Женщина явно намеревалась ее помучить, так почему бы не разозлить ее? Она может совершить ошибку.

Затем гнев исчез, и Вив улыбнулась.

— Хорошая попытка. Засчитываю. Ты подловила меня. Я не могу этого отрицать, ты меня поймала, честно и справедливо. Но я хотела бы перейти к вопросам, если ты не возражаешь.

Герти ничего не ответила.

— Кто знает, где ты была сегодня вечером?

Телефона Герти не было, когда она пришла в сознание, так что Кен почти наверняка просмотрел его и, вероятно, видел ее текстовые сообщения. Было бы глупо лгать.

— Моя подруга Шарлин.

— Ах, вторая мисс героиня. И мисс Шарлин ждет от тебя сегодня звонка?

Теперь она собиралась солгать. Она посмотрела Вив прямо в глаза.

— Нет.

— Хм-м-м.

— Мы думали, что твой муж хотел взять у меня интервью для веб-сериала. Есть много подлых людей, притворяющихся продюсерами, поэтому я позвонила ей, чтобы сказать, что он не выглядел подонком. У меня не было причин писать или звонить ей после этого.

— Хорошо. У тебя есть парень?

— Нет.

— Почему?

— Я рассталась со своим бывшим три месяца назад и с тех пор ни с кем не встречалась.

— Хм-м-м.

— Это правда.

— Я не говорила, что не верю тебе. А как насчет Шарлин? У нее есть парень?

— Нет.

Вив выглядела не убежденной.

— Хочешь сказать что вы обе холостячки, да?

— Да.

— Давай сюда свою руку.

— Я говорю правду.

— Дай мне свою руку дрянь.

— Шарлин не интересуют мужчины. У нее никогда не будет парня.

— Вообще-то об этом надо было сказать сразу, когда я задала вопрос. Я подумаю над тем, почему ты утаила эту информацию. А теперь, пожалуйста, дай мне свою руку.

— Иди ты на х*й.

Вив улыбнулась.

— О, хорошо, если ты используешь при мне слово на букву «Х», у меня нет выбора, кроме как отступить, а? Я так напугана маленькой девочкой в клетке, что просто позволю ей решить, засовывать ли мне ей лезвие ножа под ногти или нет. Знаешь, это необязательно должно быть как в первый раз. Я могу воткнуть этот нож тебе по самую костяшку пальца. Ты хочешь, чтобы я так и сделала?

— Я не врала тебе.

— И я буду честна с тобой, когда скажу: мне по х*й. Давай сюда свою еб*нную руку.

Теперь она плакала. Герти высунула руку из клетки.

Вив не воткнула нож до самой костяшки безымянного пальца, но и не выдернула лезвие так быстро, как раньше. Герти потребовалось несколько мгновений, чтобы перестать кричать.

— Расскажи мне о мужчинах в твоей жизни, — попросила Вив. — Твой отец все еще жив?

— Да.

— Он живет близко?

— Нет.

— Кто-нибудь на работе? Привлекательный коллега? Босс?

— Иди к черту. Я ни за кем тебя не пошлю.

— Мне нравится твой настрой. Если бы я была лесбиянкой, как твоя подруга, это было бы по-настоящему возбуждающе. Ты понимаешь, что я могу очень легко найти эту информацию в интернете, не так ли? И мне не потребуется почти никаких усилий, чтобы выяснить, кто будет первым мужчиной, который будет скучать по тебе, когда ты не вернешься домой. Так почему бы не облегчить себе задачу и не рассказать мне?

— Отъеб*сь ты уже от меня.

— Я уверена, что в гараже видела плоскогубцы. Я могу ослабить твои ногти ножом, а затем оторвать их.

— Я же сказала тебе, отъебись.

— Хорошо. Если ты хочешь играть так, то я не против. Так ты все понял, да?

— Поняла что?

— Поняла, что на самом деле мне не нужны твои ответы. Как я уже сказала, могу найти все это в интернете. А затем нанести небольшой визит к тебе на работу. И с тех пор, как ты поняла, что мне не нужны твои ответы, ты должна осознать, что та часть допроса, которая мне нравится, — это та часть, где я увечу твои руки. Так что давай пропустим вопросы и ответы и перейдем сразу к пыткам.

***

Вивиан сидела на диване наверху, когда Кен вошел в дом.

— Она сказала тебе то, что ты хотела узнать? — спросил он.

Вивиан пожала плечами.

— Она сказала достаточно.

— Я купил немного антисептика, бинтов, марли и иголку с ниткой. Я зашью ее так хорошо, как смогу, если только ты не захочешь это сделать сама.

— Пожалуй, я пас.

Он спустился вниз и вошел в подвальную комнату. Герти подалась вперед в своей клетке, глаза ее были пусты. Если бы не вздымающаяся и опускающаяся грудь, он бы подумал, что она мертва. Когда Кен подошел к клетке, он увидел, что кончики всех десяти ее пальцев были в крови.

Вау. Эта сука, должно быть, серьезно отказывалась говорить.

Кен налил немного хлороформа на тряпку, затем просунул руку через решетку и прижал ее к лицу Герти. Казалось, это не имело значения, но он точно не собирался позволить ей сбежать из-за чего-то вроде притворной кататонии.

***

Зашивание ее колотых ран прошло ужасно. Порезы представляли собой мешанину нитей, но они, казалось, держались достаточно хорошо, чтобы не дать ранам слишком сильно кровоточить. Кен не питал иллюзий, что она проживет достаточно долго, чтобы умереть с голоду, но до тех пор, пока раны не заразятся — а они могут заразиться, потому что, как только он поднимет клетку, он не опустит ее снова — она, вероятно, проживет еще пару дней.

Он закрыл дверь, ввел код доступа и вернулся наверх.

Вивиан все еще сидела на диване.

— Как у нее дела? — спросила она.

— Не очень. Довольно ужасно то, что ты сделала с ее пальцами.

— Ей повезло, что мне было лень идти за плоскогубцами.

— Ну, она же рассказала тебе, что ты хотела узнать?

— Да, я знаю свой следующий шаг.

— И это...?

— Там твои игрушки в спальне?

— Нет, — сказал Кен. — Не мои. И это правда. Они моего друга Даррелла. Он платит большую часть арендной платы за это место.

— Мне нужно проверить ДНК на них, чтобы быть уверенной?

— Я не вру.

— Знаю. Я просто издеваюсь над тобой, милый. Даррелл не будет возражать, если мы позаимствуем некоторые из них?

— Думаю, нет.

— А если все-таки да?

— Не будет, мы же их вымоем. — Тогда пойдем.

Глава 13

Кен сидел за своим рабочим столом, немного обиженный, но чувствуя себя хорошо. Ему было очень больно, когда прошлой ночью он вывез машину Герти со стоянки и избавился от нее.

Вивиан взяла отгул на работе по состоянию здоровья, чтобы отправиться на разведку. Она обещала ему, что та будет только для получения информации. И они вместе обсудят следующий шаг.

***

Трэвис сидел в своем любимом кафе, играя в игру в телефоне и потягивая эспрессо. По утрам здесь было намного больше народу, чем когда он обычно приходил сюда, но он хотел сделать кое-какие дела, прежде чем открывать ресторан. По крайней мере, он смог найти столик. Он проснулся от электронного письма адвоката женщины, на которую Шарлин вывалила лазанью. В нем говорилось, что она подает в суд на возмещение морального ущерба, но мужчина решил побеспокоиться об этом после того, как получил хорошую большую дозу кофеина в свой организм.

Женщина, которую он не узнал, села напротив него.

— Привет, — сказала она, улыбаясь. — Помнишь меня?

— Эм-м-м...

— Конечно же, ты еще не забыл меня.

— Вы обознались, — сказал он. — Если бы мы где-то пересеклись, обещаю, запомнил бы кого-то вроде вас.

Она наклонилась через стол.

— Ты что флиртуешь со мной?

— Просто говорю правду.

Дело было не только в ее внешности, а женщина определенно была привлекательна. У Трэвиса была хорошая память на лица, даже если это был бариста или кассир продуктового магазина, и, если бы у них было что-то большее, чем мимолетная встреча, он бы ее запомнил. Она определенно обозналась, что немного разочаровывало. Его отношения с Рене никуда не делись, но она избегала его в течение последних нескольких дней, так что сейчас он был очень даже доступен.

— Я заметила, что у тебя нет обручального кольца, — сказала она.

— Верно. Нехорошо носить его, когда не женат.

— Подружка?

— Считается, если она не отвечает на твои сообщения с прошлых выходных?

— Нет. Думаю, нет.

— Тогда нет.

Женщина подняла левую руку.

— Что ты здесь видишь?

— Отпечаток обручального кольца.

— Я сняла его сегодня утром. Я свободна, свободна, свободна. И так, теперь правда, мы никогда раньше не встречались. Это был просто способ для меня сесть за твой столик без того, чтобы ты меня сразу прогнал. Ты, безусловно, самый привлекательный парень в этом кафе.

— Спасибо, — сказал Трэвис. — Я польщен.

— Я Вероника.

— Трэвис.

— Никогда бы не совершила прелюбодеяния. Никогда. Даже если бы он изменил мне первым — что он и сделал — и даже когда потребовался год, чтобы наш развод стал официальным. И это был очень долгий и одинокий год. Я считала дни до суда и угадай, когда он был?

— Сегодня?

— Прямо этим утром. А теперь не пойми меня неправильно. Я не собираюсь прыгать на члене каждого горячего парня, которого встречу. Но я могу отпраздновать развод с одним из них, верно? Разве это не звучит заманчиво?

— Это звучит более чем заманчиво.

— Какие у тебя планы на сегодня?

— Ничего такого, что я не мог бы отменить.

— Тебе обязательно идти на работу?

— Не в ближайшие пару часов.

— Что, если бы я хотела больше, чем пару часов твоего времени?

— Я менеджер. Скажу одному из своих сотрудников, что опоздаю.

— Думаю тебе стоит это сделать прямо сейчас.

Трэвис быстро отправил сообщение Марко, главному повару. Марко ответил сразу же, сказав, что это не проблема.

— У меня все готово, — сказал он.

— Это было легко.

— Хорошо когда ты босс.

— Хочешь убраться отсюда или сначала хочешь допить свой кофе?

— Оно же в стакане на вынос. Я кстати живу не так далеко отсюда, и у меня нет соседей.

— Дом или квартира?

— Квартира

— Поехали ко мне домой. Как я уже сказала, прошло очень много времени. И я рассчитываю пошуметь.

***

Трэвис лежал голый на спине, положив руки на фантастическую грудь Вероники. Она не шутила насчет шума. Она скакала на нем так, словно пыталась втрахать его в матрас. У него было несколько следов укусов на груди и плечах, и он не думал, что они исчезнут в скором времени.

Ничего подобного с ним раньше не случалось. Происходящее было похоже на что-то из

порнофильма. Обычно Трэвис мастурбировал по несколько раз за день — хотя никогда не занимался этим грязным делом на работе, — так что происходящее заняло бы почетное место в памяти, когда пришло бы время до воспоминаний.

Он проделал огромную работу, проявив выносливость. Как только они начали снимать друг с друга одежду, мужчины немного занервничал из-за происходящего, потому что Вероника была возбуждена и агрессивна. У него вроде как возникло ощущение, что, если он кончит до того, как женщина будет удовлетворена, она может отрезать ему член. Но держаться подальше от края пропасти не было проблемой, и, если она не притворялась, уже кончала несколько раз.

Она наклонилась и поцеловала его в губы.

— У меня ногу судорогой свело, — сказала она ему.

— Хочешь, чтобы я кончил?

— Да, давай.

Это фраза была всем, в чем он нуждался. Через несколько секунд он кончил с громким стоном. Вероника слезла с него и встала с кровати.

— Я сейчас вернусь, — сказала она. — Принесу нам чего-нибудь выпить. Ты можешь ополоснуться перед вторым раундом.

***

Вивиан не чувствовала себя виноватой из-за секса с Трэвисом. Она наслаждалась каждой его секундой. Он был крупнее Кена, его пенис не был кривым, и он был более внимателен, хотя последнюю часть можно было объяснить тем, что мужчина впервые увидел ее обнаженной. Так что по показателю «обманывать супруга» Кен все еще был далеко впереди.

Она вошла на кухню. Нож для резки стейков был безусловно хорош для того, чтобы втискиваться под ногти, но для этого дела она хотела использовать классическое орудие убийства: мясницкий нож. Она принесла свой собственный.

Это был тот самый нож, который она использовала на своих трех предыдущих жертвах, прежде чем решила завязать с серийными убийствами. Если бы их тела когда-нибудь были найдены, она, возможно, подумала бы об использовании другого оружия, но поскольку их тела так и не нашли, она решила почему бы не использовать то, что хорошо чувствовалось в ее руке?

Она услышала, как в ванной льется вода. Вивиан быстро прошла в спальню и спрятала нож под подушку. Затем она вернулась на кухню и открыла холодильник, не уверенная, найдет ли она там хоть что-нибудь. Упаковка из шести банок пива с четырьмя оставшимися банками и пара бутылок воды. Она взяла одну из бутылок с водой и вернулась в спальню.

***

Вероника растянулась на кровати, когда Трэвис вернулся, при этом она выглядела так,

словно уже была готова ко второму раунду. Он надеялся, что девушка не думала, будто он перезарядиться так быстро.

Она села и бросила ему бутылку воды.

— Ты выглядишь обезвоженным.

— Я бы так не сказал, но от воды не откажусь.

Он отвинтил крышку и выпил половину содержимого бутылки, затем поставил ее на тумбочку.

Она похлопала по кровати рядом с собой.

— Давай. Ты обязан прижать меня к себе.

— Это я могу сделать.

Парень забрался на кровать, когда Вероника перевернулась на бок.

— Я хочу обнять тебя, — сказала она.

— Вообще-то это я должен хотеть обнимать тебя.

— Это мой праздник по случаю развода, так что давай я буду решать кто кого будет хотеть обнимать. Я хочу провести пальцами по твоим кубикам пресса.

— Да, они где-то там есть под этим слоем жира.

Трэвис перекатился на бок, и Вероника прижалась к нему. Она нежно провела пальцами по его груди, мимо пупка и вниз к пенису.

— Тебе придется дать мне еще немного времени на восстановление.

— Я пока не просила тебя использовать его снова, — сказала она, поглаживая его пенис. — Просто наслаждаюсь моментом.

— Надеюсь, я пока оправдываю твои ожидания.

— Уверяю тебя, я не жду, что ты киборг.

Они лежали так пару минут. Это было мило. Ему нравилось чувствовать ее грудь у себя на спине и губы, нежно целующие его плечо. Это было усыпляюще.

Вероника пошевелилась, поправляя подушку.

— Перевернись на живот, — сказала она ему.

— Зачем?

— Чтобы я могла сделать тебе массаж спины.

— Только ничего не засовывай мне в задницу.

— Только не на нашем первом свидании.

Трэвис рассмеялся и подчинился.

Она провела руками по его спине. Он вздрогнул.

— Что-то не так?

— Щекотно.

— О, прости.

Она еще немного провела по нему руками. Затем она на некоторое время переключилась на одну руку.

Это было здорово, но Трэвис немного беспокоился о том, что она собиралась делать со второй рукой. Он полагал, что она его как-нибудь предупредит.

— Тебя бы все еще тянуло ко мне, если бы я сделала что-то плохое? — спросила Вероника.

— Например, что? — поинтересовался Трэвис, слегка сжимая ягодицы.

— Например, если бы я ударила тебя в спину ножом.

— Прошу прощения?

— Это значит «нет»?

Трэвис повернул голову, чтобы посмотреть на нее.

— Я понимаю, что ты шутишь, но все равно это довольно...

Она прижала подушку к его лицу, а затем глубоко вонзила нож ему в спину.

***

Вивиан вонзала нож в его плоть снова и снова. Повсюду была кровь. Она не могла позволить ему кричать слишком громко, так как звуконепроницаемым был только подвал, поэтому она несколько раз ударила его ножом в затылок. После этого он все еще немного сопротивлялся, но издавал только булькающие звуки.

Она перевернула его на спину и перерезала ему горло.

Невольно издала смешок.

Ударил его ножом еще несколько раз.

Она вытерла немного его крови о свою грудь. Позже она будет липкой и неприятной, но сейчас она была теплой и гладкой, как шоколадный сироп.

Трэвис больше не двигался. Это не означало, что ей нужно было прекращать колоть его.

Но она колола его до тех пор, пока у нее не заболела рука. Затем она залпом допила остатки его бутылки с водой и некоторое время лежала, переводя дыхание. Она провела пальцами по его мокрым волосам. Он казался хорошим парнем и, безусловно, был хорошим любовником, но, эй, жесткое дерьмо случается.

Она перевернула его, задача усложнилась, потому что ее руки заскользили, а затем она ударила его еще раз.

Это должно было занять некоторое время, чтобы привести себя в порядок. Ей следовало быть более осторожной. Трахнуть его, а потом затащить в подвал.

Но это было не в ее стиле.

В любом случае, в этот момент беспорядок не мог стать намного хуже, поэтому она продолжала колоть его, пока ее рука просто не перестала двигаться. Ее левая рука не устала, но колоть ей было неудобно и потому неудовлетворительно.

Она оставила мясницкий нож воткнутым ему в спину и соскользнула с кровати. Вошла в ванную и уставилась на себя в зеркало. Вивиан понравилось то, что она увидела. Она хорошо выглядела в крови. Улыбнулась своему отражению. Моргнула окровавленными веками.

Через пару минут она вернулась в спальню. С нее капало на ковер, но она же не собиралась бродить по всему дому. Пока она помнила дорогу, по которой ходила, она не пропустит ни одного пятнышка крови на полу.

Боже, как она скучала по этому.

Вивиан забралась обратно на кровать к телу Трэвиса. Она не зашла так далеко, чтобы обнять его и прижаться, но лежала рядом с ним, наслаждаясь мягкой влажностью простыней под ней. Не спешила уходить. Скоро ей придется начать уборку — впереди было много работы, если она хотела закончить до того, как Кен вернется с работы, — но сейчас просто хотела погреться в лучах заката.

Она испуганно села. Не заснула, но потеряла счет времени. Кровь больше не была теплой.

Кто-то вошел в парадную дверь. Больше, чем один человек. Мужчина и женщина. Они смеялись, так что это были не копы. Должно быть, это был извращенный приятель Кена. Даррелл?

Ну, она точно не могла убрать эту забрызганную кровью комнату до того, как они ее увидят, или даже одеться. Ей придется воспользоваться тем фактом, что вид полностью обнаженной женщины, залитой кровью, будет несколько отвлекать.

Женщина взяла мясницкий нож и соскользнула с кровати.

— Помогите мне, — сказала она достаточно громко, чтобы ее услышали, но не кричала.

Хотела, чтобы они думали, что она ранена, что она слаба. Она убрала руку с ножом за спину и выпятила окровавленную грудь.

— Какого черта? — сказал мужчина, вероятно, Даррелл.

Она услышала его шаги, когда он торопливо направился в спальню.

Он шагнул в дверной проем и уставился на кровавое зрелище.

Даррелл определенно не был Кристианом Греем. Возможно, у него и были лишние деньги, но он был гротескным представителем мужского пола, толстым и румяным. Она не могла себе представить, что это за женщина, которая по доброй воле испачкает себя его выделениями.

Кровь, изуродованный труп и ее обнаженное тело, казалось, вызвали у него сенсорную перегрузку. Через несколько секунд он мог бы задаться вопросом, почему ее рука была спрятана за спиной, но она не дала ему этих нескольких секунд, чтобы подумать об этом. Она вонзила нож ему в горло, затем вывернула его влево, разорвав половину его шеи. Вивиан протиснулась мимо него, прежде чем его тело начало падать.

Испуганная женщина в коридоре была слишком молода и хороша, чтобы быть с таким отталкивающим мужчиной, как Даррелл, если только не происходило что-то вроде сладкого папочки. Или, может быть, она была проституткой. Так что, хотя она явно не заслуживала смерти, Вивиан не слишком ее жалела.

Вивиан не думала, что сможет добраться до нее до того, как она закричит один раз, но она определенно могла удержать ее от второго крика.

Удивительно, но женщина не закричала. Она ахнула и развернулась, чтобы убежать.

Она не ушла далеко. Вивиан ударила ее ножом в спину, а затем толкнула на пол. Женщина тяжело приземлилась прямо на лицо. Если бы пол не был покрыт ковром, она, возможно, сломала бы себе челюсть.

Вивиан забралась на нее сверху, а затем ударила ее ножом в затылок, снова и снова, пока та не перестала двигаться. Это не заняло много времени.

Женщина вернулась в спальню, чтобы убедиться, что Даррелл мертв, и да он сгинул, как она и рассчитывала.

Вивиан села на кровать и издала счастливый, удовлетворенный вздох. Ей определенно не следовало этого делать. Теперь ей предстояло убрать множество следов крови и многое объяснить Кену. Сожаление поразит ее — так было всегда в далеком прошлом, — но сейчас она собиралась насладиться еще несколькими минутами блаженства.

Привет, Уоррен!

Я подумала и решила, что глупо было бы упускать такую возможность. У меня есть проблемы, и мне тяжело справиться с тем, что произошло, но, возможно, именно поэтому я должна рассказать свою историю. (Да, и помогает то, что Герти написала мне из ресторана, что ты хороший парень!)

Если ты еще не перешел к другому «герою», я бы с удовольствием встретила с тобой, чтобы обсудить твою идею. Любое время сегодня отлично подходит мне! Просто дай мне знать. Спасибо!

Шарлин.

***

Кен проверил, чтобы убедиться, что никто не ходит рядом с его кабинкой, затем прочитал электронное письмо на своем телефоне. Это почти определенно была ловушка. Ни за что на свете он не стал бы встречаться с ней, но если бы он выбрал общественное место и заставил ее ждать, он мог бы понаблюдать и выяснить, работает ли она с копами или делает это самостоятельно.

Он не хотел, чтобы встреча произошла слишком рано. Его неявка могла подтвердить то, что она (и полицейские?) вероятно, уже подозревали. Он растянет это до завтра.

Привет, Шарлин, здорово получить от тебя весточку, и я рад, что ты передумала! К сожалению, сегодня у меня времени нет, но я могу встретиться с тобой завтра утром. Как насчет завтрака?

***

— Он хочет позвать меня позавтракать, — сказала Шарлин.

После беспокойного ночного сна она решила, что у нее не было паранойи, и пошла в полицию. Герти было больше восемнадцати, и она не выходила на связь более двадцати четырех часов, но, учитывая обстоятельства, полиция была более чем готова объявить ее пропавшей без вести.

Они уже провели предварительный допрос всех сотрудников «Пещеры моллюска», которые работали прошлой ночью. На смене были только два официанта-мужчины, и ни один из них не признался, что забирал Герти домой. Оставалось проверить только их алиби, но любой сценарий, связанный с тем, что Герти соблазнила официанта, который оказался ответственным за пропажу ее двоюродной сестры, был ничтожный.

Полиция также допросила других ее друзей и семью, чтобы выяснить, видел ли ее кто-нибудь с тех пор, как она вышла из ресторана. Но очевидным подозреваемым был Уоррен,

дружелюбный продюсер веб-сериала. Их официант помнил Герти и парня, с которым она была — очки, большая борода, пластырь на шее — но он не заметил ничего необычного в их общении. Она полагала, что они вышли из ресторана в одно и то же время, но не обратила на это особого внимания. На парковке не было камер видеонаблюдения.

Шарлин не задавала Уоррену никаких вопросов о Герти. Они не хотели давать ему понять, что подозревают что-то неладное. Были некоторые споры о том, отправлять ему электронное письмо или нет, но они решили, что возможность его появления на встрече стоила риска вызвать у него подозрения.

Брэдли Лугенс подошел, чтобы взглянуть на экран ее ноутбука. Шарлин хотела бы оказаться в комнате, полной агентов ФБР, яростно работающих, чтобы отследить каждую зацепку, но в конференц-зале полицейского участка были только она и детектив Лугенс.

— Должна ли я настаивать о встрече пораньше? — спросила Шарлин.

— Нет, — сказал Лугенс. — Ты была довольно непреклонна, что тебе это неинтересно. Если ты зайдешь слишком далеко в другом направлении, он поймет, что что-то не так. Просто скажи «да». Пусть он предложит время и место встречи.

Завтрак звучит здорово. Напиши мне время и место, и я буду там! Спасибо!

После того, как Лугенс одобрил ее сообщение, она отправила его.

— Ты сказала, что должна быть на работе в десять сорок пять? — спросил Лугенс.

— Да. Мой босс даст мне выходной, если мне это понадобится.

— Нет, придерживайся своего обычного графика, насколько это возможно. Не выходи из ресторана. Тебе нужно выносить мусор на улицу?

Шарлин покачала головой.

— Посудомойщики выносят мусор в контейнеры.

— Хорошо. И не выходи на перекуры на улицу.

— Я не курю.

— Идеально. Сегодня тебе не понадобятся ни свежий воздух, ни солнечный свет. Я высажу тебя и заберу. Мы оценим, как обстоят дела сегодня вечером, но, с твоего разрешения, сегодня вечером у тебя на диване может завалиться полицейский.

— Это было бы замечательно. Благодарю вас.

— Я хотел бы, чтобы мы могли сделать больше, — сказал Лугенс. — К сожалению, у нас нет ресурсов, чтобы снабдить вас постоянной защитой, но мы обеспечим вашу безопасность, я обещаю.

***

Лугенс отвез ее на работу в машине без опознавательных знаков, еще раз напомнил ей, чтобы она не выходила из ресторана ни по какой причине, и сказал, чтобы она позвонила ему, когда закончит свою смену.

Во время поездки она совершила ошибку, спросив его, думал ли он, что Герти все еще была жива. Детектив спросил, хотела ли она, чтобы он был полностью честен с ней. Она поколебалась, подумав, что было бы неплохо пожить в мире фантазий еще немного.

— Да.

— Все еще есть хороший шанс, что она действительно добровольно пошла с кем-то домой, — сказал он. — Может быть, с женатым официантом. Или с кем-то, о ком она не хотела тебе говорить. Это был бы идеальный сценарий. Но если эти исчезновения действительно дело рук одного парня, и у него твоя подруга... что ж, тогда это не очень хорошо для нее.

Шарлин вошла внутрь и нажала на кнопку. Ресторан открывался через пятнадцать минут, так что сейчас все просто занимались приготовительной работой. Она подошла к столу шеф-повара, где Марко был занят нарезанием кубиками зеленого перца.

— Где Трэвис? — спросила она.

— Сказал задержится. Сказал у него какое-то неотложное дело.

— Он задержится, потому что у него какое-то неотложное дело?

— Так он сказал.

— Это на него не похоже. Он сказал, что это за дело?

— Нет, — сказал Марко. — Да я и не спрашивал. Нет у меня привычки допрашивать босса.

— Хорошо, спасибо.

Шарлин вернулась в комнату для персонала, достала свой мобильный телефон и позвонила Трэвису. Она попала сразу на голосовую почту.

Она набрала наговорила ему сообщение.

ШАРЛИН: Эй, позвони мне как можно скорее, хорошо? Герти пропала без вести.

Нет, стоп. Шарлин, вероятно, сильно преувеличивала масштабы проблемы, но если Трэвис был в опасности, у преступника мог быть доступ к его телефону. Она удалила сообщение и перепечатала его.

ШАРЛИН: Эй, позвони мне, когда у тебя будет возможность. Возможно, завтра я смогу выйти на работу только поздно вечером.

Она отправила его, надеясь, что последует немедленный ответ, и тогда она сможет позвонить ему, чтобы услышать его голос.

Ответа не было.

Пока причин для волнения не было, но она решила лучше позвонить Лугенсу, чтобы рассказать ему.

***

День был невыносимый. Шарлин хотела сделать что-нибудь, чтобы помочь, но не было ничего, что она могла бы сделать самостоятельно, что не подвергло бы Герти (и Трэвиса?) еще большему риску. Она ни за что не стала бы игнорировать приказ Лугенса оставаться в ресторане. Это было бы глупо. Это означало, что все, что она могла сделать, — это обслуживать столики и беспомощно надеяться, что Герти или Трэвис ответят ей на ее

сообщения.

Ни один из них не ответил.

Она попыталась придумать какую-нибудь подсказку, которую могла упустить, но ситуация казалась довольно простой: Герти пошла на ужин с «Уорреном», и он похитил ее. Загадка заключалась в том, была ли она еще жива.

Шарлин верила, что она еще жива. Она также полагала, что, возможно, накручивает себя.

Хоть она ни на кого не вывалила лазанью, она не обеспечивала очень хорошее обслуживание клиентов в течение первых нескольких часов своей смены, и ее чаевые соответственно пострадали. Ей также пришлось зайти в морозильную камеру, закрыть дверь, прижать фартук ко рту и приглушить разочарованный крик.

***

Все тело невыносимо болело.

Конечно, сильнее всего болели пальцы Герти, за которыми следовали ее исколотые ноги. Остальная часть ее тела была в агонии от того, что в клетке было так мало места для движений. Она не могла себе представить, на что это было бы похоже, если бы она не была такой худой. К тому же у нее раскалывалась голова и болел живот.

Однако она не была готова умереть.

Ее тело было в ужасной форме, но в ней еще оставалось много борьбы. Если бы Кен или Вивиан подошли слишком близко и на секунду ослабили бдительность, она бы оторвала им лицо зубами. Она не собиралась умирать в этой чертовой клетке.

Хотя она не знала, как избежать смерти в данном положении.

Раскачивание не сработало. Она надеялась, что в конце концов клетка оторвется от потолка, но этого так и не произошло, и в конце концов она была слишком измучена, чтобы продолжать. Подпрыгивание в клетке — не то чтобы у нее было много места для этого — тоже не сработало. Ее клетка была сделана на совесть.

Какое-то время она звала на помощь, но, конечно, никто не пришел, к ней на помощь, у нее только разболелось горло.

Поскольку крики и раскачивания не сработали, это оставляло ей возможность сбежать только как... никак.

Никак, если конечно только Кен или Вивиан не обнаружат доброту в своих сердцах.

Или подойдут слишком близко.

***

Машины Вивиан не было на подъездной дорожке, когда Кен вернулся домой. Он вошел внутрь и поднялся наверх, в комнату Джаред. Его сын, играл в видео игру.

— Где мама? — спросил Кен.

Джаред пожал плечами.

— Не хочешь сделать паузу и поговорить со мной?

Сын поставил игру на паузу.

— Я же сказал, что не знаю, где она.

— Она тебе что, не писала и не звонила?

— Она оставила записку на столе.

— И что в ней написано?

— Ой, что-то вроде «Вышла. Скоро вернусь».

— А сразу нельзя было сказать вместо того, чтобы притворяться, будто не понимаешь, о чем я говорю?

— Ты же спросил, знаю ли я, где она, — сказал Джаред.

Кен решил, что продолжение этого разговора приведет к психическому заболеванию. Его очень интересовало местонахождение Вивиан, поэтому он не был уверен, хочет ли он тратить время, указывая на слабый запах марихуаны в комнате сына или нет. Но он не хотел, чтобы Джаред думал, что он ничего не замечает.

— Ты можешь хотя бы попытаться скрыть запах травки вместо того, чтобы предполагать, что я его не почувствую?

— Я не курил травку, — сказал Джаред. — Я говорю «нет» наркотикам.

— Хорошо, умник, тогда почему в твоей комнате пахнет травой?

Джаред пожал плечами.

— Позволь мне ответить на этот вопрос за тебя. Пахнет травой, потому что ты курил косяк здесь до того, как я вернулся домой, а потом ты плохо справился с тем, чтобы избавиться от запаха, потому что ты либо ленив, либо решил, что мне будет насрать.

— Если я курил травку, то почему я не под кайфом?

— Откуда мне знать, что ты сейчас не под кайфом? Думаешь, что ты такой блестящий собеседник, что не можешь быть под кайфом и не спалиться?

— Попроси меня посчитать в обратном порядке или что-то в этом роде.

Кен вздохнул и вышел из комнаты. Он обещет его комнату позже. Ему не хотелось признаваться в подобном своему собственному отпрыску, но Джаред, вероятно, был настолько туп, что оставит улики в своей комнате даже после этого разговора.

Он спустился вниз и написал Вивиан, чтобы спросить, где она. Она написала в ответ и сказала, что была дома.

КЕН: Нет, это не так. Я сейчас дома.

ВИВИАН: Ты знаешь, какой дом я имею в виду.

Какого черта она была в том доме? Кен выругался себе под нос и крикнул Джареду:

— Эй, я уеду на некоторое время! Ужинать будешь один!

— Оставишь денег на пиццу? — крикнул Джаред вниз.

— Нет. В холодильнике есть еда.

Джаред ничего не сказал, по крайней мере, Кен не мог его услышать. Кен вышел из дома и вернулся к своей машине. Заводя двигатель, он позвонил Вивиан.

— Привет, — тихо сказала она.

— Почему ты там?

— Нам лучше поговорить лично.

Ее голос звучал монотонно.

— Дай мне подсказку.

Мгновение тишины.

— Нам лучше не говорить об этом по телефону.

— Это расстроит меня?

— Ты напрасно тратишь время. Просто езжай сюда.

— Нет, я не трачу время впустую. Разговор не заставит машину ехать медленнее. Я бы хотел иметь хоть какое-то представление, что происходит.

Она положила трубку.

Кен не перезвонил ей. Если жена решила, что не собирается ничего объяснять по телефону, никакие крики на нее не заставили бы ее передумать. Он узнает, что случилось, когда доберется туда. Кен не думал, что обязательно должно быть все плохо. Может быть, он приедет и найдет Шарлин в гостиной, завернутую в подарочную бумагу и готовую к тому, чтобы ее посадили в клетку.

Он пытался сосредоточиться на этой возможности, пока вел машину, а не на том, что она сделала что-то ужасное.

Он прибыл в дом двадцать минут спустя. Вивиан сидела на диване, сложив руки на коленях, ее лицо ничего не выражало. Это определенно не был сценарий «Эй, у меня есть для тебя подарок!». Он закрыл входную дверь и подождал, пока она заговорит. Когда мужчина понял, что она не собирается говорить первой, то спросил ее, что происходит.

Вивиан похлопала по диванной подушке рядом с собой. Кен сел.

— Ты пугаешь меня, — сказал он.

Вивиан глубоко вздохнула.

— Я сделала то, о чем сожалею.

— Я вроде как уже и сам догадался об этом. Что ты сделала?

— Ты должен пообещать мне, что не будешь злиться.

— Нет.

— Это не так плохо, как то, что делаешь ты.

— Ради всего святого, Вивиан, просто скажи мне, что ты сделала! Ты убила Герти?

Вивиан отрицательно покачала головой.

— Тогда говори же! Выкладывай! Ты сводишь меня с ума!

— Теперь я не уверена, что ты спокойно отреагируешь.

Кен встал и подавил желание ударить диван ногой. Он вылетел из гостиной и направился в коридор. Он ввел две цифры кода, чтобы открыть дверь подвала, прежде чем заметил запах аммиака. Ковер был влажным.

Он вошел в спальню Даррелла. Запах чистящих средств здесь был еще гуще. В дополнение к влажному ковру, с кровати были полностью сняты простыни и одеяла, а сам матрас был мокрым, как будто его вымыли.

Все больше и больше отдалялось от «жертвы в подарочной упаковке».

Он вернулся в гостиную.

— Хорошо, — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно, — я клянусь, что не буду злиться. Просто скажи мне, что ты сделала. Мы пройдем через это вместе. — Ты знаешь девушку, за которой охотишься? Ту, про которую говорили в новостях? Ту, чья подруга в подвале?

— Да, я понял, о ком ты говоришь. Ее зовут Шарлин. Ты убила ее?

— Нет. Я убила ее босса.

— Как?

— Я привела его сюда и зарезал.

— Ты занималась с ним сексом?

— Нет. Конечно, нет.

Лицо Кена словно горело огнем. Ему хотелось подойти к ней и выбить из нее все дерьмо, хотя, конечно, он никогда бы не поднял на нее руку. Мужчина попытался придумать, что сказать, но не смог сформулировать ответ, который не был бы просто чередой ругательств, поэтому он ограничился тем, что несколько минут молча ходил по комнате.

— Это была твоя вина, — сказала Вивиан.

— С х*я ли, бл*ть, это была моя вина?

— Ты предал мое доверие. И это заставило меня тоже захотеть повеселиться.

— Ты не могла поговорить со мной об этом?

— Ты же сам не разговаривал со мной.

— На самом деле, вообще-то разговаривал.

— Нет, ты скрыл худшее. Ты сказал мне, что женщины уже были мертвы. Ты не рассказал мне о том садистском ужасе в подвале. Ты не рассказывал мне об этом месте. Не смей притворяться, что был честен со мной.

Кен продолжал расхаживать по комнате.

— Отлично. Хорошо. Ты убила ее босса. Должен ли я ожидать, что копы в любую минуту ворвутся в эту дверь?

— Конечно, нет. Я была осторожна.

— Насколько осторожна? У тебя двадцать лет не было практики.

— Никто ничего не знает.

— Хорошо. Дерьмо. Как далеко это зашло?

— Что ты имеешь в виду? Я же уже сказала тебе, что зарезала его. А это знаешь ли чертовски далеко.

— Ты зарезала его на кровати. Как далеко это зашло? Вы катались гольшом по полу? Ты что, набросилась на него? Вы целовались? Что случилось? Как это произошло?

— Он думал, что мы потрахаемся, — сказала Вивиан, — но ничего не произошло. Я сказал ему, что собираюсь сделать ему массаж спины, чтобы он расслабился. Все, с чем он потрахался, так это с ножом.

Кен не был полностью уверен, что Вивиан говорит правду, хотя она не избегала зрительного контакта, не ерзала и не выдавала никаких других невербальных признаков того, что она лжет. Если бы она поцеловала парня, чтобы заманить его в постель... что ж, он не стал бы думать об этом.

— Я бы хотел, чтобы ты этого не делала, — сказал ей Кен.

— Я тоже, — призналась Вивиан.

Кен вздохнул.

— Ну, что сделано, то сделано, думаю. Очевидно, мы не сможем вернуть его к жизни. Так что нам просто нужно убедиться, что ты полностью замела следы.

— Я накрыла их, — сказала Вивиан. — Никто никогда ничего не узнает. — Хорошо. Есть что-нибудь еще, что я должен знать? И что значит «их»?

Вивиан ответила не сразу.

На самом деле, теперь она избегала зрительного контакта.

Кену это не понравилось.

— Что случилось? — спросил он.

— Возникли осложнения.

— Какие еще, нахер, осложнения?

— Ты поклялся, что не будешь злиться.

— Да. Точно. И я не буду злиться. Просто расскажи мне уже наконец об этих осложнениях.

— Твой друг появился здесь с отвратительной женщиной, и у меня не было другого выбора...

Кен вдруг почувствовал, что ему нужна бутылка виски, которую он держал в бардачке. Его ноги онемели, и на мгновение ему показалось, что он может упасть в обморок прямо там.

— Сделать что?

— А как ты, бл*ть, думаешь? Ты что, настолько тупой, что не можешь сложить два и два?

— Пожалуйста, скажи мне, что ты просто издеваешься надо мной.

— Это ты снял целый дом с мужиком, который использовал его для *бли. Мне жаль, что мне пришлось это сделать, но это не значит, что мир потерял прекрасного человека. Он был потной свиньей, которая привела какую-то шлюху на сеанс траха в обеденный перерыв. Буху. Общество справится с этой потерей.

— Я не говорю, что он был добропорядочным гражданином. Мне насрать, что он мертв. Мне не насрать, что ты убила трех человек за день! Я тщательно выбирал своих жертв. Я рассадил их по специально заранее подготовленным местам. А ты просто взяла и пошла на убийство!

— Что я должна была по-твоему делать? Сказать им, чтобы они не обращали внимания на всю эту кровь; горничная позаботится об этом?

— Придумать оправдание! Отослать их прочь! Сказать ему, что ты узнала, что я снимаю это место, и злишься из-за этого!

— Я была залита кровью с головы до ног. Мне кажется, они заподозрили бы что-то неладное.

— У него есть жена!

— И что? Я предполагаю, что он не сказал ей, куда собирается и с кем он был. Он был здесь, чтобы трахнуть свою любовницу. Он сам замел свои следы.

Кен не мог поверить, что они ведут этот разговор. Ему было трудно не начать биться головой о стену, пока его череп не разлетится вдребезги. Это было абсолютное безумие.

— Черт, — сказал он. — Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

— Почему ты так расстроен?

— Ты же знал, что я делала подобное раньше.

— Да, и ты сказала, что завязала с этим еще до нашей встречи.

— Ну, очевидно, что из-за твоих поступков я решила вернуть старую привычку. Я

думала, ты будешь счастлив. Мы могли бы заниматься этим вместе.

— Ты серьезно думала, что я скажу «Хорошая работа, дорогая!»? Серьезно?

— Нет, — сказала Вивиан. — но, может быть, мы могли бы обсудить идею о том, что это необязательно так уж плохо.

— Это п*здец как плохо. На этот раз тебе лучше завязать с этим навсегда, потому что с тобой покончено! Все кончено. Где тела?

— В багажнике моей машины.

— Как ты туда их затащила?

— Скажем так, я облегчила их переноску.

— Господи.

— В гараже были инструменты.

— И где ты планировала от них избавиться? — спросил Кен.

— Не знаю. Это у тебя трупы в клетках. Как ты планировал избавиться от своих?

— Я собирался похоронить их в лесу.

— Хорошо. Вот это мы сделаем и с моими.

У Кена слегка закружилась голова.

— Мне нужно присесть, — сказал он, плюхаясь на диван.

Вивиан придвинулась к нему поближе.

— Может быть, это знак убраться отсюда. Уйти и начать все сначала. Ты ненавидишь свою работу. У нас есть кое-какие сбережения.

— А как же школа Джарета?

— Он может закончить учебу в новой школе. Не то чтобы он оставил здесь много друзей. Может быть, для него будет лучше оказаться там, где никто не знает о коте.

— Я уверен, что уже никто не помнит того чертова кота.

— Ты бы забыл, если бы это был один из твоих одноклассников? Ему повезло, что они подумали, что это был единичный случай. Я хочу сказать, что с ним все будет в порядке. Мы могли бы перевезти его на Северный полюс, и ему было бы все равно, если бы у него были видеоигры.

— Мы не можем просто...

— Я знаю, что ты собираешься сказать, — сказала Вивиан. — Очевидно, мы не собираемся собираться и уезжать сразу после того, как эти люди пропали без вести. Мы немного подождем. Но не слишком долго. А потом поедем куда-нибудь, где жизнь не такая дорогая.

— Ты имеешь в виду, где людям не на что жить?

Вивиан пожала плечами.

— Может быть.

— Я не убиваю наркоманских шлюх или бомжей.

— Это совсем не то, что я имела в виду. Тебе нужно остыть.

— Остыть? После того, что ты сделала?

— Мы договорились, что я могу это сделать.

— Нет! — Кен энергично замотал головой. — Мы не договаривались о таком. Ты сказала, что хочешь кого-нибудь убить, но мы не пришли ни к какому решению. Я бы никогда этого не допустил. Никогда.

— Ну ошиблась.

— Это здорово, что ты можешь относиться к этому так легкомысленно. Извини, если я

не чувствую себя в такой же безопасности.

Вивиан встала с дивана.

— То, что ты делаешь, еще хуже. Несмотря на это, будем считать, что мы квиты. Начиная с этого момента, то, что ты сделал, не имеет значения, и то, что я сделала, тоже не имеет значения.

— Конечно, это вот все теперь просто не имеет значения!

— Я имела в виду с точки зрения наших отношений. Да, у нас есть работа, которую нужно сделать, но у тебя твои женщины в клетках, а у меня моя жертва и сопутствующий ущерб. Мы должны закончить ссориться из-за этого.

— Ну, я даже не знаю.

— Я дарю тебе еще одну. Вторую девушку. Шарлин.

— Что, черт возьми, ты говоришь? Она что здесь?

— Нет, нет, нет. Ничего подобного. Я просто даю тебе разрешение пойти за ней.

— Правда?

— Да. И этим я хочу сказать, что верю, что ты будешь осторожен. Я бы хотела, чтобы ты также доверял мне.

***

Кен не доверял ей, но он был чертовски уверен, что не упустит эту возможность. Его все еще бесило, что Шарлин разгуливала на свободе после того, как пыталась помочь своей подруге выманить его, и если бы он мог держать этих девушек в клетках бок о бок, это могло бы стоить мучительного чувства, того что Вивиан, вероятно, позволила их боссу трахнуть себя, прежде чем убила его.

Он обнял свою жену.

— Я доверяю тебе, — прошептал он ей на ухо.

— Спасибо, — сказала она. — Мне жаль, что так все вышло.

— Мне тоже жаль. С этого момента никаких секретов.

— Никаких больше секретов.

Кен отстранился.

— Я полагаю, ты не имела в виду, что я могу пойти за ней сегодня, но я думаю, что у меня есть идея получше.

***

Эй, Шарлин! Мое расписание только что немного освободилось. Ты случайно не свободна сегодня около 20:00? Если Герти захочет присоединиться, бери ее, будет здорово — вчера мы так хорошо посидели, и я мог бы дать вам обоим больше информации о подходе, который собираюсь использовать.

P.S.: Очевидно, ты еще не решила. Я не давлю!

***

Шарлин переслала электронное письмо Лугенсу и позвонила ему.

— Скажите ему «да», — сказал Лугенс. — Ничего не говорите о Герти. Просто скажите «да» и спроси его, где вы встретитесь.

***

Кен дал ей адрес бара. В плохой части города. обычно многолюдный. Полиции было бы трудно следить за посетителями и искать кого-то подозрительного, потому что почти все в этой дыре выглядели подозрительно. Кен ходил туда пару раз в поисках потенциальных жертв, но ему не везло.

Конечно, он не собирался быть там ни в восемь часов, ни в другое время. Он просто хотел, чтобы копы подумали, что у них есть место, где его можно схватить.

***

— Внутри будет пара наших человек, которые будут выдавать себя за клиентов, — сказал Лугенс Шарлин по телефону. — Это ужасное место для деловой встречи. Нас туда все время вызывают.

— Во сколько мы там будем?

— Рано. В семь тридцать. Я все объясню вам по дороге, по обе стороны от вас на барных стульях будут сидеть полицейские в штатском. Любого, кто приблизится к тебе по какой-либо причине, незаметно отведут в сторону и допросят. Еще один полицейский будет изображать вышибалу, поэтому он будет проверять удостоверения личности на входе. Мы также будем следить за людьми на улице. Либо у законного продюсера веб-сериалов будет очень потрясающая встреча, либо мы поймаем этого парня.

— Спасибо, — сказала Шарлин. — Я с нетерпением жду возможности стать его приманкой.

— Не называйте это так. Мы позаботимся о вашей безопасности. Он даже не подойдет к вам на расстоянии вытянутой руки.

— Я надеюсь, что он появится.

— Я тоже. Заберу вас после работы.

***

Кен ненавидел свой новый облик.

Хоть Вивиан и заявила, что его короткие обесцвеченные волосы, поставленные ежиком,

выглядят «сексуально». Он считал, что его новый причесок выглядит как минимум нелепо. Но не мог снова использовать маскировку хипстерской бороды, на случай, если Герти описала его Шарлин. Он добавил немного косметики, чтобы придать своему лицу нездоровый вид, который Вивиан не назвала сексуальным.

Он провел около получаса возле итальянского ресторана, наблюдая за людьми, которые, казалось, сидели в своих машинах без особой на то причины. У ресторана была большая парковка, и на самом деле в ней не было места, где кто-нибудь мог следить за ближайшими окрестностями, притворяясь, что занят чем-то другим, а не прятаясь в машине выслеживая жертву. Конечно, то же самое относилось и к нему, но, если бы полицейский подошел к его машине, он просто сказал бы им, что ждет своего свидания за ужином, а затем отказался бы от этого плана. Но было совершенно ясно, что за этим местом никто не следит.

Кен вышел из машины. Теперь он должен был быть смелым. Не самоубийственно смелым, но все же.

Он подождал, пока пара войдет в парадную дверь, и сразу же последовал за ними. Пока они разговаривали на столике регистрации, он прошел мимо них через весь ресторан.

Она была там. Стояла возле столика на четверых и брала стакан у посетителя ресторана, который, очевидно, хотел его снова наполнить. Она даже не взглянула на Кена, когда он проходил мимо нее. Мужчина представил, как хватает ее за волосы, накручивает их на кулак, а затем бьет ее головой о стол, наслаждаясь криками посетителей, когда ее зубы вонзятся в их спагетти.

Но, само собой, его план не был настолько смелым. Он вошел в туалет. Пожилой джентльмен мыл руки. После того, как он ушел, Кен проверил, свободна ли кабинка. Надеялся, что туалет будет рассчитан на одного человека, чтобы он мог запереть дверь, но, пока в ближайшие тридцать секунд ни у кого не переполнится мочевого пузыря, он будет в порядке.

Кен достал свой одноразовый телефон и позвонил в ресторан.

— Итальянский гриль Дэйви, — ответила женщина. — Чем я могу вам помочь?

— Меня зовут Ричард Гошен, я из группы реагирования на чрезвычайные ситуации. Мы получили достоверную информацию, что в вашем заведении спрятано взрывное устройство. Отправили саперов, но нам нужно, чтобы вы немедленно эвакуировали людей. Не говорите, что здание заминировано. Назовите это «рабочей ситуацией», чтобы не вызывать паники. Просто быстро и организованно выведите всех на улицу и убедитесь, что люди находятся по крайней мере в пятистах футах от здания. Вы поняли меня?

— Это что, шутка такая?

— К сожалению, это не шутка, и у нас есть основания полагать, что преступник намерен взорвать устройство. Мы будем на месте меньше, чем через четыре минуты, но вам нужно немедленно вывести всех из здания. Вы меня поняли?

— Да. Да, сэр. Я выведу всех немедленно.

Кен сунул телефон обратно в карман и вышел из туалета. Возможно, было бы проще просто включить пожарную сигнализацию, но он не хотел, чтобы копы появились раньше, чем это необходимо. Администратор вошла в зал.

— Дамы и господа! — сказала она, повторив это заявление еще три раза, пока в ресторане не стало достаточно тихо, чтобы ее услышали все. — Мне нужно, чтобы вы вышли из ресторана. Все будет объяснено, когда появится полиция, но у нас возникла рабочая

ситуация, и мне нужно, чтобы все покинули здание как можно быстрее и организованно.

Некоторые посетители в замешательстве переглянулись. Другие встали.

— Это не учебная тревога! — сказала администратор. — Нам нужно немедленно очистить здание.

Теперь встало еще больше людей. Другие поспешили к выходу.

Кен направился напрямик к Шарлин.

***

Что ей оставалось делать?

Мысль о том, что в ресторане произошла настоящая чрезвычайная ситуация в тот же день, когда ей было велено не выходить на улицу, была слишком большим совпадением. Шарлин не могла просто выйти из здания вместе с остальными клиентами и сотрудниками. Но она должна была предположить, что это касается ее, поэтому она должна оставаться на чеку.

Она достала свой сотовый телефон, чтобы позвонить Лугенсу.

— Не надо, — сказал светловолосый мужчина, подходя к ней и говоря тихим голосом. — Убери телефон, или я прострелю тебе бок.

Шарлин остановилась и положила телефон обратно в карман. Она пожалела, что у нее не хватило ловкости рук, чтобы позвонить, как только убрала телефон в карман, но девушка не была волшебницей.

— Продолжай идти, — сказал он. — В том же темпе, что и все остальные. Это единственный способ спасти жизнь твоей подруге.

На мгновение Шарлин решила не подыгрывать ему, а скорее напасть, крича и пытаясь выцарапать ему глаза ногтями. Но у нее не было причин сомневаться, что у него есть пистолет, и если бы она обратила на него внимание, у него, в свою очередь, не было бы причин не застрелить ее. Она прошла вперед, отчаянно пытаясь встретиться с кем-нибудь взглядом, но другие люди в ресторане были заняты своими собственными проблемами.

Они вышли из здания. Администратор Эбигейл крикнула, чтобы все отошли по крайней мере на пятьсот футов от здания и что полиция будет здесь через две-три минуты.

— Если вздумаешь дурить, то умрешь, — сообщил мужчина Шарлин. — А потом Герти умрет очень мучительной смертью. И я имею в виду, действительно мучительную смерть.

— Откуда мне знать, что она еще живая?

— О, я тебе покажу. Я успокою тебя, не волнуйся. Ты связалась с копами?

— Нет.

— Врешь. Не смей мне врать больше. Давай сюда свой телефон.

Она снова достала телефон, и мужчина выхватил его у нее из рук. Он подвел ее к своему автомобилю и открыл пассажирскую дверь.

— Залезай, — сказал он, легонько подталкивая ее.

Шарлин забралась внутрь, лихорадочно оглядываясь в поисках чего-нибудь, что можно было бы использовать в качестве оружия.

Мужчина поспешил к водительской стороне. Он открыл дверь, опустился на колени,

затем сел в машину, больше не держа ее телефон. Закрыл дверцу и завел двигатель.

— Веди себя хорошо, и я не причиню тебе вреда, — сказал он. — Это может закончиться плохо для нас обоих, или мы оба можем вести себя спокойно.

— Покажи мне доказательство, что Гертти еще жива.

— Когда мы будем в безопасности. — Он сунул руку под рубашку и вытащил револьвер из-за пояса джинсов. — На случай, если ты подумала, что я блефую. Не хочу использовать его, так что не заставляй меня.

Он выехал задним ходом с парковки. Когда они отъезжали, Шарлин увидела свой телефон на тротуаре, где по нему проехало колесо машины.

— Кто-нибудь найдет мой телефон, — сказала она ему.

Мужчина пожал плечами.

— Мне все равно, если легавые найдут его. Я просто не хочу, чтобы они отследили его.

— Так ты Уоррен?

— Вообще-то, Кен.

Шарлин очень, очень сильно не понравилось, что он назвал ей свое настоящее имя. Она пожалела, что вообще спросила об этом. Может быть, он лгал. Возможно, его звали не так. Боже, она надеялась на это.

— Ты довольно самоотверженная девушка, — сказал Кен. — Я видел тебя в новостях. Предлагаешь стать заложницей вооруженному психопату и все такое. Что ж, нам придется воспользоваться этим, потому что ты можешь испугаться и попытаться сбежать. Если ты попытаешься, — чего у тебя никак не получится осуществить, — Гертти умрет. И я имею в виду мучительную смерть. Не забывай об этом.

— Я не собираюсь пытаться сбежать, — заверила его Шарлин.

Она больше не видела ресторан в зеркале заднего вида.

— Хорошая девочка, — сказал Кен. — Продолжай упрощать ситуацию.

Кен ехал по улице, придерживаясь предельной скорости. Он ехал в правом ряду, поэтому, когда остановился на красный свет, рядом не было других водителей, которым Шарлин могла бы сигнализировать. Она не стала бы размахивать руками, но произнесенное одними губами «Позвони в полицию!» может попробовать послать сообщение так, что преступник не заметил бы.

Револьвер лежал у него на коленях. Он в основном управлял правой рукой, но даже когда держал обе руки на руле, она не видела никакого способа схватить оружие. Внезапное нападение, вероятно, просто закончится тем, что он ей прострелит живот... хотя она будет продолжать следить за такой возможностью.

— Гипотетический вопрос, — сказал Кен.

— Валяй.

— Ты знаешь, каким цветом Гертти красит ногти на руках?

— Нет.

— Ты уверена? Подумай хорошенько.

Шарлин захотелось вырвать. Эта линия допроса не могла привести ни к чему хорошему.

— Я действительно не знаю.

— У нее короткие или длинные ногти?

— Короткие, полагаю. Длинные ногти мешают, когда ты весь день носишь подносы.

— Но цвет. Ты и правда понятия не имеешь?

— Может быть, бирюзовый.

— Может быть, бирюзовый? Или точно бирюзовый?

— Точно.

Кен кивнул.

— Спасибо. Думаю, моя жена была права.

— Я не понимаю, что должна была извлечь из этого разговора.

— Моя жена хотела отрезать палец Герти и отдать его тебе в доказательство того, что она у нас. Меня беспокоило, что ты можешь не узнать палец, принадлежащий Герти. Очевидно, что отрезанный палец расстроил бы тебя, но если ты не можешь определить, чей он, какой тогда в нем смысл? Очевидно, ты бы узнала, что он принадлежит Герти, но у нее все еще есть десять пальцев, так что не за что.

— Ох, — сказала Шарлин, которой больше нечего было добавить.

— Вместо этого я снял видео. Честно говоря, мне уже не нужно тебе его показывать — я имею в виду, ты же уже в машине. Я сделал его на случай, если мой план не прошел бы так гладко, и тебе понадобилось бы дополнительное убеждение. Но я сказал, что докажу, что она жива, и было бы довольно грубо с моей стороны обманывать тебя. Открой бардачок.

Шарлин не потянулась к бардачку.

— Это не трюк, — сказал Кен. — Ее пальца там не будет. В бардачке лежит телефон.

— Я не хочу смотреть никаких видео, — сказала Шарлин.

Кен пожал плечами.

— Как хочешь.

Они проехали еще пару минут, в течение которых Шарлин раздумывала, стоило ли ей открывать бардачок. Она не хотела открыть его, чтобы десять отрезанных пальцев высыпались ей на колени. С другой стороны, должна получать как можно больше информации. Если было видео с Герти, оно могло бы доказать, что она еще жива. Или, где она могла находиться, когда Кен начал записывать.

Она открыла бардачок.

В нем было пусто, если не считать сотового телефона.

— В нем только одно видео, — сказал ей Кен. — Не забывай, что у меня есть пистолет. Я обещаю, ты не успеешь набрать службу спасения.

Шарлин верила, что действительно сможет набрать 9-1-1, прежде чем он всадит ей пулю в голову, но убьет ее прежде, чем она закончит разговор с диспетчером. Поэтому последовала инструкция и включила видео.

В нем было снято крупным планом лицо Герти, выглядевшей испуганной. На ее щеке было пятно крови.

— Что ты хочешь сказать Шарлин? — спросил невидимый Кен.

— Не ходи за мной! Он собирается убить тебя! Просто оставай...

Видео закончилось.

— Извини, она начала говорить не по плану, и мне пришлось прервать запись, — сказал Кен. — Положи телефон обратно в бардачок и закрой его.

Шарлин сделала, как ей было сказано. На долю секунды она подумала о том, чтобы отбросить осторожность и просто схватиться за его пистолет или дернуть руль, чтобы машина врезалась в сигнал пешеходного перехода, но она не думала, что это сработает хорошо для нее или Герти.

— Она ошибается, — сказал Кен. — Я не собираюсь убивать тебя.

— Это радует.

— Я собираюсь запереть тебя в клетке и смотреть, как ты умираешь от голода. Это не я буду убивать тебя. Тебя убьет физиология.

Шарлин ничего не ответила.

— Ты что даже не попробуешь попытаться переубедить меня? — спросил Кен.

— А это сработает?

— Нет. Я просто удивлен. Это освежает. Обычно следует много просьб и всяких молитв.

Они рассказывают мне о своих детях. Предлагают сексуальные услуги.

— Я лучше умру с голоду в клетке, чем прикоснусь к твоему члену.

Шарлин предполагала, что он ответит чем-то вроде садистского смешка, но он выглядел искренне сердитым. Он на мгновение замолчал.

— Сука, — наконец сказал он.

Она решила не дразнить его слишком сильно.

— Если я все равно умру, почему бы мне не попробовать схватить твой пистолет? — спросила она.

— Потому что ты еще думаешь, что у тебя все еще есть шанс спасти свою подругу и себя. Если ты заставишь меня застрелить тебя, эта возможность исчезнет. И ты потратишь свои последние мгновения, пытаясь заткнуть дыры, из которых будет хлестать кровь.

Шарлин не могла отрицать, что слова Кена были хорошим сдерживающим фактором. Он не был похож на криминального гения. И явно бы все испортил.

Пару минут спустя он заехал на стоянку круглосуточного магазина с заколоченными досками окнами. Он проложил путь за здание, припарковал машину и направил пистолет в лицо Шарлин.

— Сейчас я усыплю тебя хлороформом, — сообщил он ей. — Ты облегчишь мне задачу или усложнить?

— Я, вероятно, усложню, — сказала Шарлин.

И она постаралась, но, в конце концов, все потемнело.

Глава 16

Глубокая царапина, которая тянулась от запястья Кена до локтя, чертовски болела, но, по крайней мере, Шарлин не добралась до его лица. А вот лицу девушки напротив не так повезло, хотя огромный синяк был наименьшей из ее предстоящих проблем.

После того, как дверь гаража арендуемого дома закрылась, Кен открыл пассажирскую дверь. Шарлин была без сознания и в ближайшее время не собиралась приходить в себя без нюхательной соли, но по какой-то причине ему не хотелось оставлять ее одну, даже если бы это заняло бы всего пару минут, а именно: зайти в дом и сказать Вивиан, что его план сработал. Вместо этого он грубо вытащил Шарлин из машины и поволок ее внутрь.

Вивиан сидела на диване в гостиной.

— Хорошая работа, — сказала она.

— Спасибо.

— Она красотка.

— Я не прикасался к ней.

— Я и не говорила, что ты прикасался к ней. Просто сказала, что она красивая. Я ни в чем тебя не обвиняла.

Вивиан встала, когда Кен усадил Шарлин на диван.

— Мой план сработал великолепно. Не было ни каких осложнений. Я имею в виду, она конечно сопротивлялась перед тем, как я ее вырубил, но ничего такого не случилось, о чем нам нужно беспокоиться.

— Это хорошо, — сказала Вивиан.

— Ну что опять не так? — спросил Кен.

— Ничего.

— Ты как-то странно себя ведешь.

— Ты только что притащил девушку без сознания, которую собираешься убить. Так что я думаю мое поведение в данной ситуации абсолютно нормальное.

Кен уставился на нее.

— Ты зарезала трех человек несколько часов назад. Так что будь любезна и скажи мне, наконец, что здесь происходит.

— Я говорила, что мы можем делать это как команда.

— Я помню. И сказал тебе «нет». Мне эта идея не нравится. Вообще.

— Это может сблизить нас.

— Я не собираюсь это больше обсуждать. Отнесу ее в подвал и посажу в клетку. Конец разговора. Мы закончили.

— Мы еще не закончили, — сказала Вивиан. — Может быть, ты не думаешь, что мы должны делать это как пара. Хорошо. Но мы семья и должны поступать соответствующе.

— К чему ты клонишь?

— Как ты думаешь, к чему я клоню?

— Ты скажи мне, потому что мне не нравится твои намеки.

— У нашей семьи есть проблемы. И мы оба это знаем. Мы с тобой все время ссоримся. Джаред почти не разговаривает с нами, у него проблемы в школе... может быть, ему нужна отдушина.

— У него есть отдушина. Ты думаешь, он просто играет в Марио с подружками, которые

приходят к нему?

— Я знаю, чем он занимается со своими подружками. Я не такая дура, как ты думаешь. Знаю о вашем разговоре, когда ты сказал ему, что он будет сам по себе, если одна из них забеременеет. Собираешься стать отцом года, да?

— Ты подслушивала?

Вивиан недоверчиво рассмеялась.

— Нет, я не подслушивала! Меня даже не было дома тогда! Он рассказал мне об этом сам. Джаред доверяет мне. У нас нет секретов друг от друга. И я возила одну из его девушек делать аборт.

— Прости, что ты сделала?

— Не прикидывайся глухим. Ты прекрасно слышал меня. Это было несколько месяцев назад. Ее родители заплатили за аборт. Джаред кстати поддерживал ее.

— Отлично, — сказал Кен. — Он был мил с какой-то цыпочкой, которую обрюхатил. Какое это имеет отношение к тому, что мы собираемся вместе как семья?

— Ты не слушаешь.

— Очевидно, нет.

— Ты думаешь, Джаред не знал, чем ты занимаешься?

— Что ты такое несешь?

— Он не знал, что ты психопат, который запирает женщин в клетках, но был в курсе о твоих похождениях. Знает об этом с момента твоей первой жертвы.

У Кена голова шла кругом. Конечно, она все это выдумала. Вивиан просто хотела подвергнуть его психологической пытке. Она была сумасшедшей.

— Если Джаред будет в этом доме, я... — Кен замолчал.

— Что ты сделаешь? — спросила Вивиан.

— Я не знаю.

— Ударить меня? Задушить? Запрещь меня в одной из своих клеток?

— Джаред здесь?

Вивиан кивнула.

— Он в подвале.

Кену хотелось закричать «Ты что, совсем из ума выжила?», но только подвал был звукоизолирован. Должно быть, она шутит. Этого не может происходить на самом деле. Она ни за что не привела бы их сына в этот дом.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты просто издеваешься, — сказал он.

— Нет, я не издеваюсь над тобой.

— А сама-то ты рассказала ему, что сделала?

— Избавила от некоторых подробностей, но да. Рассказала.

— Ты рассказала нашему сыну, шестнадцатилетнему подростку, что сегодня убила трех человек? Одно из которых было полностью спланировано и хладнокровно?

Кен не мог поверить, что задает этот вопрос.

— Да.

— Боже мой.

— Он знал о людях, которых я убила еще до его рождения.

— Ну и как давно он знает?

— Некоторое время.

— Почему, черт возьми, ты не рассказала мне об этом?

— Я полагаю, ты был слишком сосредоточен на своих собственных игрушках.

Кен плюхнулся на диван рядом с Шарлин. Вчера все было так просто. Теперь все выходило из-под контроля. Он просто сидел и массировал лоб, чтобы избавиться от внезапной раскалывающейся головной боли. У него был один очевидный вопрос, и он предполагал, что Вивиан даст ответ на него без подсказки, но жена просто продолжала молча смотреть на него.

— Что сказал Джаред, когда ты рассказала ему? — спросил он.

— Он был счастлив.

— Счастлив?

— Да.

— Хорошо, но что, черт возьми, он сказал?

— Он буквально в пятнадцати секундах от тебя. Почему ты допрашиваешь меня вместо того, чтобы просто спуститься вниз и поговорить с ним?

— Потому что я хотел бы получить хоть какое-то представление о том, что меня ждет.

— Я же говорю тебе, он был счастлив.

— Этого недостаточно.

— Ему очень понравилась идея быть семьей убийц.

— Что?

— Ты собираешься продолжать просить меня повторять одно и то же, или может быть уже спустишься вниз и поговоришь со своим сыном?

— Семья маньяков никогда не стояла на повестке дня, — сказал Кен. — Мы так не договаривались. Это не входило в наш уговор.

— Я подумала, что ты мог бы показать ему, как это делается.

— Как это делается? Я сажаю ее в клетку и смотрю. Все. И это как бы личное.

— Ну, может быть, теперь ты бы мог заниматься этим немного по-другому.

— Нет! Почему ты ничего не сказала мне об этом до того, как я пошел за ней? В какой вселенной я должен вернуться домой и узнать, что моя жена действовала за спиной и пригласила нашего проклятого сына убить женщину вместе со мной? Ты должна быть самым разумным человеком в нашей семье! Ты хоть представляешь, насколько безумен этот разговор? Что вообще у тебя в голове происходит?

— Вообще-то, да, — сказала Вивиан. — И я та, кто заботится о нашем семейном благополучии. У нас не должно быть тайн друг от друга. Все, никаких больше секретов.

— Никаких секретов. Заеб*сь, бл*ть.

Кен встал, заставив бессознательное тело Шарлин завалиться на бок.

— Зачем останавливаться на этом? Как насчет того, чтобы в следующий раз, когда мы решим заняться сексом, позвать Джареда в спальню, чтобы он смотрел? А? Как насчет этого?

— Как у тебя только язык повернулся сказать такое.

— Не думаю, что ты понимаешь, но, если бы людям пришлось решать, кто более психически больной: подросток, наблюдающий, как его родители трахаются, или мама, папа и их сын, вместе убивающие людей, почти все выбрали бы второе.

— Я полагаю, ты уже провела социальный опрос по дороге сюда?

— Послушай меня, — сказал Кен. — Как бы ты ни думала, что все это закончится, ты ошибаешься. Мы не станем проклятой семьей, которая убивает людей.

— Как долго мы будем спорить об этом? — Вивиан указала на Шарлин. — Пока она не

очухается?

— Она еще не скоро оклемается.

— Она сделает это, если мы не закончим спорить. Мы не можем вечно стоять здесь и выяснять отношения. И не забывай ему завтра в школу.

Кен вздохнул.

— Хорошо. Я пойду поговорю с ним. Дерьмо.

***

Мальчик, Джаред, просто сидел и смотрел на Герти.

Он был высоким, широкоплечим и красивым. Выглядел так, словно должен был быть капитаном футбольной команды, а не каким-то жутким подростком, сидящим на деревянном стуле и наблюдающим, как Герти висит в клетке.

После того как его мать ушла, Герти попыталась поговорить с ним. Он велел ей заткнуться, или тот свернет ей шею. Она поверила ему. Поэтому они сидели в тишине, и Джаред время от времени покусывал губу, глядя на нее так, словно она была голой. Парень пробыл там по меньшей мере час.

Они оба оглянулись, когда открылась дверь.

Женщина в объятиях Кена была с запрокинутой головой, так что у Герти была примерно одна секунда, чтобы притвориться, что это была не Шарлин. Но, конечно, же это была она.

Герти не плакала с тех пор, как осталась наедине с Джаредом. Теперь у нее снова потекли слезы.

— Вставай, — сказал Кен. — Мне нужен этот стул.

Джаред встал. Кен усадил Шарлин. Она резко начала заваливаться, но он выпрямил ее, прежде чем ее тело успело упасть на пол.

Вивиан вошла в комнату. Она прикрыла нос и рот рукой, отшатнувшись от запаха. Запах мертвых тел, казалось, не беспокоил Джареда, даже когда он впервые вошел в комнату.

Кен выглядел смущенным. Даже нервничал. Он ерзал, стоя там, и выглядел так, словно пытался набраться смелости, чтобы что-то сказать своему сыну.

— Итак... — наконец сказал он.

— Все в порядке, па, — отозвался Джаред. — Мы можем не говорить об этом, если не хочешь.

— Хорошо.

Джаред положил руку на плечо Шарлин. Герти хотелось выкрикнуть злобную угрозу о том, что он сделает с ней, если причинит вред ее подруге, но, конечно, она абсолютно ничего не могла сделать, чтобы остановить его. Ей было бы лучше сохранить свою очень ограниченную энергию.

— Мама сказала, что мы можем убить ее вместе, — сообщил Джаред.

— Мы могли бы, — сказал Кен, звуча очень неуверенно в этом. — Ты действительно думаешь, что готов к чему-то подобному?

Когда Джаред улыбнулся, это была самая жуткая ухмылка, которую Герти когда-либо видела у реального человека.

— О, да. Определенно.

— Нет, — отрезал Кен. — Не «О да, определенно». Это серьезно. Мы говорим о том чтобы лишить человека жизни. Ты должен быть абсолютно уверен, что это то, что хочешь сделать. Мы не можем допустить, чтобы тебя вырвало, и ты выбежал из дома, чтобы признаться кому-то в том, что ты только что сделал.

— Откуда ты знаешь, что это мой первый раз? — спросил Джаред.

— Черт возьми, для тебя же будет лучше, если так оно и будет.

— Ладно. Ладно, так и есть. Но тебе не нужно обращаться со мной как с маленьким ребенком. Я не собираюсь начинать плакать или превращаться в сплетника. Все будет хорошо.

— Я не в восторге от этого, — сказал Кен. — Ни капельки. Но, похоже, я в меньшинстве.

— Так и есть, — протараторила Вивиан.

— Ну и как вы хотите убить ее?

— Кусачки? — предположил Джаред. — Паяльник?

Кен покачал головой.

— Нет. Ничего из этого. Она будет медленно умирать, и мы не будем заниматься всяким садистским дерьмом. Мы не станем выкалывать ей глаза, чтобы ты мог засунуть свой член ей в глазницу или что ты там себе надумал.

— Господи, папа.

— Я серьезно.

— Ты думаешь, я собирался доставать свой член перед мамой?

— Хватит вам уже, — произнесла Вивиан.

— Никаких кусачек, — сказал Кен. — Газовой горелки у меня тоже нет. Никакой соляной кислоты, наждачной бумаги, гвоздодера или чего-нибудь еще, что превратит нас в стаю дегенератов деревенщин.

— Тогда может ножи? — поинтересовалась жена.

— Да. Мы привяжем ее к стулу и зарежем. Красиво и просто. Но у нас нет веревки.

— Вообще-то у нас есть веревка, — сказала Вивиан. — Мы купили ее по дороге сюда.

— Хорошо. Джаред, иди за веревкой.

— Нет, я лучше принесу ее сама. Мне нужно отдохнуть от этого запаха и да, ножи я тоже возьму.

Вивиан вышла из комнаты.

Герти слышала шаги женщины, пока та поднималась по лестнице. Когда ступени перестали скрипеть, Джаред ухмыльнулся отцу.

— Вау, папа. У тебя тут дохлые телки в клетках. А ты еще разозлился на меня за то, что я попал в неприятности в школе.

— Для тебя это что, шутки что ли? Ты думаешь, что это смешно?

— Я думаю, что это забавно, да.

— Ну, тебе лучше изменить свое отношение.

— Не волнуйся, я все понимаю, — сказал Джаред. Он указал на Герти. — Мне понравилось наблюдать за ней. Она п*здец как напугана. Ты только посмотри на нее.

Герти опустила голову. Да, она действительно была п*здец как напугана, но не собиралась просто сидеть и позволять им получать удовольствие от ее испуганного лица.

— Так что, может быть, мы запрем и эту, наверху, — предложил Кен. — Мы с тобой сможем приходить и смотреть на их, когда захотим.

— Не-а. Эту бы я хотел резать.

Джаред стоял на месте и злобно смотрел на Герти, пока Кен расхаживал по комнате. Скрип на лестнице возобновился, и Вивиан вернулась с мотком веревки, все еще обернутой полиэтиленовой пленкой, с рекламой магазина в котором она ее купила, и тремя ножами. Она закрыла за собой дверь.

Герти и Вивиан наблюдали (Герти беспомощно, Вивиан с ликованием), как мужчины привязывали Шарлин к стулу.

Джаред взял у матери самый большой из трех ножей. Он поднес нож к лицу Шарлин.

— Подожди.

— Что случилось?

— Что ты имеешь в виду, говоря, что случилось? Что, по-твоему, не так?

— Я не знаю.

— Она еще без сознания?

— Я думал, она придет в себя, когда порежу ее.

— Нет. Сначала мы приведем ее в чувства. Позволим ей осознать свое положение. Поговорим с ней.

Джаред кивнул.

— А что? В этом есть смысл.

— Итак, нам нужна нюхательная соль.

— Где она?

— Вон в том углу.

Джаред на мгновение исчез из поля зрения Герти, затем вернулся с маленькой бутылочкой. Он протянул ее Кену, который отвинтил крышку и поднес к носу Шарлин.

Шарлин резко очнулась, широко раскрыв глаза. Она заметалась на стуле, но веревки были слишком туго стянуты, чтобы иметь возможность вырваться. Затем девушка закричала.

Кен приложил палец к губам.

— Ш-ш-ш. Прекрати истерить. Или я сделаю тебе очень больно, если ты не заткнешься.

Шарлин потребовалось еще несколько мгновений, чтобы перестать кричать. Она посмотрела на Герти, а затем на трех своих похитителей. Герти никогда не видела такого ужаса на лице человека. Хотя она могла бы увидеть его раньше, если бы у нее было зеркало.

— Это все на твоей совести, — сказал ей Кен. — Если бы ты осталась дома и занималась своими делами, ничего бы этого не случилось. Но ты стала опасна для меня, а это значит, что я должен был стать опасен для тебя. Поэтому ты не выберешься отсюда живой, и я не собираюсь тебе лгать, умирать, к твоему сожалению, ты будешь долго. Но, эй, ты стала катализатором для нашего семейного времени препровождения, так что ты сделала свое доброе дело на сегодня.

— Ну, а теперь я могу ее уже порезать? — спросил Джаред.

— Да.

— Можно я отрежу ей ухо?

— Нет. Ухо пока мы ей отрезать не будем. Ты же не знаешь, сколько крови вытекает из отрезанного уха?

— Нет, но и ты тоже не узнаешь, если будешь просто смотреть, как они умирают от голода в клетках.

— Я знаю достаточно, чтобы знать, что такие раны сильно кровоточат. Черт возьми, я уверен, что твоя мама знает ответ. Она, наверное, королева отрезанных ушей. Вив, сколько

крови вытекает, когда ты отрезаешь человеку ухо?

— Много, — отозвалась Вивиан.

— Вот тебе и ответ. Так что скажи мне вот что: когда ты пытаешься продлить чью-то смерть, ты хочешь, чтобы из его головы хлестала кровь?

— Ладно, хорошо, я понял, — отчеканил Джаред. — Проехали с ухом.

— Не говори мне «Ладно, хорошо». Отвечай на вопрос прямо и четко.

— Нет. Я не хочу, чтобы из ее головы хлестала кровь.

— Видишь? Ты уже учишься.

— Тогда где мне резать? Может руку?

— Рука — отличное место для начала.

— Подожди, стой, — сказала Шарлин.

— Ну вот, теперь она собирается начать умолять, — сказал Кен. — Ты хочешь это слушать?

Джаред кивнул.

— Конечно.

— Тогда все в порядке. Послушай, что она тебе скажет. Может быть, она сделает тебе интересное предложение.

— Отпустите Герти, — сказала Шарлин. — Держите меня здесь, если хотите, но отпустите ее.

— Вот тут-то и вступает в игру ее дерьмовая натура, — сказал Кен. — Никто не может быть настолько самоотверженным. Она просто пытается выиграть немного времени. Хочет, чтобы мы совершили ошибку.

Шарлин отчаянно замотала головой.

— Нет, это неправда.

— На самом деле, все верно. Логика не выдерживает никакой критики. Герти — та, кто втянул тебя в эту заваруху в первую очередь, так что она должна быть той, кто предлагает пожертвовать собой ради тебя. Другие разговоры не имеют смысла. Кроме того, это ужасное предложение. У нас есть вы обе. Ты не можешь уйти. У вас нет абсолютно никакой власти вести переговоры. Так как же твое предложение «оставь меня, но отпусти ее» изменит наше мнение?

— Я не буду сопротивляться, — сказала Шарлин.

— Может быть, мы хотим, чтобы ты сопротивлялась.

Шарлин больше ничего не сказала.

— Отпустите ее и возьмите меня, — подала голос Герти из своей клетки.

Она знала, что они этого не сделают, но сказать это сразу после небольшой речи Кена могло бы добавить замешательства и разочарования им. Каждая мелочь могла помочь.

— Что, черт возьми, я только что сказал? — спросил ее Кен. — Я только что закончил объяснять, что у вас нет права вести переговоры. Иисусе. Я думаю, это хорошо, что вы двое не пытаетесь продать друг друга, но в какой-то момент вам придется столкнуться с реальностью.

— Все, мне надоела эта болтовня, — сказал Джаред.

Он взмахнул ножом в воздухе перед лицом Шарлин.

— Я готов начать потрошить этих сучек.

— Ты можешь убить только одну из них, — сказал Кен.

— Пофиг. Пусть будет одна. Я готов.

— Подожди, еще нет, — сказала Вивиан. — Мне нужно на минутку выйти и плотннуть свежего воздуха.

— Ты не привыкнешь к нему, если будешь все время ходить туда-сюда, — сказал ей Кен.

— Я знаю, но меня от него выворачивает. Может быть, я смогу найти прищепку или что-нибудь в этом духе.

— Просто зажми нос.

— Я сейчас вернусь, — сказала она, выходя из комнаты.

Ступеньки заскрипели, а затем Герти услышала, как открылась и закрылась дверь.

— Нам обязательно ждать? — спросил Джаред.

— Поскольку твоя мама только что попросила нас это сделать, то, черт тебя дери, да.

Джаред провел указательным пальцем по подбородку Шарлин.

— Можно мне хотя бы ее ударить?

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что это не то, чем мы занимаемся.

— Точнее это не то, чем занимаешься ты. А я бы хотел выбить ей несколько зубов.

— Мы сделаем это по-моему. Когда поймашь свою собственную девчонку, можешь бить ее сколько захочешь.

— Так и сделаю.

— И, может быть, кто-нибудь заметит, что у тебя разбиты костяшки пальцев. Черт возьми, это же совсем не вызовет каких-то подозрений, когда ты будешь сидеть на допросе у полиции.

— Пофиг.

— Как насчет того, чтобы завязывать уже с таким отношением?

Джаред сжал кулак, и на секунду Герти подумала, что он все равно ударит Шарлин. Вместо этого он полоснул ее ножом по шее.

Глава 17

— Ты хули творишь? — крикнул Кен, когда брызнула кровь.

— Да я только поцарапал ее маленько.

— У нее кровь течет из шеи. И рана выглядит глубокой!

Джаред не перерезал Шарлин горло, но это был довольно глубокий порез сбоку на ее шее. Три тонкие струйки крови стекли на ее рубашку, к ним быстро присоединилась четвертая.

Герти вцепилась в прутья клетки, настолько ослепленная яростью и ужасом, что подумала, что всплеск адреналина может позволить ей согнуть сталь. Конечно, этого не произошло. И она ни черта не могла сделать, чтобы помешать этим психам резать Шарлин.

***

Рана сильно болела, и Шарлин почувствовала, как кровь стекает по ее шее, но со связанными руками она не могла прикоснуться к ней, чтобы увидеть, насколько все плохо. По крайней мере, девушка все еще могла дышать.

Кен выглядел взбешенным. Он так сильно ударил Джареда по затылку, что его сын выронил нож. Джаред развернулся, и на мгновение Шарлин подумала, что двое мужчин могут подраться, но парень попятился, потирая голову.

— За что? — спросил Джаред.

— Мы так не делаем. Ты не можешь просто наброситься на нее, будто ты дикарь какой-то. Как думаешь, сколько она теперь проживет?

— Я думал, весь смысл в том, чтобы убить ее.

— Нет! Если ты хочешь перерезать кому-нибудь глотку, найди себе проститутку и сделайте это за мусорным баком. Это не то, чему я пытаюсь тебя научить. Ты только посмотри на всю эту кровь.

— Я не перерезал ей горло. Это крошечные струйки. Если мы заклеим порез пластырем, с ней все будет в порядке. Я и не подозревал, что ты так беспокоишься о ее благополучии.

— Это была ошибка, — сказал Кен. — Твоя мама повеласебя по-идиотски, когда привела тебя сюда.

— Не называй маму идиоткой.

— Я не называл ее идиоткой. Я сказал, что она вела себя как идиотка.

— Нет, ты назвал ее идиоткой.

— Не смей спорить со мной. Знаю, обстоятельства странные, но я все еще твой отец, а ты все еще мой сын. Пока ты живешь в моем доме и ешь еду, которую я покупаю, ты будешь уважать меня. Понял?

Джаред, казалось, понял, что перешел черту.

— Да, я понимаю. Я ждал этого так долго, что пришел в восторг. И не должен был резать ей шею. Мне очень жаль, пап.

Кен положил руку на плечо Джареда.

— Все хорошо. Мне не следовало огрызаться на тебя.

Шарлин не могла поверить, что стала свидетельницей этого идиотского проявления примирения отца и сына. Они выглядели так, словно собирались обняться, разрыдаться и сказать друг другу, как сильно любят друг друга.

— Я пойду посмотрю, как там мама, — сказал Кен. — Уйду всего на минуту, но ты можешь делать с ней все, что захочешь. Бери свои слова обратно — ничего сексуального. Все остальное пожалуйста.

Джаред поднял нож с пола.

— Могу я выколоть ей глаза?

— Если хочешь. Но это будет значить, что она не сможет увидеть, что будет дальше.

— Похоже, это было бы страшнее.

— Нет. Еще страшнее будет, если она будет видеть нож.

— Тогда, может быть, я выколю ей только один глаз.

— Делай, что хочешь. Только не прикасайся к Герти.

— Не буду.

— Веселись.

— Если ты хочешь сделать мне подарок на день рождения пораньше, то может быть оставишь меня здесь на час-другой.

— Тебе повезло, что у тебя всего минута. Может быть, даже меньше. — Кен подошел к дверному проему. — Ничего не делай, пока я не поднимусь вверх. Мы не хотим, чтобы соседи слышали нас.

Кен вышел, закрыв за собой дверь. Шарлин предположила, что это означало, что наверху также была дверь, блокирующая шум из подвала. Если бы она подождала, пока его шаги перестанут скрипеть, она бы поняла, что он открыл дверь наверху. И все же, если бы она позвала на помощь, единственное, чего бы она добилась, — вынудила бы их заставить ее перестать кричать. Это было то, что она приберегла бы для того, чтобы смириться с тем, что спасения нет, и захотела быстрой смерти. На данный момент она все еще думала, что они с Герти смогут выбраться из этого.

— Я лесбиянка, — сказала она ему.

— И что?

— Держу пари, у тебя никогда не было ни одной такой, верно?

— Нет. Не было. В этом как бы и весь смысл лесбиянства. Должно быть, у тебя не очень хорошо получается, если ты этого не знаешь.

— Я просто говорю, что такая возможность может больше никогда не представиться тебе. Как мне тебя остановить?

— Даже если бы я действительно хотел трахнуть лесбиянку — а я хочу, признаю это, — не собираюсь этого делать, когда моя мама может войти в комнату в любую минуту.

— Так скажи ей, чтобы она не спускалась.

Смех Джареда был на удивление высоким.

— Я, пожалуй, воздержусь от попытки трахнуть тебя в доме своих родителей. Как сказал папа, ты попытаешься заставить меня совершить ошибку. Этого не случится. И тебе не нужно беспокоиться, что я выколю тебе глаз. Я ничего тебе не сделаю. Просто буду терпеливо ждать, пока мама и папа вернуться.

— Киска.

— Не важно.

Джаред провел указательным и средним пальцами по шее Шарлин и слизнул с них кровь.

— М-м-м, — простонал он с улыбкой.

— У меня СПИД, придурок, — солгала Шарлин.

Джаред в ужасе ахнул и начал лихорадочно вытирать язык. Он сплюнул на пол и попятился от нее.

Герти пнула его ногами в затылок.

На ее лице не было никакого чувства выполненного долга. Движение ног, очевидно, причинило ей мучительную боль. Но она сделала это.

Джаред повалился вперед. Нож выпал из его руки и заскользил по полу в сторону Шарлин.

Шарлин дернулась всем телом вправо. Стул упал на бок, ударившись о бетонный пол и приземлившись на руку Джареда.

Он завизжал.

Подлокотник стула не сломался при ударе, но немного изогнулся. Резкий рывок правой руки Шарлин, и подлокотник кресла выскочил из спинки. Она быстро принялась за работу, чтобы освободить свою руку. Даже если звукоизоляции было достаточно, чтобы заглушить крик Джареда, Кен и Вивиан могли вернуться в любой момент.

Джаред, теперь уже всхлипывая, высвободил руку. Потому что сейчас он больше сосредоточился на своих раздавленных пальцах, чем на попытках Шарлин избавиться от веревок.

Девушка высвободила руку. Схватила нож. Не удержала. Получилось со второй попытки.

Джаред мог быть полезен в качестве заложника, но Шарлин все еще была привязана к стулу, и она не думала, что он будет сосредоточен на своей руке достаточно долго, чтобы иметь возможность полностью освободиться. Поэтому она вонзила нож ему в горло.

Струя теплой крови ударила ей в лицо.

Джаред издавал ужасные рвотные звуки, хватаясь за шею.

Шарлин начала разрезать веревку, связывающую ее другую руку.

«Пожалуйста, пусть они останутся наверху. Пожалуйста, пусть они останутся наверху. Пожалуйста, пусть они останутся наверху».

Джаред попытался дотянуться до нее, но это было совершенно безрезультатно. Шарлин старалась не смотреть на него, пока распиливала веревки; ужасное зрелище отвлекло бы ее.

Она высвободила левую руку. Теперь было бы быстрее просто развязать веревки. Хотя они не сделали небрежной работы по ее связыванию, они также, очевидно, планировали наблюдать за ней все время, пока она была привязана к стулу. Она смогла бы развязаться сама. Ей оставалось только молиться, чтобы его родители не вернулись слишком быстро.

Джаред больше не двигался. Увеличивающаяся лужа его крови коснулась руки Шарлин. Но если сейчас она не беспокоилась о своей собственной крови, то уж точно не собиралась думать о его. Она продолжала возиться с веревками.

— Ты отлично справляешься, — сказала Герти.

Веревки теперь быстро разваливались.

Она услышала, как заскрипели ступеньки.

Шарлин уже развязывала веревки так быстро, как только могла, и не было никакой возможности ускорить процесс, даже при неминуемой опасности. Если бы у нее было немного больше времени, она могла бы затаиться в засаде за дверью. Кен и Вивиан вошли бы

в комнату, в ужасе уставились бы на своего мертвого сына, и она убила бы их обоих ножом. Этот план, который в любом случае не был надежным, теперь был снят со стола, если только они не будут спускаться по лестнице очень, очень медленно.

Она отвязала себя от стула как раз в тот момент, когда повернулась дверная ручка.

Что ей делать? Броситься на них через всю комнату с ножом?

Несколько минут назад у Кена был при себе пистолет. Она могла видеть выпуклость под его рубашкой. У него не было бы причин избавляться от него. Даже если бы Шарлин побежала к нему быстрее, чем когда-либо в своей жизни, у него было бы достаточно времени выхватить оружие и выстрелить ей в голову.

Спрятаться было негде.

Дверь распахнулась.

Конечно, они сразу же увидели Джареда. Он неподвижно лежал в большой луже крови, и его было трудно не заметить. В идеальном мире Кен и Вивиан упали бы на колени, не в силах справиться с потерей своего сына. И в самом деле, женщина протиснулась мимо мужа и бросилась к его парня. Но Кен достал пистолет.

Шарлин вскочила, ухватила за край клетки Герти и подтянулась. Она попыталась сделать это, держась за нож, но выронила его, и тот со звоном упал на пол. Девушка надеялась, даже в такой судьбоносный момент, что ее подруга поймет, что Шарлин не пыталась использовать ее в качестве живого щита, а хотела воспользоваться желанием Кена сохранить Герти в живых. Он мог не рисковать случайно попасть в Герти, когда стрелял бы в Шарлин.

Вполне возможно, что Кену больше не было дела до Герти, или, по крайней мере, ему было все равно в те моменты, когда он смотрел на окровавленный труп своего сына, но у Шарлин не было другого выбора.

Вивиан издала вопль такой сильной печали, что Шарлин не смогла не испытать к ней жалости, даже когда увидела, как Кен приближался к клетке с поднятым револьвером.

Шарлин подтянулась повыше, так что ее голова оказалась на одном уровне с Герти. Теперь она поняла, что это было абсолютно нелепо. Единственный способ, которым Кен не смог бы убить ее, — это если бы он так сильно засмеялся над ее затруднительным положением, что поскользнулся на крови Джареда и потерял сознание при ударе головой об пол. Да, было девять десятых вероятности, что она скоро будет валяться на полу с разбрызганными повсюду мозгами. Если бы она бросилась на него или попыталась бросить нож или стул, то, по крайней мере, сохранила бы некоторое достоинство.

Кена, казалось, не забавляло ее затруднительное положение. Он обошел вокруг, чтобы найти хороший угол, под которым можно было бы сбить ее, так что, по крайней мере, она была права — он пока что не хотел убивать Герти. Шарлин обошла клетку, пытаясь удержать Герти между собой и Кеном. Эта тактика сохранит ей жизнь всего на несколько секунд, но она сделает все возможное, чтобы использовать их по максимуму.

Вивиан лежала на полу и все еще рыдала, баюкая тело Джареда.

Кен держался на расстоянии, как будто беспокоился, что у Шарлин есть какой-то трюк в рукаве. Он все еще был всего в нескольких футах от нее. Не имело значения, что его рука сильно дрожала. Если он нажмет на курок, то не промахнется.

И мужчина это сделал.

Шарлин вскрикнула, когда пуля разорвала ткани ее левой ноги. Он не промахнулся, но, очевидно, планировал нанести гораздо больший урон, чем этот. Боль была сильной, но не

настолько, чтобы заставить Шарлин ослабить хватку и упасть с клетки.

— Не стреляй в нее! — закричала Вивиан срывающимся голосом. — Заставь эту еб*ную суку страдать!

Кен бросил пистолет на пол и шагнул вперед. Затем, очевидно решив, что ему не следует оставлять пистолет так близко, он пнул его ногой в другую сторону подвала.

— Слезай оттуда, — сказал Кен. — Не усугубляй ситуацию.

Шарлин была почти уверена, что она уже исчерпала свои лимиты, настолько жестоким будет ее наказание, если и когда он наконец стащит ее с клетки. Она просто собралась с духом, готовая выбивать из него дерьмо так долго, как только сможет.

— Как ты думаешь, куда денешься оттуда? — спросил он.

Вивиан, больше не кричала, теперь она шептала своему сыну. Шарлин была рада, что не может слышать ее слов.

— Я задал тебе вопрос, — прокричал мужчина.

Шарлин продолжала игнорировать его вопрос, который, как она предполагала, был гипотетическим. Она не думала, что куда-то может деться. Даже если бы у нее хватило спортивного мастерства прыгать с клетки на клетку, это не принесло бы ей никакой пользы.

Кен двинулся вперед.

Герти пнула его ногой. Это был ужасно слабый удар, и он мало что сделал, чтобы разубедить его.

— Я сломаю твои чертовы ноги, — пригрозилон ей.

Герти снова пнула его, с еще меньшей силой.

Шарлин не болталась всю ночь в стальной клетке, поэтому ее удар был намного более жестоким. Она попала ему в грудь. Но он схватил ее за ногу и потянул. Если бы это была раненая нога, девушка подозревала, что боль была бы такой сильной, что она бы ослабила хватку на клетке и позволила ему делать с ней все, что он хотел, но вместо этого выдернула ногу и ударила мужчину в лицо.

Она не услышала удовлетворяющего треска сломанного носа, и он не упал на пол, а схватил ее за раненую ногу.

Боль была такой сильной, как она и боялась. И все же девушка не отпускала клетку. Она пнула его другой ногой, и раненая выскочила из его рук.

Она посмотрела на него сверху вниз. Кен выглядел совершенно безумным от ярости. Он издал яростный рев, который был еще громче и более расстроенным, чем плач Вивиан.

Шарлин забралась так высоко, как только смогла. Там не было места для нее, чтобы взгромоздиться на верхушку клетки, но она была прямо под потолком.

Кен поднял нож, которым она убила его сына.

— Ты не уйдешь от меня! — закричал он.

Он ухватился за прутья и подтянулся. Клетка внезапно наклонилась в его сторону.

А затем крепежи клетки, которые, вероятно, не были рассчитаны выдержать вес трех человек, оторвались от потолка.

На мгновение показалось, что он повис в воздухе. Это было похоже на тот момент, когда американские горки спускаются с первого ужасающего холма.

Затем клетка рухнула на пол. Она приземлилась на бок, придавив Кена. Перевернулась, но его изуродованное тело прилипло к ней и отправилось в короткую поездку.

Шарлин что-то повредила при ударе, может быть, даже сломала кости, но об этом она побеспокоится позже. Она спрыгнула с клетки в угол, куда Кен пнул револьвер.

Чувство самосохранения Вивиан явно перевешивало ее потребность быть со своей умершей семьей. Она выскочила из комнаты и захлопнула за собой дверь. На другой стороне раздался звуковой сигнал.

Шарлин подняла пистолет и, пошатываясь, вернулась к клетке. Она даже не думала о том, сможет ли ходить на своей поврежденной ноге — просто сделала это. Дышать было немного трудно, но не больно, поэтому заподозрила, что у нее скорее ушибы, чем переломы ребер.

Ее первой задачей было выяснить, представлял ли Кен угрозу.

Ожидания девушки оправдались. Его тело больше не цеплялось к клетке, и он еще не был мертв, но, по крайней мере, три разные поломанные кости торчали из его плоти. Сам мужчина захлебывался собственной кровью. Она не собиралась тратить пулю, чтобы избавить его от страданий.

Шарлин обратила свое внимание на Герти, которая неподвижно лежала в клетке.

Кровь пропитала брюки Герти на верхней части бедер. Если бы клетка упала прямо вниз, она бы раздробила ноги Герти, но, несмотря на кровь, ее раны не казались такими ужасными. Конечности, казалось, не были вывернуты. И, внимательно присмотревшись, она увидела, что Герти еще дышит. Хотя Шарлин еще не была готова дать полную справку о состоянии здоровья, она была почти уверена, что Герти только потеряла сознание при падении.

Она подошла к двери и повернула ручку. Заперта. Рядом с дверью была клавиатура, поэтому она вернулась к Кену и присела рядом с ним на корточки.

— Какой код? — спросила она.

Он открыл рот — едва-едва — но не издал ни звука.

— Скажи мне код, или я сломаю тебе пальцы.

Хотя его губы двигались, она была почти уверена, что даже если бы она могла слышать, что он говорит, это не было бы комбинацией.

Затем его рот перестал двигаться, и все его тело замерло.

Хорошо. Они были заперты в подвале. Но у Шарлин был пистолет. Как только Вивиан откроет дверь, чтобы проверить, как они, она пристрелит ее. Не проблема.

Это предполагало, что Вивиан действительно решит проверить их.

Если бы подвал был звукоизолирован, а ее муж и сын были мертвы, у нее, возможно, не было бы мотива проверять их. По крайней мере, не в ближайшее время.

Шарлин внезапно очень остро осознала, сколько крови вытекло из ее шеи на одежду.

У Шарлин закружилась голова. Когда непосредственная опасность миновала и адреналин больше не бурлил в ее венах, тяжесть травм стала очевидной.

Она встряхнула себя. Ей все еще нужно было кое-что сделать. Может быть, Вивиан собиралась оставить их здесь умирать, но, если все же этого не сделает, у Шарлин должна была быть ясная голова.

Двигаясь так быстро, как только она могла из-за тела, которое больше не полностью подчинялось ей, Шарлин взяла нож и отрезала не окровавленную часть штанины брюк Кена. Она завязала ее вокруг шеи, достаточно туго, чтобы, как она надеялась, остановить кровотечение, и не задушить себя. Отрезала еще одну полоску и обвязала вокруг ноги, гораздо туже, чем вокруг шеи.

Это было недостаточно и не поможет ей пережить ночь, но, учитывая отсутствие аптечки первой помощи, этого должно было хватить.

Она проверила дверь клетки. Заперта на висячий замок. Возможно, она могла бы выстрелить в него из револьвера, но только растратит пулю, которая может понадобиться ей позже. Герти не смогла бы ходить, не говоря уже о том, чтобы помочь ей бороться с Вивиан, так что пока не было причин пытаться освободить ее из клетки. Хотя ей стоило попытаться ее разбудить.

Кен взял нюхательную соль с собой, когда уходил раньше. Шарлин просунула руку сквозь решетку и похлопала ее по ноге.

— Герти? Эй, Герти?

Герти, все еще дышала, но не шевелилась.

Что, если она ударилась головой достаточно сильно, чтобы возникла черепно-мозговая травма?

Сейчас об этом не стоило беспокоиться. Пока она не выяснит обратное, будет считать, что Герти была просто без сознания и в полном порядке.

Может быть, это и к лучшему, что она не просыпалась. Пока она спала, она не знала, что находится в клетке внутри клетки.

Шарлин чувствовала, что ей на удивление хорошо удавалось сохранять спокойствие, учитывая, что у нее текла кровь из шеи и ноги, и она была окружена трупами. Не так давно ее преследовали воспоминания, как Ли покончил с собой, и она предполагала, что это будет самое ужасное зрелище в ее жизни. Никогда не ожидала, что что-то превзойдет ту ситуацию так скоро. Лужа крови Джареда все еще медленно расширялась, а тело Кена представляло собой просто искалеченное месиво.

Она вернулась к двери. Не была уверена, с какой стороны лучше устроить засаду. Слева она могла стрелять, как только откроется щель. Справа дверь скроет ее, пока Вивиан не войдет внутрь. Но в любом случае Вивиан знала, что у нее заряженный пистолет, и приняла бы меры предосторожности.

Если только она когда-нибудь откроет дверь.

«Пусть эти твари там сдохнут. Пусть эти суки сгниют там».

Вивиан открыла несколько кухонных шкафчиков и быстро нашла бутылку виски. Отвинтила крышку и сделала большой глоток. Затем у нее случился сильный приступ кашля, она, спотыкаясь, подошла к раковине, и ее вырвало.

Она потеряла все.

Ее сын и муж были мертвы. Она никогда больше их не увидит, потому что никогда больше не спустится в этот проклятый подвал. Обе двери были заперты. Шарлин, вероятно, истечет кровью до того, как умрет от голода, но женщина надеялась, что Герти умрет медленной, очень медленной и мучительной смертью.

Вивиан не верила в призраков. Но, может быть, духи Джарета и Кена останутся в той комнате, мучая девочек, пока они, наконец, не уступят своей кончине. Возможно, ее семья продолжит свои мучения в аду.

Она сделала еще один глоток виски, и на этот раз ее не вырвало.

Женщина привела бы себя в порядок, а затем нашла бы место, чтобы избавиться от тел в багажнике своей машины. Потом она пошла бы домой и ничего не делала. В конце концов, она позвонила бы в полицию и сообщила бы о пропаже своей семьи, объяснив, что они отправились в недельный поход отца и сына с плохой сотовой связью, поэтому она и не волновалась. У нее будет достаточно времени, чтобы отрепетировать свою реакцию, когда полиция сообщит ей о том, чем на самом деле занимались ее муж и сын.

Она пошла в ванную и открыла кран, стараясь не смотреть в зеркало. Если бы она увидела свое отражение сейчас, это был бы последний раз, когда она когда-либо посмотрела на себя снова.

В дверь позвонили.

Бл*ть.

Вивиан не могла игнорировать этого. В подвале царил хаос, и не все звуки были замаскированы. Если она не убедит того, кто стоял у двери, что все в порядке, он наверняка вызовет полицию. Предполагая, конечно, что это не копы были у ее двери.

Ее одежда была пропитана кровью. Она могла бы снять ее, но все равно была бы вся в крови, а смыть ее не было времени. Вместо этого она поспешила к двери.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросила она.

— Привет, — сказал мужчина с другой стороны двери. — Мы ваши соседи. Хотели убедиться, что у вас все в порядке.

— Все в порядке. У нас все в полном порядке.

Звучала ли в ее голосе паника? Вивиан подумала, что ее слова могли прозвучать истерично. Это был не тот тон, который она хотела передать.

— Извините, я не могу открыть дверь. Была в душе, когда услышала звонок в дверь.

— Без проблем, — сказал мужчина. — Мы слышали какой-то шум. Будто бы крики.

— Да, это был телевизор. Я слишком громко смотрела фильм ужасов. Извините, я не думала, что звук разносится так далеко.

— Звучало так, будто это был действительно чокнутый фильм. А что за фильм, кстати, вы смотрели? Я просто обязан его посмотреть.

— Не помню названия. Они почти все одинаковые, верно же?

— Вы уверены, что с вами все в порядке? — спросила женщина.

— Все хорошо. Я прошу прощения за то, что не пришла познакомиться с вами раньше.

На самом деле я здесь не живу.

— Нет-нет, все в порядке, — сказал мужчина. — Мы сожалеем, что побеспокоили вас. Может быть, мы сможем как-нибудь встретиться и выпить кофе.

— Да, безусловно. Это было бы здорово. Еще раз прошу прощения за то, что не открыла дверь — я стою здесь вся мокрая.

— Тогда мы лучше дадим вам обсохнуть. Мы рады, что у вас все хорошо. Увидимся позже.

— Да, непременно, — сказала Вивиан.

Она хотела приоткрыть занавеску, чтобы взглянуть на них, но в ее планы не входило, чтобы они заменили, как их соседка подглядывала.

Хуже могло быть только в том случае, если бы они на самом деле были полицейскими и вышибли дверь. Она проболталась во время этого разговора и знала со стопроцентной уверенностью, что они позвонят в полицию, как только вернутся домой, если только они уже не набирают службу спасения.

Ей придется убить их.

Нет. Это было глупо и безумно. Она не могла поверить, что ее разум предложил такое. Вив не могла просто погнаться за ними и заколоть их насмерть прямо во дворе. Что, если на участке были другие люди? Что, если у них есть дети? Что, если жертвы успешно отобьются от нее? Совершение длинной череды убийств не было выходом из ее положения.

Она все еще могла заявить о своей невиновности. Все еще могла притвориться рассеянной женой, которая совершенно не подозревала о зловещей деятельности своего мужа и сына.

Только два человека могли опровергнуть ее рассказ.

Она не могла так рисковать. Она не знала, насколько трудно властям будет пройти через два электронных замка, но предполагала, что они смогут сделать это до того, как Шарлин и Герти умрут.

Вивиан должна была избавиться от них как можно быстрее.

***

Шарлин напряглась, услышав звуковой сигнал с другой стороны двери, за которым последовал щелчок, который, как она предположила, был отключением замка.

Дверь не открылась.

Она ждала.

Не была уверена, будет ли стрелять при первых признаках движения с другой стороны или подождет, дабы убедиться, что это Вивиан. Она не хотела пережить кошмар только из-за того, что случайно убила полицейского, который появится в дверях, чтобы спасти ее.

Шарлин продолжала ждать. Была ли Вивиан там, набираясь смелости, чтобы войти внутрь? Была ли это ловушка?

Конечно, это была ловушка. Вивиан не собиралась просто так отпускать ее. Это, безусловно, была западня. Но Шарлин должна была выйти туда, даже если капкан вот-вот захлопнется, потому что ее другой альтернативой было истечь кровью до смерти в этом подвале.

Она очень медленно повернула дверную ручку. Затем она толкнула дверь так сильно, как только могла, надеясь, что, если бы Вивиан стояла снаружи, железяка ударит по той.

Дверь ни во что не врезалась.

Шарлин внимательно прислушивалась к звуку дыхания, хотя его было бы трудно расслышать из-за собственных судорожных вдохов.

Единственный свет исходил из комнаты с клетками. Шарлин могла лицезреть лестницу, ведущую наверх, которая была пуста, но не видела, что было в проходах справа и слева от нее. Рядом с дверью был выключатель, но, когда Шарлин пощелкала им, ничего не произошло.

Она медленно пошла вверх по лестнице. Это не могло быть так просто. Либо дверь будет заперта, либо Вивиан будет ждать с другой стороны, сидя в кресле с дуствольным дробовиком на коленях.

Лестница скрипела под каждым ее шагом, что приводило в ужас, хотя Вивиан почти наверняка знала, где она находится, и без этого скрипа.

На верхней площадке лестницы Шарлин повернула ручку. Дверь была заперта.

Она посмотрела на клавиатуру, но понятия не имела, что Кен может использовать для своего четырехзначного кода. С таким же успехом она могла бы попробовать что-нибудь. Под каждой цифрой были буквы, как на телефоне, поэтому она набрала 7-3-5-9.

Ц-Е-П-Ь.

Дисплей сбросился, и дверь не открылась.

В «Вивиан» и «Джаред» было больше четырех букв. И хотя Шарлин не была уверена, как работают подобные замки, считала, что компьютер заблокировал бы вас, если бы вы слишком много ошибались с набором пароля, поэтому не захотела продолжать попытки и рисковать сценарием, при котором даже Вивиан не смогла бы вытащить их из подвала.

Она снова обдумала идею прострелить замок.

Но, опять же, не знала, что произойдет. Очевидно, что, если бы она прострелила клавиатуру, замок не открылся бы. Если бы она попыталась вскрыть сама замок, то могла бы сделать еще хуже, заклинив его до такой степени, что мог бы вообще никогда не открыться. Если бы у нее был дуствольный дробовик, она бы вышибла из него все дерьмо, но с револьвером это казалось глупым поступком.

Поэтому она медленно пошла обратно вниз по лестнице.

У Вивиан не было оружия. Это казалось очевидным. В противном случае она бы уже застрелила Шарлин. Это было небольшим утешением, когда она оглядела темное пространство, пытаясь понять, где могла бы прятаться Вивиан, если бы она действительно была здесь, внизу, но, по крайней мере, это было небольшим но утешением.

Ей пришло в голову, что она не пыталась вести переговоры. Вероятно, на этот раз это тоже не сработало бы, но все же попробовать стоило.

— Эй! — крикнула она. — Ты здесь, внизу?

Вивиан не ответила.

— Ты ничего не сделала, — сказала Шарлин. — Мы расскажем об этом полиции. Скажем, что ты пыталась остановить их. Можем покончить с этим без того, чтобы тебя посадили.

Ответа не последовало.

Шарлин захотелось присесть. Все эти разговоры были утомительными.

Черт. Она похоже действительно истечет кровью до смерти.

Без убывающих часов ее жизни от кровотечения она могла бы просто взгромоздиться на верхнюю ступеньку и ждать, когда Вивиан, в конце концов, откроет дверь. Но теперь девушка не думала, что у нее был иной выбор, кроме как перейти в наступление.

Влево или вправо?

Она не знала, куда ведет тот или иной проход, так что это не имело значения. Она пошла налево. Через пару шагов под ее ботинком хрустнуло несколько осколков стекла. Наверное, лампочка. Если Вивиан потрудилась разбить лампочки, она, скорее всего, действительно пряталась здесь.

Шарлин шла медленно, держа пистолет наготове, а палец на спусковом крючке.

Ее глаза достаточно привыкли к темноте, чтобы она могла видеть, что находится в прачечной. Ничего необычного: стиральная машина, сушилка и пара пустых корзин. Никакого видимого места, где Вивиан могла бы спрятаться, если только она не забралась в сушилку, что было маловероятно.

Она заметила движение позади себя. Резко обернулась. Дверь в комнату с клетками была полностью открыта. Затем та закрылась.

Дерьмо.

Шарлин бросилась туда. Она на мгновение потеряла равновесие, но не упала. Потянулась к дверной ручке как раз в тот момент, когда дверь распахнулась, врезавшись в Шарлин и сбив ее с ног. Девушка тяжело приземлилась на спину, и несколько капель крови взлетели в воздух.

Ей потребовалась секунда, чтобы сфокусировать зрение. Когда это произошло, Вивиан нависла над ней, замахиваясь чем-то, что держала обеими руками.

При ударе сильная боль пронзила руку Шарлин, а затем в ней наступило онемение. Вивиан ударила ее еще дважды. Это был хлыст для верховой езды, который бы вы использовали на лошади или на сексуальном партнере-извращенце. Шарлин попыталась вывернуть руку, чтобы нажать на спусковой крючок и всадить пулю в лицо Вивиан, но конечность не слушалась.

Она не могла потерять пистолет. Пережила бы повторные удары хлыстом для верховой езды, но, если бы Вивиан достала револьвер, Шарлин была бы мертва. А потом и Герти вслед за ней.

Вивиан продолжала бить Шарлин по руке, на которой теперь было несколько кровавых полос.

Если бы Шарлин не была ослаблена от потери крови, наверняка бы надрала задницу психопатке. Как бы то ни было, она ничего не могла поделать, кроме как лежать и принимать удары хлыста.

Вивиан сменила цель, ударив хлыстом по лицу Шарлин. Удар был таким болезненным, что она не сразу поняла, как Вивиан выдернула пистолет у нее из руки.

Шарлин согнула пальцы другой руки в когти и замахнулась на лицо Вивиан. Длинные ногти не подходили для работы официанткой или лесбийских утех, поэтому они у нее были коротко подстриженными, о чем сейчас жалела. Но она попала Вивиан в рот как раз в тот момент, когда женщина закричала на нее, просунув указательный и средний пальцы между зубами и щекой Вивиан. Шарлин сильно дернула, надеясь оторвать часть лица Вивиан.

Девушка не сильно-то разорвала ее щеку, но в уголке рта появилась кровь, когда пальцы высвободились.

Затем Шарлин ударила ее по совершенно новой ране.

Вивиан взвыла от боли.

Она все еще держала пистолет, и Шарлин увидела, что тот направлен прямо ей в грудь. Как только Вивиан соберется с духом, чтобы нажать на спусковой крючок, в сердце официантки появится огромная дыра.

Шарлин снова ударила ее кулаком. Вивиан, у которой изо рта шла кровавая пена, будто взбесилась, попыталась укусить ее за кулак. Ее зубы царапнули тыльную сторону ладони Шарлин, разрывая кожу, но не погрузились достаточно глубоко.

Вивиан издала крик, который звучал скорее по-звериному, чем по-человечески. Эта женщина совершенно потеряла рассудок. Но в руке все еще был пистолет.

Собрав все свои силы, Шарлин перевернулась как раз в тот момент, когда Вивиан выстрелила. Пуля вонзилась в пол. Шарлин села, что было чертовски больно, и схватила похитительницу за запястье. Она потянула, пытаясь сломать кости, а когда это не сработало, вонзила остатки своих ногтей в плоть Вивиан.

Вивиан повернула пистолет и сделала еще один выстрел. Этот пролетел мимо плеча Шарлин. В ушах у нее теперь звенело так сильно, что она едва слышала первобытные вопли Вивиан.

Шарлин все еще держала женщину за запястье. Она сжимала его все крепче и крепче, надеясь, что ее пальцы прорвутся прямо сквозь кожу Вивиан. Наконец пистолет выскользнул из пальцев Вив и приземлился на ногу Шарлин.

Она тут же схватила оружие. Вивиан тоже бросилась к нему. Не было времени на то, чтобы положить палец на спусковой крючок, прицелиться и выстрелить, поэтому Шарлин решила отбросить пистолет подальше от них, в сторону прачечной.

Вивиан, возможно, подражая Шарлин, бившей кулаком по ране на лице, ударила по порезу на шее Шарлин. Девушка не могла расслышать звук, который издавал ее собственный голос, но предположила, что он тоже был не совсем человеческим.

Шарлин попыталась еще раз попросить ее просто разойтись в разные стороны, но рот больше не мог произносить слова. Она ударила Вивиан кулаком, но совершенно промахнулась. Женщина сплюнула немного крови в лицо Шарлин, затем встала и, пошатываясь, направилась в прачечную.

Хотя ее тело, казалось, вот-вот разорвется на части и просто начнет брызгать кровью из дюжины мест, Шарлин заставила себя встать и пойти за ней. Она еще не проиграла.

Но когда Вивиан подняла пистолет, Шарлин все еще была в паре метров от нее. Не было никакой возможности схватить женщину до того, как та сможет выстрелить. Вместо этого Шарлин начала пятиться, надеясь, что не поскользнется на собственной крови.

— Пожалуйста... — сказала она или подумала, что сказала, хотя в этот момент не было абсолютно никаких шансов переубедить женщину.

Вивиан направила на нее пистолет. Когда она улыбнулась — безумной, пугающей улыбкой, — кровь потекла с обеих сторон ее рта.

На верхней площадке лестницы раздался стук в дверь.

Кто-то был в доме.

Вивиан посмотрела на нее. Если бы Шарлин была ближе к ней, это было бы идеальным отвлекающим маневром, возможностью напасть и попытаться вырвать пистолет у нее из рук. Черт возьми, если бы у нее было что-нибудь, что она могла бы швырнуть, стук в дверь мог бы спасти ей жизнь. Вместо этого все, что ей удалось, — это выиграть достаточно времени, чтобы сделать еще пару шагов назад.

Стук продолжался. Теперь в дверь явно ломились.

Вивиан не опустила пистолет. Она нажала на спусковой крючок.

Промахнулась, хотя и не сильно. Шарлин сделала еще один шаг назад, когда женщина пальнула снова. Этот выстрел вырвал кусок плоти из плеча Шарлин. Несколько сантиметров левее, и он попал бы в то же место, где Джаред полоснул девушку по шее.

Но бой не выигран. Шарлин не собиралась сдаваться, пока не умрет.

Вивиан сделала несколько шагов вперед, чтобы лучше прицелиться.

— Пожалуйста... — повторила Шарлин.

Шум выбиваемой двери продолжался.

Шарлин вскрикнула и согнулась пополам, когда Вивиан выстрелила ей в живот. Девушка упала на пол, хватая ртом воздух. Под ней уже растекалась лужа крови.

Женщина вытерла кровь со рта, затем отвернулась от Шарлин и вошла в комнату с клетками.

Шарлин хотела крикнуть хоть как-то предупредить Герти, каким бы бесполезным это ни было, но прямо сейчас, а возможно, уже навсегда, сознание покинуло ее.

Глава 19

Вивиан почти захотелось зарыдать от облегчения, когда отвернулась от этой суки. Если бы она действовала быстро, то могла бы убить Герти, а затем наверняка добить Шарлин, если та еще не сдохла. Ей пришлось бы придумать рассказ, который имел бы смысл, но если бы она вела себя истерично — то есть, если бы она продолжала вести себя истерично, — никто не ожидал бы, что женщина сразу же поделится своей историей. Она могла бы замолчать, пока не придумает хорошее оправдание.

Чуть не упала на колени, увидев окровавленные трупы Джаред и Кена, но заставила себя не обращать на это внимания. Ей просто нужно было убить Герти — беспомощную девушку без сознания в клетке, и все будет в порядке.

Она пошла длинным обходным путем, чтобы не наступить в кровь.

Герти, естественно, никуда не делась.

Женщина подошла к клетке. Глаза Герти были закрыты, но она все еще дышала. Вивиан не подходила слишком близко, на случай, если это был трюк, она направила дуло револьвера в лоб Герти и нажала на спусковой крючок.

Ничего не произошло. Просто щелчок.

У нее что, закончились патроны? Она же выстрелила всего пять раз.

Стоп, она совсем забыла о том, что Кен выстрелил Шарлин в ногу. Да, в пистолете закончились патроны. Она бросила его на пол. Ее отпечатки пальцев были повсюду на оружии, но ей, вероятно, все равно пришлось бы признаться, что она стреляла в Шарлин, так как их кровью было залито все в прачечной. Она просто скажет, что это была самооборона.

А вот смерть Герти явно не походила бы на самозащиту. Она бы обвинила в этом Кена.

Вивиан огляделась в поисках ножа. Он лежал на полу. Лужа крови Джаред достигла предмета, но ей придется преодолеть отвращение и поднять его. Нет времени колебаться. Она издала мучительный вскрик, поднимая мокрое оружие.

Вивиан вернулась к клетке и сунула руку с ножом внутрь. Три или четыре быстрых удара в центр горла, и Герти больше не сможет рассказать правду о том, что здесь произошло.

Глаза Герти распахнулись, и она схватила Вивиан за руку.

***

Герти проснулась от звуков криков. Она не тратила энергию впустую, пытаясь выбраться из клетки, и принялась разминать руки, заставляя кровь снова циркулировать в них. Ощущение булавок и иголок было чистой агонией.

Она разорвала, по крайней мере, один шов на ноге, когда пнула пацана, и, возможно, второй тоже лопнул, когда клетка упала, так что обе штанины ее брюк были пропитаны кровью.

Девушка прислушивалась к звукам драки Шарлин и Вивиан, жалея, что ее не было рядом, чтобы помочь сломать психопатке руки и ноги.

Она слышала что-то похожее на стук. Кто-то пытался проникнуть в подвал?

Слышала выстрелы.

Когда дверь распахнулась, она молилась, чтобы это была Шарлин, которая пришла ей на помощь. Увидев, что это Вивиан, она тут же закрыла глаза.

Заставила себя держать их закрытыми, когда Вивиан подошла к клетке.

Каким-то образом не вздрогнула при звуке щелчка. Неужели Вивиан пыталась застрелить ее?

Когда она поняла, что рука Вивиан находится внутри клетки, пошевелилась. Схватила женщину за руку. Потянула ее вниз.

Вивиан это не повредило, но ее длинные светлые волосы рассыпались по клетке.

Герти схватила Вивиан за волосы другой рукой. Накрутила их на кулак. Все пальцы Герти были ободраны и болели после пытки ножом, но девушка стиснула зубы и боролась с мучительной болью. Дернула так сильно, как только могла.

Лицо Вивиан врезалось в клетку подбородком вперед. Та выронила нож.

Герти снова дернула.

Вивиан снова врезалась в сталь, сломав нос. Женщина закричала что-то бессвязное и попыталась отдернуть голову, но Герти смогла еще раз дернуть ее за волосы, ударив прямо в рот, что пара ее передних зубов упала в клетку.

Лицо женщины представляло собой ужасное зрелище, но она все еще была жива.

У Герти не осталось сил снова дернуть ее за волосы. У нее едва-едва хватило сил, чтобы поднять нож и воткнуть его сквозь прутья решетки.

Герти целилась в шею, как раз в то место, куда Шарлин ударила Джареда ножом. Но Вивиан дернулась. Вместо этого лезвие вонзилось ей в сердце.

Когда кровь хлынула на Герти, Вивиан попыталась подняться обратно в стоячее положение. Мгновение спустя женщина упала на пол. Это был бы больной, испорченный романтический конец, если бы она приземлилась на своего мужа, но труп Кена был с другой стороны клетки.

Герти вытерла кровь Вивиан с лица. Некоторые капли попали прямо в ее правое глазное яблоко, и она отчаянно пыталась сморгнуть их, чтобы избавиться от ощущения жжения.

Оно никуда не делось, но девушка побеспокоится об этом позже.

Герти позвала Шарлин, но та не ответила ей. Продолжала звать, хотя слышала несколько выстрелов, и тот факт, что Шарлин сейчас не было с ней в комнате, был довольно явным признаком того, что ее подруга — мертва.

За пределами комнаты раздался громкий грохот.

Скрип на лестнице. Слишком много скрипов, чтобы они могли принадлежать одному человеку.

— Здесь тело! — крикнул мужчина.

Двое мужчин вошли в комнату с клетками. Полицейские. Если бы она могла как-то предупредить их о том, что они увидят, сделала бы это. Она бы предупредила их о теперь уже одиннадцати клетках, свисающих с потолка, большинство из которых были с мертвыми женщинами внутри. Предупредила их о подростке, лежащем с перерезанным горлом в луже крови. О мертвце, которого раздавила тяжелая стальная клетка. И о женщине, у которой из сердца до сих пор хлестала кровь.

Копы выглядели так, словно могли бы воспользоваться ее предупреждением. Один из них тут же повернулся, и его вырвало, в то время как другой уставился на кошмары, окружавшие его.

Тот, которого вырвало, снял с пояса рацию и вышел из комнаты. Она слышала, как он сказал что-то о том, что ему срочно нужно подкрепление и скорая помощь.

«Немедленно».

Им же не нужна была скорая помощь, чтобы забирать мертвецов.

Конечно, она могла быть предназначена для нее, но Герти не была уверена, что полицейский заметил, что она все еще была жива, прежде чем вышел из комнаты.

Она попыталась привлечь внимание другого полицейского, но ее руки пока отказывались двигаться.

— Я живая, — сумела сказать она.

Полицейский поспешил к клетке, широко раскрыв глаза. Он потянул на себя дверцу, но она не открылась.

— Мы вытащим тебя оттуда, — пообещал он ей.

— Как моя подруга? — спросила она.

Полицейский взглянул на три трупа, словно не зная, какие новости ему придется сообщить.

— Которая из них твоя подруга?

— Она снаружи.

— Пока не знаю. Мой напарник проверяет ее. А пока побеспокойся о себе.

— Я вроде в порядке.

Герти была почти уверена, что ее колотые раны были инфицированы, и она еще не знала, какие травмы получила, когда клетка упала. Девушка была уверена, что ей будут сниться кошмары каждую ночь примерно в течение следующих семидесяти лет, но пока она не увидит Шарлин за дверью с ее мозгами, разбрызганными по стене, Герти будет верить, что все действительно будет хорошо.

***

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем появился полицейский с болторезами. К тому времени Шарлин уже увезли на машине скорой помощи. Она была жива. Полицейский, который велел ей побеспокоиться о себе, сказал Герти, что у Шарлин была глубокая рана на шее, в ноге, о чем Герти и так знала, и еще одно огнестрельное в животе.

Она была без сознания и ни на что не реагировала. Но еще живая.

— Состояние ее тяжелое, — сказал полицейский. — Но, если она сможет продержаться до тех пор, пока ее не отправят в операционную, думаю, выкарабкается.

***

Шарлин Фокс сумела продержаться, пока ее не доставили в операционную.

Шесть месяцев спустя

Шарлин и Герти сидели друг напротив друга в кабинке бара, потягивая безалкогольные шоколадные молочные коктейли.

Они провели много времени вместе, и Герти навещала ее каждый божий день во время ее пребывания в отделении интенсивной терапии, затем также часто после того, как ее перевели в обычную палату. Когда она переехала на стационарную физиотерапию, подруга все равно была рядом. Герти была той, кого Шарлин увидела, когда впервые открыла глаза, после того, как та сука выстрелила ей в живот. Девчонка сразу же бросилась в комнату ожидания, чтобы сообщить родителям Шарлин, что та наконец пришла в себя.

Она думала, что ей может быть неприятно, что Герти так часто бывала рядом, как напоминание о том, что та была ответственна за втягивание Шарлин в этот кошмар в первую очередь, но на самом деле находила присутствие Герти очень успокаивающим. И они продолжали видеться и после того чудесного дня, когда стационарное лечение превратилось в амбулаторное.

Лучшие подруги навсегда? Конечно, почему нет?

***

Герти не знала, считалось ли это победой. Она не спасла свою кузину Кимберли. Не спасла последнюю жертву Кена. Определенно была ответственна за то, что Трэвис попал в поле зрения Вивиан, и, следовательно, за двух других жертв, которые появились в неподходящее время.

Трое невинных человек погибли из-за ее вмешательства.

Сколько еще женщин похитил бы Кен, если бы ему позволили продолжать? Больше трех?

Она никогда не узнает.

Может быть, Джаред пошел бы по стопам своего отца. Герти, возможно, спасла большое количество гипотетических жертв. Или, возможно, она никому не помогла. Ей просто придется удовлетвориться знанием того, что плохие люди были мертвы.

***

— Блин, чертовски вкусные коктейль,— сказала Шарлин.

— Ага.

— Но было бы лучше, если бы в них было хоть немного рома.

— Тебе нельзя пить алкоголь.

— Я просто говорю. А ты бы могла добавить немного рома в свой и дать мне понюхать

его.

— Я не собираюсь пить вкусный алкогольный молочный коктейль в твоём присутствии.

— Это очень любезно с твоей стороны. Ты хорошая подруга. Кстати, а когда ты собираешься залезть на меня?

— Я вроде не собиралась.

— Думаю, что ты в долгу передо мной. Ты должна буквально съесть мою киску за все, через что ты заставила меня пройти.

— Ага, только в твоих мечтах.

— Если только в кошмарах. У тебя бы ужасно получилось. Это было бы похоже на... —

Шарлин высунула язык и закрутила им в произвольных направлениях, имитируя плохую технику орального секса. — Это было бы неловко. В конце концов, мне стало бы скучно, и я ушла.

— Люди пялятся на тебя.

— Один психопат чуть не перерезал мне шею, другая выстрелила мне в живот, а третий почти запер меня в клетке, чтобы я умерла в ней от голода. Угадай, как сильно меня волнует, что люди пялятся на мой язык?

— Меня несколько раз психопат ударил ножом, и я действительно была заперта в клетке, и мне не все равно, что люди пялятся на твой язык.

— Ну, это твои проблемы. Я уверена, что они сейчас молча осуждают тебя. Ты чувствуешь, как их глаза сверлят твой затылок?

Герти рассмеялась.

— Я рада, что ты вернулась к нормальной жизни.

— О, я так далека от нормы, что это даже не смешно.

— Ты снова ведешь себя так, как вела себя, когда мы только познакомились.

Шарлин взяла свой стакан с молочным коктейлем.

— Мы должны произнести тост.

— Какой?

— Я не знаю. Давай выпьем за то, что не стали жертвами семьи серийных убийц.

Герти подняла свой бокал.

— За то, что нас не убила семейка маньяков.

Они чокнулись бокалами и выпили шоколадные молочные коктейли.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net